

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2010

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М.А. Телятник. Фельетон Леонида Андреева о спектакле по пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак» в Русском драматическом театре (театре Корша).....	
П.А. Ковалев. Концептуалистская версия поэтического текста Дмитрия Пригова	
И.Б. Казакова. Предел познания в философской лирике У.Вордсворта	
Л.В. Чалова. Предпосылки возникновения и развития детской литературы в Великобритании	
Н.М. Киндикова. Судьба репрессированных писателей Алтая : новое прочтение и осмысление	
Н.В. Панченко. Элокутивная стратегия композиционного построения текста (на материале современной русской прозы)	
Е.Н. Басовская. Меч обоюдоострый : идея «чистоты языка» в советской и антисоветской пропаганде (по материалам советской периодики и парижского журнала «Русская речь» 1958–1963 гг.).....	
Н.В. Орлова. Об «искусственности» языка школьных сочинений	
Е.С. Мучкина. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов	
В.Д. Максимов. Количественные отношения в акустической картине мира.....	
Е.О. Менджерницкая. Роль непредикативных конструкций в синтаксической организации дискурса.....	
Н.В. Пятаева. К проблеме выделения и квалификации генетической парадигмы как единицы системного динамического исследования лексики русского языка.....	

Научные сообщения

Е.А. Дубеник. Литературные ассоциации в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» : типология приемов создания (цитаты, реминисценции, аллюзии)	
--	--

А.К. Тарабакина. Особенности языковой имплементации мотива (на материале прозы Дж. Фаулза)	
Ф.Ф. Хасанова. Загадка слов в современной татарской поэзии	
Е.В. Демидова. Национально-языковое варьирование внутреннего мира текста художественного произведения при переводе	
А.В. Карпушева. Роль речевого акта самопрезентации в формировании имиджа говорящего в политическом дискурсе	
Р.Т. Садуов. Когнитивные нарушения как средство манипулирования сознанием в политическом дискурсе Тони Блэра	
Э.Б. Тахмезова. Гоголь в зеркале речевой культуры первой половины XIX века	
Н.В. Цепелева. Системоцентристская и антропоцентристская модель представления синонимических отношений в лексике	

Филология : люди, факты, события

В.Н. Карпухина. Конференция «Теория и практика обучения иностранному языку в ситуации культурной полифонии» кафедры иностранных языков для специального обучения филологического факультета	
---	--

Резюме	
---------------------	--

Содержание журнала за 2010 год	
---	--

Наши авторы	
--------------------------	--

CONTENTS

Articles

M.A. Telyatnik. L. N. Andreev`s Pamphlet on Rostand`s play «Cyrano de Bergerac» staged by the Russian Drama Theatre (the Korsh Theatre)	
P.A. Kovalev.	
I.B. Kazakova. Limit of Cognition in the Wordsworth`s Philosophic poetry.....	
L.V. Chalova. Prerequisite of Origination and Development of Literature for Children in Great Britain	
N.M. Kindikova.	
N.V. Panchenko. Elocutive Strategy of Compositional Text Structure (in modern Russian prose)	
E.N. Basovskaya.	
N.V. Orlova. On the Affectation of the Composition Language.....	
E.S. Muchkina. Ethnic Stereotypes and their Reflection in the Meaning of Ethnonyms.....	
V.D. Maximov. The quantitative relations in the acoustic picture of the world.....	
E.O. Mendzheritskaya. Non-Predicative Constructions and their Role in Discourse Syntactic Organization	
N.V. Pyataeva. To the problem of identification and qualification of a genetic paradigm as a unit of systemic dynamic research of the lexicon of Russian.	

Scientific reports

E.A. Dubenik. The literary associations in the novel «Besy»	
A.K. Tarabakina. Peculiarities of motif`s language implementation in the prose of John Fowles	
F.F. Khasanova. Word Riddles in modern tatar poetry	
E.V. Demidova. The national-language variation of the text's private world of a work of art in translating.....	
A.V. Karpusheva. The role of self presentation speech act in image formation of the speaker in political discourse	
R.T. Saduof. Cognitive impairments as a means of consciousness manipulation in tony blair`s political discourse.....	

E.B. Takmesova. N.V. Qoqol in a mirror of speech culture of first half XIX of century	
N.V. Tsepeleva. Linguistic representation models of synonymic relations in vocabulary	

Philology: people, facts, events

V.N. Karpuhina.	
------------------------------	--

Summary	
----------------------	--

Issues content for 2009	
--------------------------------------	--

Our authors	
--------------------------	--

СТАТЬИ

ФЕЛЬЕТОН ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА О СПЕКТАКЛЕ ПО ПЬЕСЕ Э. РОСТАНА «СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК» В РУССКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ (ТЕАТРЕ КОРША)

М.А. Телятник

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, фельетон, Ростан, «Сирано де Бержерак», М. Горький, Ф.А. Корш, театр.

Keywords: L.N. Andreev, pamphlet, Rostand, «Cyrano de Bergerac», M. Gorky, F. A. Korsh, theatre.

Русский драматический театр, известный москвичам как «театр Корша»¹, стал заметным явлением в культурной жизни Москвы в конце XIX–начале XX веков – времени становления Андреева-журналиста и начинающего писателя. Этот крупнейший в России частный театр открылся в Москве в 1882 году, сразу после отмены государственной театральной монополии. В театре подобрался сильный актерский состав. В его труппу входили: П.Н. Орленев, В.Н. Давыдов, А.А. Остужев, Л.М. Леонидов, В.О. Топорков, Е.М. Шатрова, Н.М. Радин, М.М. Блюменталь-Тамарина, В.Н. Попова, А.П. Кторов и др.

¹ *Театр Корша* (1882–1932) (ист. адрес: Москва, Богословский пер., (ныне ул. Москвина), 3) – крупнейший в России частный театр открылся в Москве в 1882 году, после того, как к Федору Коршу перешла труппа разорившегося Пушкинского театра, возглавляемая актрисой А.А. Бренко. Открылся 30 августа 1882 года в камерном зале Газетного переулка (ныне пр. Художественного театра, в этом здании играет МХАТ) спектаклем «Ревизор». В 1885 году переехал в новое здание (арх. Чичагов) в Богословском переулке на участке земли, отданном Коршу в аренду братьями Бахрушиными. В 1900–1909 главным режиссером театра был Н.Н. Синельников. Корш ввел утренние спектакли по удешевленным ценам для учащихся. В то же время театр был типичным коммерческим театром. Каждую пятницу здесь шла новая пьеса.

Обширным был репертуар театра. В нем ставились лучшие произведения отечественной и зарубежной драматургии: «Горе от ума» А.С. Грибоедова (отдельные фрагменты – в 1885, потом – в 1886, 1888 и 1911 году), «Ревизор» Н.В. Гоголя (1885), «Маскарад» М.Ю. Лермонтова (1883, 1888, 1912), «Иванов» (1887), «Медведь» (1898) и «Свадьба» (1902) А.П. Чехова, «Лес» (1882), «Доходное место» (1885) и «Гроза» (1889, 1909) А. Н. Островского, «Отжитое время» («Дело») А.В. Сухова-Кобылина (1887), «Дети Ванюшина» С.А. Найденова (1901), «Гамлет» (1895) и «Буря» (1901) У. Шекспира, «Тартюф» Мольера (1888), «Разбойники» (1888) и «Коварство и любовь» (1907) Ф. Шиллера, «Нора» Г. Ибсена (1891), «Сирано де Бержерак» Э. Ростана (1900) и др.

Талантливый антрепренер Ф.А. Корш¹, не имевший ни государственной поддержки, ни постоянных спонсоров, вынужден был рассчитывать только на доходы со спектаклей и стремился к тому, чтобы в театре всегда был аншлаг. Для того чтобы расширить зрительскую аудиторию, Корш придумал «утренники» – воскресные утренние спектакли для студентов и учащейся молодежи. Ставилась русская классика, пьесы А.Н. Островского; дешевые билеты давали возможность молодежи приобщиться к лучшим образцам драматического искусства и посмотреть игру выдающихся актеров. В «утренниках» были заняты те же актеры, что и в вечерних спектаклях. Об этих спектаклях впоследствии вспоминал знаменитый актер И.М. Москвин: «Первый мой отравитель – Ф.А. Корш, который за 20 копеек давал возможность смотреть первоклассную труппу во главе с В.Н. Давыдовым» [Москвин, 1928, с. 39].

Корш впервые ввел еженедельные премьеры по пятницам, названные московскими театрами «коршевыми пятницами» (чуть позже, скорее из соображений конкуренции, «пятницы» возникли и в Малом театре). Необходимость еженедельной премьеры сказывалась на качестве постановок: зачастую на спектакль отводилось две-три репетиции. Неравноценным был и репертуар: наряду с классической драматургией в большом количестве ставились легковесные фарсовые пьесы, переводные и отечественные (тоже зачастую «переделанные» с иностранных). В театральных кругах появилось даже понятие «кор-

¹ Корш Федор Адамович (1852–1923) – русский театральный деятель, антрепренер. Образование получил в Лазаревском институте и Московском университете (юридический факультет окончил в 1872 году). Работал присяжным поверенным в Москве. Выступал также как драматург («Свекровь и невестка», 1892, и др.) и переводчик («Мадам Сан-Жен» Сарду, «Два подростка» де Курселя, «Борьба за существование» Доде и др.).

шевская пьеса» – легкая драма с трафаретным сюжетом и шаблонными персонажами, призванная развлекать непритязательного зрителя.

А.М. Горький замечал по этому поводу: «На сцене царит грубейший фарс Мясницкого¹ и пошловатые пьесы Мансфельда². Публика охотно смотрит их, и сидя в театре, весело смеется, а придя домой и собираясь в компании, говорит об упадке театра и возмущается. Но следует думать, что она более искренна в первом случае» [Горький, с. 184–185].

Эклектичность репертуара, сочетание образцов высокой драматургии с низкокачественными фарсовыми пьесами постепенно ослабили позиции театра Корша и снизили интерес к нему московской публики, особенно – после возникновения в Москве нового Художественного театра, возглавляемого К.С. Станиславским и Вл.И. Немировичем-Данченко. Тем не менее, театр Корша сыграл свою роль как в привлечении к театральному искусству широких слоев населения, так и в популяризации пьес лучших отечественных и зарубежных драматургов.

Пожалуй, самым значительным из фельетонов Андреева о театре Корша стал тот, который был посвящен спектаклю по пьесе французского драматурга Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897)³. Премьера «героической комедии» Э. Ростана в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник состоялась 8 сентября 1900 года.

¹ *Мясницкий* – литературный псевдоним Ивана Ильича Барышева (1852 (1854?)–1911). Окончил Московское коммерческое училище. Писал юмористические стихотворения (журн. «Стрекоза», «Будильник» и др.), юмористические рассказы из купеческой среды (газ. «Московский листок»), доставившие ему славу «московского Лейкина». Сборники рассказов: «Проказники», «Нашего поля ягодки», «Их степенства», «Смешная публика», «Провинция в Москве», «Замоскворецкие свахи», «Милые люди», «Смеха ради» и др. Многочисленные комедии-фарсы Мясницкого с успехом шли в московском театре Корша и санкт-петербургском театре Линской-Неметти. Часть из них вошла в двухтомник «Драматические сочинения» (М., 1895, 1897–1904; 2-е изд. – 1913).

² *Мансфельд* (лит. псевдоним Давыдовский) Дмитрий Августович (1851–1909) – писатель, драматург. Учился в Московском коммерческом училище, работал преподавателем Технического железнодорожного училища в Одессе. Литературную деятельность начал в «Одесском Вестнике» и «Новороссийском Телеграфе»; позже был издателем и редактором разных журналов: «Лира» (1879), «Радуга» (1884–1888), «Эпоха» (1886–1888). Написал свыше 70 оригинальных и «заимствованных» (переделанных с иностранных) пьес – комедий, драм, трагедий, водевилей, фарсов, «шуток», «драм-комедий», «комедий-фарсов» и т. п., которые пользовались успехом у зрителей. В 1886 году издал свои «Драматические сочинения и переводы» в 2 томах.

³ *James Lynch*. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1900. 17 сентября (№ 258).

Автором постановки был Н. Н. Синельников¹ – один из лучших режиссеров театра Корша. Однако в своем фельетонном отзыве Андреев – James Lynch почти не касается самого спектакля.

Андреев концентрирует внимание почти исключительно на сюжете пьесы, а точнее – на отличии романтических проявлений героя пьесы Ростана от того усредненного стереотипа мышления и поведения, который стал настолько привычен для обывателя, что воспринимается им как единственно возможная реальность.

Для усиления этого контраста Андреев вводит в фельетон фигуру некоего «знакового», с которым автор возвращается из театра. Для «знакового» Сирано – «выдуманный герой, в котором ни на грош нет трезвой правды и жизни». В диалоге о прошедшем спектакле обозначаются контуры «старого» спора: о целях и задачах искусства, о том, что важнее – «выдуманная» романтическая правда или суровая жизненная реальность. Гасконский дворянин Сирано с его рыцарски красивыми и нелепыми поступками противостоит пошлой действительности, олицетворением которой у Андреева становится пьяный уличный «негодяй», пристающий на Тверской к проститутке. Авторская позиция обозначена предельно четко: «Печально было смотреть на эту привычную действительность, когда перед глазами носился еще облик рыцаря и поэта, в ушах еще звучали наивно благородные излияния чистой, непродажной и верной любви»².

Романтическая «героическая комедия» (которую Андреев с не меньшим основанием называет «драмой») вызывает раздражение у «знакового» – выразителя достаточно распространенного общественного мнения, утверждающего, что в искусстве важна «правда», а не

¹ Синельников Николай Николаевич (1855–1939) – режиссер, актер, театральный деятель. Народный артист РСФСР (1934). В 1874–1882 годах. играл в провинциальных театрах России (Житомир, Николаев, Ставрополь и др.). Особенно славился в этот период как актер оперетты. С 1882 г. начал выступать как режиссер и антрепренер. В 1900 году Ф.А. Корш заключил годовой контракт с Синельниковым, который к тому времени был известен как лучший режиссер провинции. Часть труппы также встретила Синельникова враждебно, удивляя режиссера своей незаинтересованностью в уровне спектаклей. Синельников готов был уйти от Корша, однако, пообещав Синельникову – помимо жалованья – четверть дохода, тот убедил режиссера подписать долголетний контракт. Синельников проработал у Корша до 1909 года. «Это была моя каторга», – вспоминал он впоследствии. Однако именно с именем Синельникова был связан подъем театра. С началом сезона 1900/1901 годов. печать заговорила о «возрождении» коршевского театра. После ухода из театра Корша Синельников возглавлял антрепризу в Харькове и Киеве, преподавал в Харьковском театральном училище.

² James Lynch. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1900. 17 сентября (№ 258). Далее цитаты по этой публикации даны в тексте без ссылок.

романтизация реальности. Позиция Андреева близка точке зрения Горького, который как раз в это время выдвигал идею о необходимости «приукрашивания» жизни. В частности, в известном письме А.П. Чехову по поводу его рассказа «Дама с собачкой» Горький утверждал: «Право же – настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. *Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь* и, как только она это начнет, – жизнь прикрасится, то есть люди заживут быстрее, ярче. А теперь – Вы посмотрите-ка, какие у них дрянные глаза – скучные, мутные, замороженные» (курсив мой. – М.Т.) [Горький, 1955, с. 113].

Близость позиций Горького и Андреева в этот период была очевидна; она проявлялась не только в заметной подверженности влиянию идей Ницше, но и в творческих методах: как в выборе тем (особенно для публицистических произведений), так и в схожих художественно-стилистических приемах. Показательно, что за несколько месяцев до появления фельетона Андреева Горький также обратился к пьесе Ростана. Посетив спектакль в Нижнем Новгороде, он решил выразить произведенное впечатление в публицистической форме, правда, это была не театральная рецензия и даже не фельетон, а, скорее, просветительская статья с элементами прокламации, главная идея которой – прославление людей «с солнцем в крови» [Горький, 1955, с. 303–311.], родственных героям его ранних произведений (Данко, Челкаш и др.).

Как отмечает В.Н. Чуваков, «ранние фельетоны Андреева в “Курьере” относятся ко времени наибольшей близости писателей и свидетельствуют о глубоком влиянии Горького на миросозерцание Андреева. Это влияние, в частности, ощутимо в подходе Андреева к основным задачам современной литературы и искусства»; влияние произведений Горького и общение с ним проявилось, по мнению ученого, «прежде всего, в трактовке Андреевым проблем современности и места писателя в общественной жизни. <...> Андреев видел в Горьком не только старшего товарища по литературному труду и доброго советчика. Для него Горький был знаменем новой демократической литературы, “рыцарем духа”, который поднялся из низов жизни и открыл собой новый “оптимистический” период в истории русской литературы» [Чуваков, 1965, с. 470.]

Сравнение откликов Горького и Андреева на пьесу «Сирано де Бержерак» позволяет говорить о значительной близости позиций двух авторов в оценке этого произведения. По мнению Л.А. Иезуитовой,

«Сирано привлекает Андреева, так же, как и Горького, как героический характер, необходимый для жизни, как тип человека, который нужен современной России» [Иезуитова, 1967, с. 102]. Потребность в героическом, жажда воплощения идеалов рыцарства, благородства, смелого противостояния всеобщей лжи и фальши действительно объединяла в этот период Горького и Андреева. Сказалось, видимо, и влияние идей Ницше с его призывами к отрицанию традиционной морали, проповедью сильной («героической») личности, способной изменить жизнь и повести за собой.

Однако, несмотря на видимую сюжетную и тематическую близость, едва ли не более важными представляются различия между фельетоном Андреева и статьей Горького. В монографии Л.А. Иезуитовой акцентируется внимание на разности эстетических позиций Горького и Андреева, их расхождении в понимании прекрасного и героического, обнаружившемся уже в раннем творчестве: «Понимание правды жизни и героического в ней в эстетике Горького было связано с социально-нравственной ориентацией писателя. Для Андреева же категория героического в литературе существовала в первую очередь в контексте философско-этических, “мировоззренческих” проблем. Героическое в творчестве Андреева взаимосвязано с трагическим» [Иезуитова, 1976, с. 56]. Истоком такого понимания Иезуитова считает мысли Н.К. Михайловского, который говорил, что «героическая личность утверждает себя в борьбе с “роковыми, стихийными силами”, которые не зависят от нее и оказываются выше ее» [Иезуитова, 1976, с. 56], и в этом столкновении выявляется масштаб личности.

В фельетоне Андреева и статье Горького, написанных фактически на одну и ту же тему, эти различия (несмотря на значительное мотивное и стилистическое сходство) весьма заметны.

Горький, словно не обращая внимания на условность жанра, смешивает героя пьесы Ростана и реальное историческое лицо – французского дворянина Эркюля Сирано де Бержерака, «бедного дворянина из Беарна, родины Генриха IV», который был, как и Мольер, «комическим автором» [Горький, 1953а, с. 303] и погиб от рук наемных убийц. Он пересказывает историю его жизни, акцентируя внимание на благородстве, бескорыстии и демократизме этого поэта, жившего в первой половине XVII века.

В фельетоне Андреева обращает на себя внимание заметное текстуальное и стилистическое сходство со статьей Горького, в первую очередь это касается интерпретации некоторых биографических моментов, а также черт характера Сирано. Оба писателя подчеркивают

неординарность, уникальность личности Сирано, особенно в контексте современных обывательских представлений о долге, морали и нравственности. У Горького Сирано – «один из тех немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников. Чем выше над толпой поднимается голова такого человека, тем больше ударов падает на эту голову» [Горький, 1953а, с. 303]. Андреев также признает, что людей, подобных Сирано, не бывает, причем это свое знание он формулирует в целом ряде стилистически однотипных конструкций, создавая при этом выразительный портрет современного обывателя, по всем своим характеристикам противоположного гасконскому дворянину:

<i>Я знаю,</i>	<i>что теперь нет поэтов, которые во время боя сочиняют стихи;</i>	<i>правда, их часто бьют, но уже после того, как они сочинили.</i>
<i>Я знаю,</i>	<i>что поэты никогда не бросают на сцену кошелька,</i>	<i>если только это не открытая сцена Омона или «Яра», и кошелек при этом никогда не бывает последним: хорошему поэту редакция никогда не откажет в авансе.</i>
<i>Я знаю,</i>	<i>что поэты никогда не бывают так голодны, как Сирано, и так умеренны, как он,</i>	<i>и если целуют руки у прислужниц, то только у своих и притом в отсутствие жены.</i>
<i>Знаю я, наконец,</i>	<i>что поэты никогда не говорят правды в лицо сильному мира сего,</i>	<i>и если их бьют, как и Сирано, по голове, то только за неправду.</i>

Таким образом, после вводного авторского рефрена «я знаю» первая часть фразы касается содержания пьесы – характера и поступков Сирано, данных в отрицательной коннотации. Эти «отрицательные» повторы усиливают ощущение неординарности Сирано и масштаба его личности. Андреев стремится сказать, что подобная сила духа, честность, независимость, бескорыстие почти совершенно утрачены в современном мире – и для этого во второй части каждой фразы создает портрет «антигероя», знакомого каждому по бульварным анекдотам и собственному опыту, а именно, труса, лгуна и интригана.

Эта конструкция фразы слегка меняется, когда Андреев касается центральной темы пьесы – тайной любви Сирано к Роксане, его благородной самоотверженной страсти, которая заставляет его скрывать

свое чувство и, ради счастья возлюбленной, помогать сопернику. Изображение обывателя – антагониста Сирано – приобретает здесь явно саркастическую окраску: «И любят люди не так, как любил Сирано, – я знаю и это.

<i>Они не гонят со сцены нагло-го актера, осмелившегося любовно-страстно взглянуть на их возлюбленную,</i>	<i>а или спокойно отдают ему свое сокровище, или, быть может, и гадают, но только из-за угла, а потом скопом набрасываются на него и бьют.</i>
<i>Если женщина их не любит, они не устраивают счастье ее с своим противником,</i>	<i>но или обвиняют ее в краже портсигара, или убивают: ее, соперника, даже себя; наконец, пишут анонимные письма и доносы.</i>
<i>Не умалчивают они и о недостатках своего соперника:</i>	<i>если он умен, доказывают его глупость, если он дурак – изображают его безнадежным идиотом.</i>
<i>Иногда поэты и пишут для дураков любовные письма,</i>	<i>но не дешевле, чем за рюмку водки – большую десятикопеечную.</i>
<i>Никто, наконец, не пользуется красноречием для любви:</i>	<i>его продают в суде, в книге, на кафедре, возлюбленную же молча обнимают и целуют: она и сама догадается, что это значит.</i>

Портрет мелочного, беспринципного, продажного обывателя, который создает здесь Джемс Линч, близок изображению его в фельетоне «Сфинкс современности», а также в ряде других фельетонов Андреева. Нагнетание мелких, намеренно бытовых штрихов, характеризующих андреевского «антигероя», спокойно отдающего свою возлюбленную сопернику или обвиняющего ее в краже портсигара, пишущего стихи за «десятикопеечную» рюмку водки либо «продающего» в суде, на кафедре, в книге свое красноречие, подчеркивает идеал писателя по принципу «от противного».

Этот способ оказывается противоположным горьковской декларативности, пламенному призыву к усилению влияния героической личности – «той самой личности, которая, говорят, не имеет никакого значения в ходе истории, но которая, тем не менее, всегда может ускорить движение жизни, если захочет этого» [Горький, 1953а, с. 306], а также к увеличению количества таких личностей в обществе.

Горьковская статья о Сирано – это гимн «людям с солнцем в крови», в котором явственно слышны революционные нотки: «Знать себе цену в ту эпоху придворного раболепства – крупное достоинство для

человека. Знать себе цену всегда хорошо для каждого из нас, уметь постоять за себя – необходимо нам, отчаянно необходимо во дни хлопотства, растления духовного, теперь, когда достоинство человека ценится, право же, не выше, чем ценилось оно тогда, во времена де-Бержерака и Мольера, – великого Мольера, который принужден был пресмыкаться перед пустоголовыми маркизами» [Горький, 1953а, с. 310]. «Солнце в крови» – горячность, храбрость и благородство, свойственные уроженцу Гасконии, – для Горького становится символом готовности к борьбе за лучшее будущее человечества.

Андреевская интерпретация этого образа заметно отличается от горьковской. Во-первых, он не ставит себе «просветительской» задачи: познакомить читателя с содержанием пьесы и фигурой ее главного героя – французского дворянина, поэта и дуэлянта, погибшего от рук наемных убийц. Он лишь слегка касается содержания пьесы, сконцентрировавшись на поведении и чертах характера ее главного героя.

Сирано де Бержерак для Андреева – отнюдь не историческое лицо; писатель четко осознает условность этого персонажа пьесы Ростана. В фельетоне Джемса Линча гасконец Сирано – это, скорее, яркое выражение типа романтического героя-одиночки, вступающего в борьбу с условностями и предрассудками общества и всегда обреченного на гибель. В глазах писателя он, пожалуй, ближе грибоедовскому Чацкому, чем горьковскому Данко.

Смерть Сирано в освещении Горького и Андреева имеет схожую стилистическую окраску; однако и здесь есть некоторые различия. Предательское нападение на Сирано, его смертельное ранение, мужество, с которым он принимает неизбежный конец и упрямое сопротивление подступающей смерти – эти качества Сирано вызывают уважение и восхищение обоих писателей. Для Горького смерть реального Сирано – такой же реальный исторический факт, который может служить примером для живущих: «Послушаем, как умирает гасконец Сирано, – это очень поучительно. Враги, которых он всегда желал, и которых у него было так много, разбили ему голову бревном, не сумев проткнуть сердце шпагой. Это факт исторический. Он, Сирано, мечтал так:

...В румяный час заката
Сражен рукою честного солдата,
На поле битвы я хотел бы лечь,
А не больному под домашним кровом,
И, принимая в сердце острый меч,
Ответить смерти острым словом.

Но его изувечили на улице Парижа в 1645 году, и вот как он, с разбитым черепом, в котором уже помутилось сознание, встретил смерть. Ему кажется, что темные силы, среди которых он прожил жизнь, с которыми боролся, собрались и идут на него. Выхватывая меч из ножен, он кричит навстречу им:

Что говорите вы, сойдясь сюда толпою?
Вас сотня? Тысячи? Стоите вы стеною!
Ага! Я узнаю вас всех!
Вы – старые враги! Ты – ложь!
(Рубит мечом воздух.)

Вы – предрассудки! Ты – подлость! – вот тебе!
А! Змеи клеветы! Вот вам!
Чтоб сдался я? Оставьте шутки!
А, глупость, страшный враг! Вот, наконец, и ты!
Я знаю, что меня сломает ваша сила,
Я знаю, что меня ждет страшная могила,
Вы одолеете меня, я сознаюсь...
Но все-таки я бьюсь... я бьюсь... я бьюсь!

И он рубит мечом, пока не падает на землю мертвый»

[Горький, 1953а, с. 311–312].

В фельетоне Андреева смерть Сирано – это высшая точка противоборства героической личности серости и тусклости обывательского существования. Джеймс Линч не устает повторять, что Сирано уникален, его характер и поступки непонятны абсолютному большинству обывателей, воспринимаются ими как странные и даже «неприличные», противоречащие заскоруждлым нормам мещанского существования. Андреев и не настаивает на реальности Сирано, он выдерживает свою линию доказательства «от противного» и в описании гибели гасконского дворянина: «Умирать же так, как умер Сирано, не только никто не умирает, но считает за неприличие. Во-первых, умирают всегда дома, а не идут для этого в гости. Умирать начинают не за полчаса до смерти, а лет за тридцать по меньшей мере. <...> Страдая от боли, о боли именно и кричат, и если рассказывают анекдоты, как Сирано, то в непереносимой связи с собственным геморроем. Умирая, наконец, не вызывают на бой самую грозную смерть, а просят послать скорее за доктором, и если поднимают руку, то вооруженную не непобедимой шпагой, а пером, чтобы подписать завещание».

Характерные приемы Андреева-фельетониста: ирония, сарказм, гиперболизация – используются здесь в полной мере. Саркастические

замечания о «приличном» обывателе, который начинает умирать «не за полчаса до смерти, а лет за тридцать по меньшей мере», и о «малом, худосочном» сердце, которое у «настоящего» человека начинает умирать первым, «да и излишне, говоря по правде», напоминает лучшие образцы русской сатиры, нашедшей свое законченное воплощение в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.

При этом перед мысленным взором Джемса Линча предстает героический облик гасконца, мужественно встречающего гибель и готового драться как с реальными противниками, так и с ложью, клеветой, предрассудками и самой смертью, причем, последняя в фельетоне олицетворяется, приобретая человеческие черты: «Сейчас, в эту минуту, я вижу его, предательски лишённого жизни, но не мужества, вижу его встречающим эту всем страшную, бессмысленную смерть. На ногах, как подобает мужчине, более гордый, чем сама эта царица подземного царства, встречает он ее. Колеблются старые ноги, дрожит рука, уже стиснутая железным объятием смерти, но шпага, орошенная черной кровью негодяев, сверкает победным светом и до последнего движения не изменяет великому сердцу, которому изменило все: счастье, любовь и сама жизнь».

Антиномия, ранее противопоставлявшая портреты вымышленного гасконца и «настоящего человека» – мелочного обывателя, – здесь проникает и в описание самого Сирано. «На ногах, как подобает мужчине», – «колеблются старые ноги, дрожит рука»; «победный свет» – «железное объятие смерти», «но шпага... не изменяет» – «изменило все»; «лишённый жизни, но не мужества», – все эти противопоставления, объединенные в одну фразу, усиливают впечатление трагизма положения Сирано, обреченного на гибель, но не побежденного.

Если для Горького жизнь и смерть Сирано вполне реальны, они подтверждены документально и имеют четкую историческую привязку, то для Андреева смерть Сирано так же символична, как и его жизнь. Фантазмагорическую битву Сирано с его давними врагами – Глупостью, Ложью, Подлостью, Клеветой – Горький вполне материалистически объясняет смертельной раной головы, вызывающей помутнение рассудка. У Андреева Сирано вполне осознанно бросает вызов «царице подземного царства», их поединок – это сражение равных соперников, сопоставимых по степени величия и гордости. Свойственная Андрееву склонность к олицетворению, широко проявившаяся в фельетонах, впоследствии станет одной из основополагающих черт его экспрессионистской поэтики («Красный смех», «Жизнь Человека», «Дневник Сатаны» и др.).

Как отмечает Л.А. Иезуитова, «описанная Андреевым-фельетонистом смерть гордого Сирано по смыслу и тону совпадает с вызовом Судьбе, Року, Смерти, который бросает Человек в драме “Жизнь Человека” (1906)» [Иезуитова, 1976, с. 55]. По мнению Иезуитовой, в описаниях этих фантастических поединков отразились идеалы самого писателя и элементы его «концепции жизни»: «Оба вызова – Сирано и Человека – согласно андреевской концепции жизни, выявляют тип мироотношения, наиболее близкий идеалу самого писателя, – героический стоицизм. Его Андреев противопоставлял не только религиозным идеям бессмертия, но и бескрылой “научности” и пессимистичности взглядов натуралистов-бытописателей» [Иезуитова, 1976, с. 56].

Романтическим представлениям раннего Горького в высшей степени импонировал облик борца с «пустоголовыми маркизами», рожденного на жарком юге «с солнцем в крови». Этот образ настолько понравился ему, что он неоднократно упоминал о нем, – не только в своей статье, но и, к примеру, в личной переписке¹. Юг, солнце, горячая кровь, мужественная борьба с предрассудками, жажда жизни, стремление к счастью – постоянные мотивы ранней прозы Горького, чрезвычайно привлекавшие читателя на рубеже XIX – XX веков. По мнению Горького, пьеса Э. Ростана обладает тонизирующим действием; она «возбуждает кровь, как шампанское вино, она вся искрится жизнью, как вино, и опьяняет жаждой жизни» [Горький, 1953а, с. 312].

Андреева более всего привлекает готовность Сирано в одиночку бороться со всем, что он считает неприемлемым и позорящим звание человека; не менее важно и сознание обреченности этой борьбы. Не «солнце в крови», а само «великое сердце» Сирано как вместилище лучших человеческих качеств – мужества, верности долгу, благородства – вот что становится для Андреева символом этого героя Ростана: «Последнее, что перестало жить в Сирано, было его великое сердце».

¹ См., к примеру, письмо Л.В. Средину от 5 (17) января 1900: «Был в XVII в. “комический поэт” и забияка Сирано де-Бержерак (см. Ростана пьесу и Историю франц. литер. за это время), и этот Сирано сказал однажды: «Не выношу я лжи, и мне сказать приятно: / “Сегодня я нашел себе еще врага”». Хорошо бы иметь читателей-врагов, как Вы думаете? А еще хорошо бы родиться с солнцем в крови. Вот этот Сирано, – гасконец он был, – имел много солнца в крови. И он пел:

Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены...» (курсив мой. – М.Т.)
[Горький, 1955, с. 110].

Параллельные синтаксические конструкции, инверсии, возвышенная лексика: «победный свет», «великое сердце», «грозная смерть», «черная кровь негодяев» (здесь ощутима даже аллюзия на стихотворение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта» – реквием другому великому поэту, А.С. Пушкину), «железные объятия смерти» и т. д. – все это служит созданию романтического поэтического стиля, соответствующего описанию героя пьесы Э. Ростана. В то же время, использование сниженной лексики, газетных и анекдотных штампов, иронические и саркастические сравнения, гиперболизация – способствуют созданию карикатурного облика «настоящего человека» – современного обывателя, лишённого идеалов, чуждого романтике и благородным порывам, но при этом вполне уверенного в своей правоте и праве судить о произведениях высокого искусства. Такое «антиномичное» строение фельетона соответствовало эстетическим представлениям Андреева и стало одной из самых характерных черт его поэтики, впоследствии развившихся в беллетристике и драматургии.

Литература

- Горький А.М. Беглые заметки (14) (Впервые опубли. в газ. «Нижегородский листок». 1896. 1 октября. № 271). // Горький А.М. Собр. соч. : В 30 т. М. 1953. Т. 23.
- Горький А.М. «Сирано де Бержерак». Героическая комедия Эдмона Ростана // Горький А.М. Собр. соч. : В 30 т. 1953а. Т. 23.
- Горький А.М. Письмо Чехову (после 5 (17) января 1900) // Горький А.М. Собр. соч. : В 30 т. 1955. Т. 28.
- Горький А.М. Письмо Л.В. Средину от 5 (17) января 1900 // Горький А.М. Собр. соч. : В 30 т. Т. 28.
- Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева : дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
- Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1892 – 1906). Л., 1976.
- Москвин И.М. Автобиография // Актеры и режиссеры. М., 1928.
- Чуваков В.Н. Из статей Андреева [предисловие к публикации фельетонов Л. Н. Андреева] // Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка. М., 1965. Т. 72.
- James Lynch [Андреев Л. Н.]. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1900. 17 сентября (№ 258).

КОНЦЕПТУАЛИСТСКАЯ ВЕРСИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ДМИТРИЯ ПРИГОВА

П.А. Ковалев

Ключевые слова: постмодернизм, концептуализм, метр, ритм, рифма.

Keywords: postmodernism, conceptualism, metre, a rhythm, a rhyme.

Пример патриарха русского концептуализма Дмитрия Александровича Пригова убеждает в том, что новая эстетика стиха появляется не вдруг, не спонтанно, а последовательно, даже если речь идет о механизмах разрушения предшествующей традиции. Мощная энергетика порождения поэтического текста у этого чрезвычайно плодovitого автора составляется из довольно простой системы метров и ритмов. Преобладающим размером является традиционный для русской поэзии 4-стопный ямб в совершенно стандартной модификации катренов. Но при этом важным фактором приговской поэтики становится футуристический в своей основе прием тавтологического письма, иллюстрирующий автоматизм мышления за счет «деконструкции языка официальной (массовой) советской культуры» [Скоропанова, 2001, с. 212], интегрирования приемов обыденной речи в поэтическую структуру. А это предполагает неминуемое изменение всей структуры. Не случайно, именно тавтологические формы у Пригова по мере оформления концептуалистской поэтики начинают замещать обычную рифму, иногда с полным ее вытеснением:

*Когда здесь на посту стоит Милицанер
Ему до Внукова простор весь открывается
На Запад и Восток глядит Милицанер
И пустота за ними открывается*

*И Центр, где стоит Милицанер –
Взгляд на него отвсюду открывается
Отвсюду виден Милицанер
С Востока виден Милицанер*

*И с Юга виден Милицанер
И с моря виден Милицанер
И с неба виден Милицанер
И с – под земли...
Да он и не скрывается*

[Личное дело, 1992, с. 39–40].

Новая эстетика поэтического высказывания, как видно из этого текста одного из самых известных циклов Д. Пригова «Апофеоз милицанера», активно использует обыденные речевые приемы в системе псевдопафосного лирического высказывания, что приводит к знаменательной трансформации стиха: с одной стороны, фонетический концепт «Милицанер» довольно легко вписывается в каденцию вольного ямба первой строфы, но при этом в строке «И Центр, где стоит Милицанер» возникает зияние, которое нивелируется только за счет метрического прочтения иррационального гласного («Цент[ы]р»). С другой – литературный концепт «Милиционер» маркирует собой уже строки 4-стопного ямба с эпистрофическим повтором. Это упорядоченное движение заканчивается конечной 5-тистопной строкой, разорванной на подстроchia: «И с–под земли... / Да он и не скрывается». Именно здесь сконцентрирована основная концептуалистская ирония, подчеркиваемая грамматическим остраниением с окказиональным словообразованием. Игра на звуковой тождественности комплексов «и с-под» и «из-под» подчеркивает оба семантических значения, образуемых традиционным сложным предлогом «из-под», служащим для выражения двойных пространственно-моторных отношений, и вновь сращенным (авторским) конструктом, перемещающим логический акцент внутри всей строки.

Следует отметить, что распространение принципа деструкции на всю вертикально-горизонтальную модель поэтического текста у Пригова, как правило, строго обусловлено тематическими циклами. И в этом проявляется одна из важнейших особенностей концептуалистского метода этого автора. Эвристическая творческая установка Пригова становится конституирующим основанием для экспериментов с поэтическим текстом под определенным углом зрения. И в этом отношении цикл «Апофеоз милицанера» задает все основные парадигматические векторы постмодернистской «игры в литературу». И первым здесь оказывается переосмысление всей классической традиции русской поэзии – от А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова до А.А. Блока.

*Про то съя песня сложена
Что жизнь прекрасна и сложна*

*Среди небес полузаброшенных
Порхает птичка зензивер
А в подмосковном рву некошеном
С ножом в груди Милицанер
Лежит*

[Пригов, 1978].

Реминисценции из стихотворений «Кузнецик» В. Хлебникова и «На железной дороге» А.А. Блока не формируют сплошного центонного письма, являющегося одним из характерных признаков постмодернистской интертекстуальности, но при этом определяют такие важные параметры, как альтернанс дактилических и мужских окончаний, подчеркивающих одновременную непосредственную связь текста с одним из лучших реалистических произведений Блока и одним из первых примеров заумного языка Хлебникова. Сложенные в поэтический коллаж, две эти антиномичные образно-тематические линии, предваряются специфическим приговским предуведомлением, в котором проявляется принцип принудительной версификации: устаревшее указательное местоимение женского рода «сия» употребляется автором в одной из редулицированных форм XIV века – «сья» [Фасмер, 1987, с. 591–592] для сохранения метрической чистоты.

Противоположный этому механизм принудительной вокализации словоформы «грудью» по аналогии с устаревшей формой «грудю», распространенной в лирике пушкинского времени, помогает Пригову в другом стихотворении этого цикла добиться этого же эффекта «метрической чистоты»:

*Когда придут години бед
Стихи из глубин восстанут
И звери тайный клык достанут –
Кто ж грудю нас заслонит?*

[Пригов, 1978].

Постмодернистская ироничность, позволяющая автору с легкостью переводить описание лирического субъекта из одного стиля в другой, создает особенный пародийный эффект поэтического дискурса. Исследователи справедливо отмечают: «Приятие на себя различных масок и имиджей, лишенных выраженного личностного начала, рожденных массовой культурой, – “поп-образы”, “поп-имиджи”, “поп-представления о культуре” – провоцирует в поэзии Пригова закономерное развитие пародийного начала. Пародированию подвергаются и “вертикаль” смысла и “горизонталь” формальной выраженности» [Богданова, 2003, с. 15].

Среди механизмов актуализации традиционных форм русского стиха особенное место у Пригова занимает изменение длины стихового ряда, не меняющее силлаботоническую природу текста (то есть не переводящее монометрический стих в состав вольных форм). Этот прием позволяет поэту легко переключать стилевые регистры, сохраняя дис-

танцию остранения, подчеркивая социологизирующий аспект лирического высказывания.

Классическая поэтика русского стиха допускает всего несколько отступлений от монометричности – это разностопные и вольные формы. Реализуемые ими механизмы изменения длины стихового ряда постоянно взаимодействуют между собой, но у Пригова, осуществляющего последовательную деструкцию эстетических канонов поэзии, гораздо активнее работают механизмы частичной трансформации на уровне погрешности формы. Как правило, монометрический стих лишь слегка модернизируется за счет гетероморфных включений в композиционно значимых частях текста. Критики, почувствовавшие эту характерную особенность приговского письма, видят в таком намеренном моделировании стихийного поэтического сознания черты неопрimitивизма: «Пригов предстает перед нами как самый последовательный в нынешней русской поэзии концептуалист, выявляющий виртуозной игрой речевых, логических, идеологических и биографических конструкторов проницаемость границ между искусством и реальностью, между слово- и житнетворчеством» [Личное дело, 1992, с. 264].

В приговской «метрической интервенции», которую, без преувеличений, можно назвать одним из важнейших механизмов создания концептуалистского «смещения смыслов», прослеживается несколько основных тенденций.

1) Увеличение метрического объема анлаута текста, что, согласно классической модели русского стиха, нарушает парадигматику стиховых рядов и отражается на семантическом статусе текстов:

*Не стал острее нож, но стала твердь нежнее.
Под грубоотканым, рушащим дождем
Я вижу этих нитей продолжение
В соседний день, который и не ждем.*

*Так рассуди нас, крохотная птишка!
Ты говоришь веселым языком,
Таким веселым, что подумать страшно,
Где ты живешь и празднуешь о ком*

[Пригов, 1963–1974].

В этом стихотворении, начинающемся полноударной строкой 6-тистопного ямба, ощущается явное ритмическое противопоставление зачина всему тексту, составленному из трех моделей 5-тистопного ямба (4-й: ЯЯПЯЯ, 5-й: ЯЯЯПЯ и 8-й: ПЯЯПЯ [Шенгели, 1960, с. 119]).

Семантика элегического 5-тистопника с чередованием женских и мужских окончаний воспринята Приговым от русских романтиков как бы напрямую, о чем свидетельствует неустойчивая цезура после второй стопы и расподобление женских рифменных созвучий по принципу пополнения («нежнее-продолжеНье) и замены («пташКА-страшНО»). Комбинирование консонантного ряда в двух этих грамматически разнородных комплексах даже выявляет некоторое подобие механизмов левосторонней рифмы, с которой активно экспериментировал В. Брюсов, но данное обстоятельство не влияет существенно на восприятие чрезвычайно распространенного в русской лирике концепта «пташки», говорящей «веселым языком», вызывающего устойчивые ассоциации и с есенинскими строчками: «Отговорила роща золотая / Березовым, веселым языком...»

2) Уменьшение метрического объема анлаута текста, нарушающее парадигматику стиховых рядов, у Пригова связывается также с 5-тистопным ямбом, что позволяет говорить о перемещении центра экспериментального внимания именно на этот чрезвычайно активный в современном метрическом репертуаре объект:

*Еще немного –
Как нежилец, как проклятый с порога,
Как насекомое, или носимый,
Я оглянусь с такою смертной силой –
Чтоб раскалилась теменная ось,
Чтоб камень взвыл и зверь дитя понес*

[Пригов, 1963–1974].

В этой миниатюре также проявляются специфические механизмы взаимодействия семантики и ритма: смежная система рифмования (AABVCC) не разделяет текст на синтаксически законченные блоки. Напротив, между этими структурами возникает прямое синтаксическое взаимодействие: строка «Я оглянусь с такою смертной силой» оказывается в окружении однородных синтаксических форм – сравнительные обороты с союзом «как», придаточные следствия с союзом «чтоб». При этом ритмическая каденция начинает проявлять свою определенность именно с этой центральной строки, представляющей 2-ю форму 5-тистопного ямба, уходя от 2–3-хударных строк к полноударной форме («Чтоб камень взвыл и зверь дитя понес» – ЯЯЯЯЯ, 1-я форма). Несколько смутное по своей семантике начало (то ли оторванная от основной строки обстоятельственная группа, то ли обособленная номинативная конструкция с пропущенным союзом) проясняется в сис-

теме специфически сгруппированных мифологических библейских образов как эсхатологическое определение «конца времен».

3) Уменьшение метрического объема в конце текста – один из самых распространенных приемов в приговской поэтике. Критики называют его «приговской строкой» [Личное дело, 1992, с. 266], которая «появляется уже после его семантической и синтаксической исчерпанности, в виде своеобразного “resumé”» [Богданова, 2003, с. 19].

*Малая дитятя
Прибежала к тятя
Тятя, встань с кровати
Потяни-ка сети! –
А что тянуть их за концы? –
Знамо дело – мертвецы
Одни и попадаютя –
Факт.*

[Пригов, 1997, с. 100]

Пародийное переосмысление знаменитого пушкинского стихотворения «Утопленник» производится за счет уменьшения стихового ряда от 4-хостопного (у Пушкина) до 3-хостопного хорей, что существенно меняет систему интонационных акцентов, а затем – за счет педалированной полиметрии (строка 4-хостопного ямба + строка 4-хостопного хорей + строка 3-хостопного ямба с дактилическим окончанием + строка 1-нестопного хорей). Исследователи творчества Пригова отмечают, что «случаи применения такой строки встречались и ранее, но именно Пригов сделал ее устойчивым художественным приемом. При прочтении автором она обычно выделяется интонационно – произнося ее как бы на спаде, упавшим или как бы неожиданно усталым голосом, либо со вкрадчивым понижением тона» [Сид, 2002].

5) Увеличение метрического объема в конце текста – также довольно распространенный прием, часто связывающийся с выходом за пределы собственно стиховой структуры. Так, в стихотворении «Лиса приходит на порог...» ямбическая доминанта в конце текста переходит в метризованную прозу:

*Она кладет пред ним яичко
Как приношение и дар
И бог целует ее в личко
Чувствителен и благодарен
Что с другими, более известными могущественными
и распространенными богами, как правило, не бывает.*

[Пригов, 2006]

Следует отметить, что значительная часть стихотворений из цикла «Хотелось бы получше, да...» имеет подобную тенденцию к изменению метрической природы в конце: «Как отвратительный дракон...», «На горном кладбище в Италии...» и др. Такие примеры девальвации поэтического слога напрямую связываются со знаменитым пушкинским стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом», в котором четырехстопный ямб виртуозно переходит в графически выделенную прозу:

Книгопродавец.

И признаюсь – от вашей лиры – ПЯЯЯ

Предвижу много я добра. – ЯЯЯЯ

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся (3.11203.2).

[Пушкин, 1959, с. 36]

Конечно, необходимо учитывать то обстоятельство, что пушкинский принцип монтажа стиха и прозы в большинстве случаев обуславливался драматическим характером текстов. Д.Д. Благой справедливо отмечал: «Стих, остающийся без рифмы или нарушающий метрический строй стихотворения, выделяется из остальных, тем самым невольно останавливая на себе большее внимание, приобретая подчеркнутую и особую выразительность <...> Еще острее и выразительнее включение в стихотворный текст “Бориса Годунова” отдельных сцен или даже части их, написанных прозой; прозаических кусков — в “Череп”; необыкновенной по своей выразительности и внутренней значимости (слом двух мироотношений поэта-романтика) прозаической концовки — в “Разговор книгопродавца с поэтом”» [Благой, 1979, с. 255–256].

В поздних поэтических выступлениях принцип монтажа стиха и прозы проводится Приговым не менее последовательно и на тех же основаниях, что позволяет говорить о том, что этот прием ощущается самим версификатором как исчерпанный, автоматизированный по своим эстетическим основаниям. Не случайно, что в предуведомлении к одной из своих последних публикаций Пригов писал: «...уже система порождения стихов настолько отлажена, что и порождает, вернее, воспроизводит самое себя. То есть, если что и может улучшиться, так сама система, что вряд ли может существенно отразиться на качестве текстов» [Пригов, 2006].

Литература

- Благой Д.Д. Душа в заветной лире : Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1979.
- Богданова О.В. Постмодернизм и современный литературный процесс : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2003. Т. 2.
- Личное дело № : Литературно-художественный альманах. М., 1992.
- Пригов Д. Апофеоз милицанера (1978). [Электронный ресурс]. URL: http://modernpoetry.rema.su/main/prigov_militzianer.html
- Пригов Д. Написанное с 1975 по 1989. М., 1997.
- Пригов Д. Собрание стихов. Т.1. 1963–1974 // Русская поэзия 1960-х годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/prigov/index.htm>
- Пригов Д. Хотелось бы получше, да... // Топос. [Электронный ресурс] URL: <http://www.topos.ru/article/4793>
- Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Стихотворения 1823–1836. М., 1959. Т. 2.
- Сид И. Пригов, Дмитрий Александрович // Он-лайн Энциклопедия «Кругосвет», 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/PRIGOV_DMITRI_ALEKSANDROVICH.html
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2001.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. М., 1987. Т. 3.
- Шенгели Г.А. Техника стиха. М., 1960.

ПРЕДЕЛ ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ У. ВОРДСВОРТА

И.Б. Казакова

Ключевые слова: Вордсворт, неоплатонизм, неоплатоническая философия, английский романтизм, познание.

Keywords: Wordsworth, Neoplatonic philosophy, English romanticism, cognition.

Английский романтик Уильям Вордсворт (1770–1850) – поэт, в творчестве которого проблема познания человеком мира и самого себя является одной из самых главных. Многие стихотворения разных лет, а также главное произведение Вордсворта – поэма «Прелюдия» – изображают, каким образом происходит постепенное приближение человека к такому уровню знания о мире, который следует считать предельным. Поэт не акцентирует этот момент предельности, не озвучивает мысль о том, что существует подобная граница, однако его творчество неизбежно подводит читателя к этой мысли. Чтобы понять, как

Вордсворт приходит к проблеме границы познания и как ее решает, необходимо уяснить характер его воззрений на мир и на взаимоотношения человека и природы.

По наблюдению историка литературы М. Абрамса, существуют два подхода к пониманию творчества Вордсворта, две разных точки зрения, которые М. Абрамс характеризует так: «Вордсворт как по преимуществу простой, однозначный поэт элементарных чувств, человечности и жизненной радости, и Вордсворт как по преимуществу сложный поэт странных, парадоксальных, двусмысленных и темных высокопарностей...» [Abrams, 1984, с. 147]. Подобная ситуация объясняется характером поэзии английского романтика, в которой за кажущейся простотой и прозрачностью скрывается подлинно философское содержание. Многие поэтические произведения Вордсворта, его теоретические заметки и рассуждения позволяют сделать заключение о его склонности к неоплатонизму – философской системе, разработанной античным мыслителем Плотинем в III веке н.э. на основе учений Платона и Аристотеля и игравшей затем значительную роль в европейской интеллектуальной жизни на протяжении всей последующих культурных эпох. Рассмотрим, в чем заключаются основные моменты неоплатонической системы.

Главная особенность философии Платона, исходный пункт всех неоплатонических построений – это учение о Едином. Единое (Благо, Бог) – наивысшая ступень всего бытия, «охват всего существующего в одной неделимой точке» [Лосев, 2000, с. 222]. Единое находится везде и нигде конкретно. Будучи предельным всеединством, оно выше всяких категорий разума. Его можно понимать как потенцию, возможность всякого бытия и смысла. Единое не оформлено, но является источником всякой формы. Порождая путем эманации последующие уровни бытия, Единое расчленяет свое единство – так возникает Ум, или мир идей – первообраз всех вещей, затем Душа, в которой идеи Ума становятся одушевляющими силами или принципами. Единое вместе с Умом и Душой составляют так называемую неоплатоническую триаду. Следующий уровень – Космос – это уже область становления, а ставшего, и всякое движение и изменение здесь происходит не само по себе, а от Души. Ценность чувственного мира обусловлена, с точки зрения неоплатонизма, присутствием в нем оформляющих и одушевляющих материю идей (эйдосов, форм), которые нисходят в этот мир из интеллигибельной – умопостигаемой – сферы (то есть Единого, Ума и Души) благодаря бесконечным эманациям из высших сфер в низшие. И в этом чувственном мире каждое индивидуальное

существо – и, в первую очередь, человек – повторяет в себе структуру мироздания, так как является единством и обладает умом и душой. Иными словами, человеческие ум и душа – это не только часть, но и полное отражение Мировых Ума и Души. Именно это делает возможным для человека познание истинного – высшего – мира, так как в неоплатонизме подобное познается только подобным.

Неоплатонические интерпретации творчества Вордсворта, которые, в соответствии с мнением М. Абрамса, должны быть отнесены к проблематичному подходу, встречаются в истории литературы нечасто. Например, М. Рейдер хотя и говорит об интересе Вордсворта к платоновской философии [Rader, 1967, с. 71–78], обращает внимание далеко не на все важные платонические и неоплатонические моменты в его поэзии, ограничившись анализом с этой точки зрения только «Оды бессмертию» [Rader, 1967, с. 169–171]. Более тщательно элементы неоплатонической философии в творчестве английского поэта рассматриваются в исследовании одного из крупнейших американских литературоведов-герменевтиков Э.Д. Хирша, который, однако, сосредотачивается на сравнении мировоззрений Вордсворта и Шеллинга, не стремясь возводить взгляды обоих к их общему первоисточнику – учению Плотина. Э.Д. Хирш относит неоплатонизм к далеко не самым значительным для Вордсворта интеллектуальным традициям [Hirsch, 1960, с. 11], с чем очень трудно согласиться. Рассмотрев формирование мировоззрения поэта и его творчество, мы сможем убедиться в том, какое важное место в них занимали неоплатонические представления.

Интерес к платонической философии возник у Вордсворта во многом под влиянием Кольриджа и пришел на смену увлечением философией Спинозы, которого Вордсворт читал в 1797–1803 годах [Rader, 1967, с. 66, 71]. Кольридж и Вордсворт обсуждали сочинения и самого Платона и неоплатонических авторов, в том числе кембриджских платоников [Rader, 1967, с. 72–76]. Привязанность к Платону сохранилась у Вордсворта на всю жизнь, о чем свидетельствуют, например, слова поэта из письма 1844 года, в котором он характеризует философию Канта, Фихте и Шеллинга как «скучные сочинения» [Rader, 1967, с. 41]. «Тем не менее, – добавляет он, – в них есть многое от Платона, и за это я их уважаю; англичане, с их пристрастием к Аристотелю, обладают только половиной истины; в голосе философии должны быть слышны оба – и Платон, и Аристотель» [Rader, 1967, с. 41].

Знакомство с философией Платона, несомненно, сыграло большую роль в интеллектуальной жизни поэта, однако не стало в ней поворотным пунктом: сочинения Вордсворта и до его платоновских шу-

дий были наполнены духом платонизма. По замечанию исследователя, «Вордсворт знакомился с Платоном в природе, а не по книгам» [Rader, 1967, с. 72]. Свидетельством платонизма Вордсворта являются многие его стихотворения разных лет, автобиографическая поэма «Прелюдия» (1798–1805). В творчестве английского романтика можно найти не только отдельные моменты платонической философии, но ее обобщение и систематизацию, которые придают мировоззрению поэта законченный (то есть неоплатонический) вид. Убедиться в этом можно, обратившись к вопросу о познании и его пределах в неоплатонизме и в сочинениях Вордсворта.

Плотин подробно разработал учение о ступенях познания, которые ведут человека все выше и выше – от материальной оболочки к сущности любой вещи – ее душе, затем к умопостигаемому миру и, наконец, к слиянию с Единым. Это поэтапное движение к высшей цели – сверхразумному и сверхчувственному Благу, описанное в неоплатонической философии, можно обнаружить и в поэзии Вордсворта. Стихотворение «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай» (1798) – одно из самых показательных в этом отношении.

Изображение постепенного проникновения в сущность мира неразрывно связано у Вордсворта с фундаментальной для неоплатонизма идеей тождества познающего и познаваемого. Вспоминая о том, какой для него была природа в юности, Вордсворт пишет:

*Тогда была природа
(В дни низменных, мальчишеских утех,
Давно прошедших бешеных восторгов)
Всем для меня. Я описать не в силах
Себя в ту пору. Грохот водопада
Меня преследовал, вершины скал,
Гора, глубокий и угрюмый лес –
Их очертанья и цвета рождали
Во мне влечение – чувство и любовь,
Которые чуждались высших чар,
Рожденных мыслью, и не обольщались
Ничем незримым.*

(Пер. В. Рогова) [Вордсворт, 2001, с. 217]

Потом для поэта наступило время, когда природа предстала перед ним с другой стороны: «Я теперь / Не так природу вижу, как порой / Бездумной юности, но часто слышу / Чуть слышную мелодию

людскую / Печальную, без грубости, но в силах / Смирять и подчинять» [Вордсворт, 2001, с. 219].

Теперь он ощущает природу как антропоморфное – одухотворенное, даже мыслящее начало, видит в ней источник нравственности [Вордсворт, 2001, с. 219]. (В «Прелюдии» поэт говорит о себе: «...*To every natural form, rock, fruit or flower, / Even the loose stones that cover the highway, / I gave a moral life...*» [Wordsworth, 1926, с. 98])¹.

Эта описанная Вордсвортом эволюция в его взаимоотношениях с природой соответствует тому, что Плотин говорит о нашем познании прекрасного (то есть любви, влечения к нему) в материальном и интеллигибельном мире. Первой ступенью такого познания является влечение к чувственно-прекрасному, к тому, что оживотворено душой, но не к самой душе и ее сверхчувственному истоку. Влечение к внешней, телесной красоте природы в приведенных стихах выражено в предпочтении, которое отдавалось поэтом наиболее материальным, менее всего просветленным духовным началом вещам и явлениям – горам, скалам, темным лесам. Но основатель неоплатонизма утверждает, что дальнейшее познание ведет душу от телесного к тому, что ей более родственно, к тому, что действительно прекрасно и потому является истинной целью познания, – к красоте идей. Плотин говорит: «Кто увидел прекрасное в телах, должен не останавливаться на этом, но должен, в сознании, что это – только образы, следы и тени, бежать к тому, в отношении чего это является образами» [Плотин, 2000, с. 557]. Этой следующей ступенью, по словам философа, является познание прекрасного в душах [Плотин, 2000, с. 557–558]. Единственная возможность для человека увидеть душевно-прекрасное – это смотреть в свою собственную душу, и если человек может обнаружить прекрасное в своей душе, он сможет увидеть его и в окружающем мире. Но следует предположить, что справедливо и обратное: тот, кто способен видеть душевно-прекрасное вне себя, тот понимает, какова его собственная душа, в чем ее ценность и ее предназначение. Согласно Плотину, для того чтобы разглядеть внутренним зрением красоту собственной души, «сначала нужно приучить самую душу видеть прекрасные занятия, потом прекрасные произведения, не те, которые создаются искусствами, но те, которые создаются так называемыми хорошими людьми» [Плотин, 2000, с. 558]. «Потом, – говорит философ, – рассматривай душу тех, кто творит прекрасные дела» [Плотин, 2000, с. 558]. Основатель неоп-

¹ «...Каждой природной форме, скале, плоду или цветку, / Даже камням на дороге / Я приписывал моральную жизнь...».

латонизма видит в познании этого, говоря современным языком, нравственного добра промежуточный этап в приближении к познанию красоты ума и, затем, к познанию самого сверхпрекрасного и сверхнравственного Единого; по словам А.Ф. Лосева, здесь «телесное восходит к душевному, душевное к умному, умное к единому» [Лосев, 2000, с. 566].

То, что Вордсворт говорит о своем зрелом отношении к природе, более всего напоминает вторую – душевную – ступень неоплатонического восхождения, с тем, однако, отличием, что поэт открывает для себя душевную, нравственную красоту не только в человеческих поступках, но и в природе, глубинный смысл которой становится в его глазах полным соответствием содержанию человеческой души. Вордсворт пишет о том, что воспоминания о прекрасном ландшафте стали вызывать у него особые чувства:

... Чувства

*Отрад забытых, тех, что, может быть,
Немалое влияние окажут
На лучшее, что знает человек, –
На мелкие, невидные деянья
Любви и доброты*

[Вордсворт, 2001, с. 215].

Таким образом, природа помогает человеку раскрыть самого себя: «...Я рад признать / В природе, в языке врожденных чувств / Чистейших мыслей якорь, пристань сердца, / Возжато, наставника и душу / Природы нравственной моей» [Вордсворт, 2001, с. 219].

Это опосредованное созерцанием природы проникновение в нравственную суть человеческой души становится у Вордсворта, как и познание душевной красоты у Плотина, подготовительным этапом на пути к постижению красоты Ума и его идей. Вордсворт пишет о состоянии, когда открывшаяся для самой себя человеческая душа приобретает способность к подобному познанию:

О, верю я:

*Иным я, высшим даром им обязан,
Блаженным состояньем, при котором
Все тяготы, все тайны и загадки,
Все горькое, томительное бремя
Всего непознаваемого мира
Облечено покоем безмятежным,*

*Когда благие чувства нас ведут,
Пока телесное дыханье наше
И даже крови ток у нас в сосудах
Едва ль не прекратится – тело спит,
И мы становимся живой душой,
А взором, успокоенным по воле
Гармонии и радости глубокой,
Проникнем в суть вещей.*

[Вордсворт, 2001, с. 215]

В этом фрагменте «Тинтернского аббатства» предложенная Плотиним градация познавательных способностей и соответствующих им ступеней познания представлена очень отчетливо: душа начинает постигать мир, когда освобождается от телесных ощущений, и достигнутая гармония внутреннего и внешнего позволяет перейти с душевного уровня на умный, освещенный светом идей. На этом уровне, согласно основателю неоплатонизма, душа начинает видеть «великое сияние» Ума. [Плотин, 2000, с. 558]. Плотин говорит: «Если ты находишься в таком состоянии и видишь самого себя и в чистом виде встретился с самим собою, <...> не имея ничего, что, будучи чуждым, примешивалось бы к самому тебе внутри, но будучи всецело только истинным светом <...>; если ты увидел, что ты стал таким, достигшим уже такового внутреннего зрения, то – возмужайся о себе и воспрянь уже отсюда, не нуждаясь больше ни в каком руководителе, и *виждь* со тщанием. Ибо только такой глаз видит великую красоту» [Плотин, 2000, с. 558]. Комментируя это место, А.Ф. Лосев пишет о таком моменте соединения стихийной, текучей души с неподвижным, собранным умом, что душа «не только собрана воедино вместо обычной распушенности и рассеянности, но еще и несет на себе эйдос ума, поскольку здесь *ум обручается с душой* <...> Стихийность души зацвела здесь неподвижным, умным эйдосом. ...Красота души есть ее умное безмолвие, величавый покой мудрости, пребывающий в себе и ни в чем не заинтересованный» [Лосев, 2000, с. 565]. Иными словами, индивидуальная душа поднимается над собой и созерцает ум, в котором она узнает себя, но не как вечно текучую и подвижную область, а как застывшую и неизменную в своем совершенстве, и этот процесс восхождения и самопознания человеческой души полностью соответствует тому, что происходит во взаимоотношениях Мировой Души и Мирового Ума.

У Вордсворта, как и у Плотина, душа, успокаиваясь, то есть приближаясь к уму, приобретает способность к более глубокому познанию интеллигибельного мира. Но поэт говорит здесь не о познании эйдосов

ума, что следовало бы предположить, исходя из неоплатонических представлений. Обозначенный в этом фрагменте Вордсвортом предел познания, которого достигает душа, – это проникновение в «жизнь вещей» («the life of things» [Вордсворт, 2001, с. 214]). Это расхождение с неоплатонизмом – принципиальное для английского поэта, поскольку даже в своих близких философии Плотина воззрениях он отказывается покидать пределы природного мира. Интеллигибельное интересует поэта лишь в той мере, в какой оно присутствует в чувственной природе – как оживляющая и одушевляющая сила, как смысл и форма отдельных вещей. Именно поэтому у Вордсворта отсутствует завершающая ступень познания – восхождение к Единому, сверхумный экстаз, в котором исчезает покров всего прекрасного и оформленного и остается только ощущение полного слияния с Благом.

В состоянии просветленного созерцания природы, к которому приходит душа лирического героя в «Тинтернском аббатстве», те же самые предметы и явления, что прежде вызывали у него бурную, неосмысленную страсть и потому сами казались ему мало одухотворенными, теперь наполнены духом и смыслом – даже нравственным смыслом. Все это не противоречит неоплатонизму с его принципом тождества познающего и познаваемого, но важным для Вордсворта поворотом этой мысли является то, что раскрытие сферы эйдосов осуществляется у него не как восхождение в сверхчувственную область, а как обретение высшего смысла внутри чувственного космоса. Каждая вещь у Вордсворта потенциально совершенна, но раскрытие ее совершенства связано с самораскрытием совершенства созерцающей ее души. И наоборот, человеческая душа самосовершенствуется (то есть раскрывает для себя свою сущность) благодаря созерцанию природы: «...Уверен, что Природа не предаст / Ее любивший дух... / ...Она способна / Так мысль настроить нашу, так исполнить / Прекрасным и покойным, так насытить / Возвышенными думами...» [Вордсворт, 2001, с. 221]. Таким образом, Вордсворт утверждает, что степень одушевленности природы зависит от степени одушевленности созерцающего ее, что природа открывает человеку свою сущность ровно настолько, насколько он может ее воспринять.

На первый взгляд, из вышесказанного можно заключить, что неоплатоническая гносеология отражена у Вордсворта не полностью. Однако если выделить в проблеме постижения Единого две стороны – «объективно-реальную» (пользуясь терминологией А.Ф. Лосева), то есть познание Единого как объективно существующего первоисточа всякого единства, и «субъективно-психическую», то есть познание

Единого как раскрытие принципа единства в отдельных вещах, – близость Вордсворта неоплатонизму и в вопросе познания Единого как высшей цели всякого познания становится очевидной. Если посмотреть на платоновское учение с этой точки зрения, всякое познание единичной вещи окажется поэтапным восхождением от ее первоначального выделения «из бесконечного хаоса вещей» [Лосев, 2000, с. 547] к ее узнаванию, обусловленному присутствием в нас ее идеи, и, наконец, полному единению ума с созерцаемой вещью – единению, в котором эта вещь постигается не через категории мышления, а через прикосновение к ее сущности. Таким образом, когда Вордсворт говорит: *«И мы становимся живой душой, / А взором, успокоенным по воле / Гармонии и радости глубокой, / Проникнем в суть вещей»* [Вордсворт, 2001, с. 215], – с неоплатонической точки зрения это означает, что постижение вещей чувственного мира, на котором, казалось бы, поэт и останавливается, все равно неизбежно связано с приближением к Единому – источнику и мышления, и бытия.

Нигде в сочинениях Вордсворта нельзя встретить свидетельств его веры в возможность для человека выйти в своем познании за пределы чувственного мира. В этом – отличие взглядов английского романтика от неоплатонизма. Но, с другой стороны, хотя Вордсворт и не описывает такого восхождения ума, он совершенно в неоплатоническом духе видит в будничном общении с вещами природного мира процесс постижения высшей истины, доступной каждому из нас, поскольку наши ум и душа являются выражением и отражением этой истины. Мы познаем мир, проникая сквозь внешнюю оболочку к идеям-сущностям индивидуальных вещей и достигая сверхумного единства с объектом познания. Это познание является одновременно и самопознанием, поскольку познать что-либо согласно Плотину можно, лишь обнаружив это содержание в себе самом.

Итак, проблема границы познания у Вордсворта разрешается вполне в традициях неоплатонизма, но за одним серьезным исключением: весь путь познания и характер каждого его этапа представляют собой полную аналогию неоплатонической гносеологии, однако высшая цель познания у него достигается не в умопостигаемой сфере, а в мире материальной природы.

Литература

- Вордсворт У. Избранная лирика : сборник. М., 2001.
Лосев А.Ф. История античной эстетики : Поздний эллинизм. Харьков ; М., 2000.

Плотин. О прекрасном (I 6) // Лосев А.Ф. История античной эстетики : Поздний эллинизм. Харьков ; М., 2000.

Abrams M.H. The Correspondent Breeze : Essays on English Romanticism. New York ; London, 1984.

Hirsch E.D. Wordsworth and Schelling : A typological Study of Romanticism. New Haven, 1960.

Rader M. Wordsworth : A Philosophical Approach. Oxford, 1967.

Wordsworth W. The Prelude; or Growth of a poet's mind. Oxford, 1926.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Л.В. Чалова

Ключевые слова: английская детская литература, приключения, школьные истории, рассказы о животных, сказки, фэнтези.

Key words: English Literature for children, adventures, school stories, essays about animals, fairy-tails, and fantasy.

Английская детская литература — одна из самых значительных среди детских литератур Европы. Ее формирование и развитие подчинено общим закономерностям, однако различают и специфические национальные черты. Формирование круга детского чтения (произведения, специально предназначавшиеся для детей) и литература «взрослая», отбираемая временем для детей, определяет неразрывную связь детской литературы со всей национальной литературой английского народа.

Большое значение в культуре детства традиционно придается литературе для самых маленьких. Психическим особенностям возраста отвечают система жанров (в ней преобладают произведения лирические и лиро-эпические) и общий стиль малышовой литературы, заключающийся в простоте и доступности текста для восприятия детей, в четкости и ясности мысли, в насыщенности слова и образа. Произведение для малышей часто представляется очень простым, чуть ли не примитивным, но эта простота является результатом сложнейшего взаимодействия художественных приемов и средств [Лупанова, 2001, с. 76].

Произведения английского фольклора первоначально адресовались взрослому слушателю (читателю). На ранних этапах истории лю-

ди не только заботились о поддержании своего существования, но и стремились сохранить свое племя, свой род. Все, что способствовало воспитанию человека смышленного и ловкого, становилось содержанием колыбельных песенок, потешек, загадок, сказок. Жизненный опыт, накопленные знания об окружающем мире, мудрые выводы взрослых в виде своеобразных поучений преподносились детям в простых и доступных их пониманию формах. Древнейшие литературные памятники: мифы, легенды, сказания – отражают высокие представления о Человеке и его призвании на Земле, звучат подлинным гимном героизму, разуму, благородству, добру. Так, мифы послужили своеобразным источником для развития научных представлений, зарождения философии, литературы, живописи, театрального искусства. Самые древние сказки обнаруживают сюжетную связь с первобытными мифами, обрядами, обычаями. С течением времени, с развитием человеческого общества дети «присвоили» большую часть этих сказок, мифов, легенд как «присваивали» они позже многие выдающиеся произведения мировой литературы.

По мнению исследователей ([Russel, 1994; Lukens, 2002; Galda и Cullian, 2004] и др.), детская литература Великобритании никогда не была собственно детской и всегда пользовалась арсеналом средств и образов литературы для взрослых. Примечательно, что книгам туманного Альбиона присуща некоторая странность: «взрослые» произведения с удовольствием читают дети (классический пример – «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо), а взрослые читатели всегда благосклонны к детским. К таким «взрослым» книгам для детей в Англии относят древнеанглийскую поэму «Беовульф» и легенды о рыцарях Круглого стола.

Здесь стоит обратить внимание на историю страны, которая прошла сложный путь, и, как говорит Пак, герой сказочной дилогии Р. Киплинга, боги приходили и уходили на туманный Альбион, а вместе с ними приходила и уходила культура разных народов. На долю древней земли выпала нелегкая участь быть неоднократно завоеванной и разграбленной. Сначала это были римляне во главе с Цезарем, затем пикты и скотты, которые не упускали случая напасть на соседние племена бриттов, потом англосаксы под предводительством Генгиста и Горза. В IX веке семь англо-саксонских графств были объединены в одно под властью короля Эгберта и получили общее название Англия. После смерти Эгберта англосаксам пришлось вступить в борьбу с народами Севера – норманнами, или викингами, ужасавшими своими набегами всю Западную Европу. Первыми напали на Англию датчане и

даже основали там свое собственное государство – Область Датского права. От их присутствия страну избавил король Альфред Великий, который разбил датские дружины в 880–893 годах. Однако эта победа была кратковременной, и викинги продолжали постоянно угрожать спокойствию англов. Лишь несколько лет спустя после смерти короля Датского и Английского Кнута Англия освободилась от данов, чтобы вскоре быть завоеванной нормандцами во главе с Вильгельмом Завоевателем. С этих пор на долгие века в Англии воцарилось французское влияние.

Единственным дошедшим до нас образцом англосаксонской героической поэзии является поэма «Беовульф», которая существует в многочисленных пересказах и перепевах для детей. Ее материал используется в фантастических повестях и романах для юношества. Легенды о рыцарях короля Артура и их приключениях не могли оставить равнодушными подрастающее поколение и пользовались у юных читателей не меньшим успехом, чем у взрослых. Источником рыцарских романов о короле Артуре явились кельтские легенды. Именно они легли в основу столь популярных теперь серий в жанре фэнтези.

XIV век – время расцвета английской и шотландской народной поэзии. Наиболее распространенные жанры: песня и баллада. На протяжении веков на баллады оказывали сильнейшее влияние эпические поэмы и рыцарские романы. В определенной мере на баллады воздействовали предания из цикла о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Баллады имели большое значение для развития детской литературы, так как великое множество книг для юношества посвящено благородному разбойнику, герою легенд Робину Гуду.

В XV веке появились «книги вежливого обращения» такие, как *The Babee's Book* («Книга для детей»), но в них содержались лишь наставления по правилам поведения, и дети могли довольствоваться только взрослой литературой, как, например, басни Эзопа (Aesop; VI век до н.э.). Традиция приписывает этой легендарной фигуре свод греческих басен, получивших известность на Западе в эпоху Возрождения благодаря тому, что басни в их прозаическом изложении были собраны в XIV веке византийским ученым Максимом Планудом. Издал их на латыни Эразм Роттердамский (ок. 1467–1536) – великий нидерландский философ-гуманист. Он неоднократно приезжал в Англию, где встречался с известными учеными той эпохи Мором, Колетом, Гроусоном.

Только в XVII веке появились книги, написанные специально для детей, но произведения типа *A Token for Children* («Детям на заметку»,

1671) Джеймса Джейнуэя носили сугубо нравоучительный характер. Религия оказывала влияние на все стороны деятельности людей. Библия и рассказы религиозного содержания стояли в центре детского чтения. Протестантская церковь проповедовала испорченность натуры ребенка. Этот взгляд определял и теорию воспитания детей, и круг их чтения. Строгий пуританизм проник в детскую литературу. Преобладали проповеди, где учили, как себя вести, чтобы спасти свою душу. Книги для детей пронизывал сухой дидактизм [Galda, Cullinan, 2004, p. 54].

В 1697 Шарль Перро опубликовал обработанные им сказки под названием «Сказки Матушки Гусыни», которые были переведены на английский язык в 1729 году. К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти» пишет о многовековом отборе, который прошла русская детская литература, и замечает: «Точно таким же путем возникла и та великая книга, которая у англичан называется “Старуха Гусыня”. Стишки эти просеивались через тысячи сит, прежде чем из них образовался единственный всенародный песенник, без которого немыслимы детские годы английских, шотландских, австралийских, канадских детей» [Чуковский, 1990, с. 238].

В 1702 году выходит «Маленькая книга для маленьких детей» Томаса Уайта, министра по делам религии, в которой он советует «не читать детям баллад и глупых книг, но изучать Библию». Дидактика сосредоточивалась главным образом в книгах добрых советов отцов сыновьям о том, как держать себя за столом, как заботиться о своем платье, как ухаживать за лошадью, об уважительном отношении к старикам [Slaughter, 1993, p. 134]. Это были не просто сборники правил поведения, а нравственный кодекс юного джентльмена.

В XVIII веке образование прониклось идеями гуманизма, и появились первые книги, рассчитанные на привлечение детского внимания, от которых дети могли получать удовольствие. Произошло это в основном благодаря влиянию Локка и Руссо. Джон Локк (1632–1704) – философ; занимал различные академические посты в Оксфорде, в 1667 году стал врачом первого графства Шефтсбери, в 1693 году он опубликовал сочинение по воспитанию, которое имело значительное влияние на дидактическую литературу последующих поколений. Интерес Жан-Жака Руссо (1712–1778) к музыке, опере и драме, многочисленные труды по теории воспитания, социальной и политической философии, а также целый ряд литературных произведений (романы, автобиография) делают его одним из наиболее влиятельных писателей и мыслителей XVIII века. Преимущество естественного человека перед его цивилизованным собратом провозглашается в *Discours sur les sciences et les arts*

(«Рассуждение о науках и искусствах», 1750). Руссо утверждал, что развитие цивилизации, распространение знаний и культуры отнюдь не улучшают поведение человека, а портят его, способствуя возникновению социального неравенства, лени и роскоши. По мнению автора, возвращение к первобытному состоянию невозможно, но зло можно устранить, уменьшив пропасть, отделяющую современного человека от природы, преобразуя существующие иллюзии в интерес ко всеобщему равенству и счастью. В романе-трактате *Emile* («Эмил, или О воспитании», 1762) излагаются принципы новой схемы воспитания, согласно которой ребенку следует предоставить полную свободу для индивидуального развития в естественной обстановке и защитить его от вредного влияния цивилизации, с тем чтобы у него сформировались независимость суждений и сильный характер. Опубликованные посмертно автобиографические произведения *Les Confessions* («Исповедь», 1781–1782) и *Les Reveries du Promeneur Solitaire* («Прогулки одинокого мечтателя»; 1782) представляют собой попытку самооправдания и самоанализа. Уникальные для своего времени произведения, отмеченные тонкостью и глубиной психологического анализа, стали вехой в литературе подобного рода.

В 1744–1780 годах выходят первые сборники английских и шотландских народных сказок. С этого времени начинается отсчет истории собственно детской английской литературы [The Concise Oxford Companion to English Literature 1998, p. 220], прежде всего с книг Джона Ньюбери (1713–1767), издателя и типографа, в сороковых годах XVIII века он стал одним из первых известных издателей детской литературы. Он издавал и писал сам многие книги загадок, басен, рассказов; именно ему принадлежит честь создания первого журнала для детей – «Журнала лилипутов». В 1750 году появляется «Маленькая хорошенькая книжечка», а в 1751–1752 годах трехтомный труд «Круг наук». Книги Ньюбери, по мнению M. Drabble и Jenny Stinger, отличали непривычная для детских книг того времени занимательность и мягкость повествования, а также прекрасное полиграфическое исполнение. После его смерти типография перешла в руки племянника и двух сыновей, которые продолжили его дело. Семья Ньюбери впервые доказала Англии, что детские книги могут хорошо продаваться и нужны читателям не меньше книг для взрослых.

С 1740 году Томас Бормэн выпускает брошюры под общим названием *Gigantic History* («Истории о великанах»). Наряду с дешевыми карманными изданиями народных сказок, преданий, баллад, азбук, стихотворений – *chapbooks*, – в прошлом распространявшимися бродя-

чими торговцами, издавались и дидактические произведения. Среди них такие, как *The History of Little Jack* («История маленького Джека», 1787) и знаменитая детская книга в трех томах *The History of Sandford and Merton* («История Сэндфорда и Мэртона», 1783–1789) Томаса Дэйя (1748–1789). В целом ряде эпизодов богатый и упрямый Томми Мертон противопоставляется открытому и мягкосердечному Гарри Сэндфорду, сыну фермера. Поклонник Руссо, Т. Дэй, интересовался его теорией образования и естественного воспитания; он хотел проиллюстрировать, как дисциплина и воспитание могут многих людей сделать лучше.

Под влиянием идей Руссо Мария Эджуорт (1768–1849) и ее отец Ричард Ловелл Эджуорт (1744–1817) написали совместный трактат *Practical Education* («Практическое образование», 1798). Здесь представлены возможности практического применения достижений современной науки. В творческом наследии М. Эджуорт не последнее место занимают дидактические рассказы для детей *The Parent's Assistant* («Родительский помощник», 1796–1800), *Moral Tales* («Нравоучительные сказки», 1801), *Popular Tales* («Популярные рассказы», 1804), *Harry and Lucy Concluded* («Гарри и Люси договорились», 1825), где получила дальнейшее развитие ее серьезная заинтересованность проблемами образования. Ранние работы М. Эджуорт высоко оценил В. Скотт, в предисловии к своему роману *Waverly* («Уэверли», 1829) он писал: «Дебют мисс Эджуорт стал первым региональным и одновременно историческим романом на английском языке». В. Скотт имел в виду роман *Castle Rackrent* («Замок Рэкрент», 1800) – семейную хронику трех поколений владельцев ирландского поместья, рассказанную от имени слуги, пожилого Тэди Квирка.

В 90-е годы XVIII века в Англии динамично развивается и достигает своего расцвета готический роман или «черный» роман – мистическое, мрачное произведение, действие которого, как правило, происходит в замках с приведениями, на кладбищах, но часто на фоне живописного пейзажа. Книги этого жанра детям не предназначались, но ими по сей день зачитываются подростки. Таинственные предания, бледные привидения, прекрасные замки с высокими башнями и стрельчатыми окнами, подземные ходы, оживающие портреты предков, атмосфера ужаса и предчувствие чего-то страшного – вот классические признаки традиционного готического романа, который связан с именами Томаса Лиланда и Мэри Шелли, Анны Радклиф и Вальтера Скотта. Готический роман часто упрекают в излишней развлекательности и поверхностности [Lukens, 2002, p. 118]. Здесь уместно вспомнить слова

Г.К. Честертон: «Отказывать детям в возможности упиваться развлекательными сериями – все равно, что отказывать им в праве разговаривать на бытовые темы и иметь крышу над головой».

Определение «готический» часто обозначало «средневековый», но к концу XVIII века готический роман несколько изменился, его содержанием стали всевозможные холодящие кровь сюжеты, а первоначальные средневековые элементы порой полностью отсутствовали. В *Nightmare Abbey* («Аббатстве кошмаров», 1818) Томаса Лава Пикокка (1785–1866) например, мастерски высмеивается уныние, охватившее современную ему литературу. В романе рассматривается современное положение в политике и культуре с радикальной точки зрения. Пикок собирает своих персонажей в английских загородных домах, отправляет их на экскурсии в горы, в лес. Многие из забавных споров происходят за обеденным столом. Сатирические дебаты разбавлены романтическим любовным сюжетом, а порой и веселой, умной песней. Другой пример высмеивания романтического интереса к средневековью наблюдается у Джейн Остин (1775–1817) в романе *Northanger Abbey* («Нортенгерское аббатство», опублик. 1818). Главная героиня Кэтрин Морланд, влюбленная в Генри Тинли, приглашена в родовое средневековое поместье – Нортенгерское аббатство. Сбитая с толку усердным чтением романов, девушка воображает, что существует некая мрачная тайна, окружающая генерала Тинли, отца ее возлюбленного, якобы совершившего преступление. Ей приходится пережить минуты стыда, когда о ее подозрениях становится известно. Очевидно, что противопоставление мистики и реальности доминирует, несмотря на переплетение главного сюжета с линией романтических отношений других персонажей.

В начале XIX века начал широко развиваться жанр исторического романа, пройдя через готические романы, *Castle Rackrent* (1800) и *Adelaide* (1806) Марии Эджуорт, работы других писателей, сюжетные линии которых разворачиваются до рождения автора, действуют не только вымышленные, но и исторические персонажи, описываются исторические события. Вплоть до второй половины XIX века, когда в Англии появляется подлинно художественная литература, специально предназначенная для детей, можно говорить лишь о книгах, вошедших в детское чтение, но ориентированных первоначально на взрослого человека. Швейцарский пастор Иоганн Давид Висс (1743–1818) написал приключенческую историю *The Swiss Family Robinson* («Швейцарской семьи Робинзонов», 1814) о семье, потерпевшей кораблекрушение и выброшенной на необитаемый остров. Написанная на немецком языке,

она была опубликована в двух частях в Цюрихе в 1812 году; первое английское издание вышло год спустя. Мэри Марта Шервуд (1775–1851) – автор многочисленных книг рассказов и брошюр, многие из которых написаны для детей и юношества, самая известная из них – *The History of Fairchild Family* («Истории семейства Фейрчайлд», 1818–1847) состоит из трех частей. С появлением в печати И. Висса и М. Шервуд установился спрос на качественную детскую литературу. В то же время некоторые национальные особенности литературного процесса в Англии как нельзя лучше способствовали «внедрению» взрослых книг в чтение ребенка [Townsend, 2006, p. 128]. Теперь в Англии, как и во многих других странах, расцвела пышным цветом детская литература, в которой обозначились следующие жанры: приключения, школьные истории, семейные саги, истории о животных, фэнтези. В круг детского чтения вошли книги таких классиков английской литературы, как Роберт Стивенсон, Редьярд Киплинг, Оскар Уайльд, Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс.

С 1840-х годов начали появляться **приключенческие истории** для мальчиков. Их авторы старались отразить труднодостижимые обстоятельства, в которые попадает герой, создать «закрученные сюжеты», связанные с открытием ранее неведомых земель. Но главной составляющей такой истории обязательно должно стать «обретение себя самого», личностное самоутверждение героя после прохождения через многочисленные экстремальные ситуации.

Фредерик Марриэт (1792–1848) – капитан корабля и член Королевского общества, автор нескольких романов, посвященных морской жизни таких, как *The Naval Officer: or Scenes and Adventures in the Life of Frank Mildmay* («Морской офицер: или сцены и приключения из жизни Фрэнка Майлдмэя», 1829), *Peter Simple* («Питер-Простак», 1834), *Jacob Faithful* («Верный Джейкоб», 1834), *Mr Midshipman Easy* («Мичман Изи», 1836). Главный герой последнего романа – Джек Изи – сын состоятельного джентльмена, воспитанный в уверенности, что все люди равны. Однако в роли мичмана ему трудно вести себя в соответствии со своими убеждениями. Но он наследник хорошего состояния, честен, жизнерадостен, умеет дружить, поэтому в приключениях и во многих стычках с воинственным судовым священником Хокинсом, боцманом Биггсом, лейтенантом Потифаром и другими членами команды он умудряется выйти победителем.

Ф. Марриэт – автор еще нескольких романов, среди них *The Fantom Ship* («Корабль-фантом», 1839), *Poor Jack* («Бедный Джек», 1840), *Japhet in Search of a Father* («Джефет в поисках отца», 1836); послед-

ний о судьбе подкидыша. *Masterman Ready* («Хозяин готов», 1841) – произведение для детей, благодаря которому его помнят.

Роберт Майкл Баллантайн (1825–1984) работал в печатной фирме «Констейбл», которая принадлежала его дядям Джеймсу и Джону Баллантайн. Там Роберт опубликовал свой первый приключенческий рассказ *The Young Fur Trades* («Молодые торговцы мехом», 1856). После успеха *The Coral Island* («Коралловый остров», 1875) он стал известен как профессиональный автор рассказов для мальчиков. Среди наиболее известных произведений – *The Gorilla Hunters* («Охотники на горилл», 1862) и *Black Ivory* («Черная слоновая кость», 1873).

Джордж Альфред Генти (1832–1902) – военный корреспондент в Крыму, Италии, Абиссинии, Испании, Индии и в Париже в период Коммуны. Написал более десятка романов для взрослых, включая роман *Colonel Thorndyke's Secret* («Тайна полковника Торндайка», 1898), но наибольшего успеха он добился как автор произведений для мальчиков. Среди самых запоминающихся – *Out in the Pampas* («В пампасы», 1868), *The Young Buglers* («Юные горнисты», 1880), *Under Drake's Flag* («Под флагом Дрейка», 1883), *With Clive in India* («С Клайвом в Индии», 1884), *The Lion of St Mark's* («Лев святого Марка», 1889).

На самые разнообразные темы писал Джеймс Гринвуд (1833–1929). Особую группу составляют его повести и романы для юношества о приключениях английских моряков в тропических странах. Герои Гринвуда терпят кораблекрушения, скитаются по пустыням и джунглям, томятся в плену у дикарей, охотятся вместе с ними и после многочисленных приключений благополучно возвращаются на родину. Другую группу произведений Гринвуда, по мнению исследователей его творчества, составляют повести и рассказы о животных. Разные звери – медведь, лев, тигр, волк, бегемот, обезьяна и слон – делятся со служителем зоосада рассказами о своей жизни на воле, о том, как были пойманы и перевезены в зверинец. Третья, и самая большая группа работ Гринвуда – очерки и рассказы, романы и повести о жизни лондонского «дна». Писатель рассказывает о безотрадном существовании лондонских трущоб, о жизни беспризорных детей, описывает приюты для бедных, ночлежные дома [Либединская, 1991, с. 33]. К этой группе, резко обличительных произведений относится *The True History of a Little Ragamuffin* («Маленький оборвыш», 1866). Гринвуд убедительно показывает, как нищета и бродяжничество толкают людей на уголовные преступления. Природные честность и порядочность постоянно борются в главном герое Джиме с дурным воздействием ужасных условий, в которых ему приходится жить. Н.М. Демурова уверена, что

это произведение «так же, как и многие другие, ставшие в наши дни исключительным достоянием детей, предназначались для семейного чтения» [Демурова, 1979, с. 52]. В художественном отношении книга Гринвуда слабее романов Диккенса, но социальное значение ее выше. Диккенс считает, что детям плохо живется оттого, что вокруг много злых людей, а Гринвуд понимает, что дело в несправедливом устройстве общества [Тубельская, 2005, с. 108].

Джеймс Мэтью Бэрри (1860–1937) – английский драматург, романист, эссеист, журналист – начал свою карьеру с рассказов, основанных на жизни его родного города Кириемуир в Шотландии. Он автор 14 больших пьес и 20 одноактных. К сожалению, большинство его пьес забыто, а детская книжка о Питере Пэне – мальчике, который никогда не станет взрослым – будет жить до тех пор, пока дети верят в сказку, пока взрослые не перестанут грустить об ушедшем детстве [Васюченко, 1994, с. 3]. Бэрри напоминает своими сказками *Peter Pan* и *Peter Pan in Kensington Gardens* (1906), что детство не вечно и все дети станут взрослыми. Писатель объясняет, что мир взрослых нелегкий, у них много забот. Имя придуманного им литературного героя стало нарицательным и вошло в словари английского языка. Немного найдется героев детских книг, которым поставили памятники. Среди них не только Том Сойер и Гек Финн в Америке, но и Питер Пэн в Англии.

Изображения морских и сухопутных приключений, ответвления в историческую романистику, описание игр в разбойников и пиратов отличаются удивительно глубоким и точным проникновением в психологию увлеченных игрой подрастающих ребят. Новый импульс приключенческому жанру и в Великобритании, и в Европе дало появление романа *Treasure Island* («Остров Сокровищ», 1883) Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894). Этот роман – совершенно новое и оригинальное явление в приключенческой литературе для подростков. «В отличие от господствовавшей в то время пуританской дидактической литературы, в романе Стивенсона нет категорического разграничения на персонажей, подчиняющих свою жизнь и все свои поступки добру и злу» [Nesbit, 1969, р. 146]: и положительных, и отрицательных героев «Острова» роднит одно желание – получить сокровища, запрятанные капитаном Флинтотом. Автор сам признавался позже, что «поэзия обстоятельств» может иметь дело с тем, что «не морально, но попросту вне морали». В итоге главный герой романа – Джим Хокинс – даст нравственную оценку всему, что произошло с ним: его «теперь не заманишь на этот проклятый остров» за остатками клада. Остается неясным, как он рас-

порядился им, и не это волновало его душу. Перипетии сюжета – воплощение ребячьей мечты о подвигах и путешествиях.

Сюжеты произведений Р. Стивенсона ценны педагогически, именно тем, в частности, что выводят сознание юных читателей из игровой атмосферы, побуждая понять разницу между увлекательной игрой в пиратов и страшной сущностью настоящих бандитов, в которых на самом деле нет ничего привлекательного.

Особую роль в развитии не только английской, но и европейской литературы в области приключенческого жанра сыграли литературные произведения, подобные *The Life and Strange and Surprising Adventures of Robinson Crusoe* («Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», опубл. в 1719) и продолжение этого романа *The Farther Adventures of Robinson Crusoe* («Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», 1719) Даниэля Дефо (ок. 1660–1731). Эти истории основаны на приключениях Александра Селкирка на одном из необитаемых островов архипелага Хуан-Фернандес. Дефо добавил множество вымышленных деталей и персонажей. Убедительное повествование об усилиях потерпевшего кораблекрушение Крузо выжить в одиночку принесло автору славу талантливого рассказчика. Романы Дефо получили множество подражаний, возник даже особый вид романа – «робинзонада» – литературное произведение, в котором изображается жизнь и деятельность обособленных личностей, оказавшихся по разным причинам вне общества. Другой мощный импульс для развития приключенческой литературы давали великие географические открытия, широко и разнообразно преломившиеся в мировой романистике.

Особый вид робинзонады создал Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936), автор детских книг, неподвластных времени. В первую очередь *Jungle Book* («Книга джунглей», 1894), *Just So Stories* («Просто сказки», 1902), *Puck of Pook's Hill* («Пак с Пуковых холмов», 1906), *Rewards and Fairies* («Награды и феи», 1910). По мнению исследователей, рассказы Киплинга «не свободны от империалистических взглядов. Он был уверен, что англичанин, хозяин колоний, должен хорошо знать эти колонии. Отсюда его пристальное внимание к природе далеких стран» [Брандис, 1980, с. 172–174]. Его книги показывают мир, не тронутый цивилизацией. В них возвеличивается уклад, основанный на суровой борьбе за выживание, на непрерывном взаимоистреблении живых существ. Однако главный герой – отважный и сообразительный Маугли – не только постиг тайны джунглей, но сумел расположить к себе диких зверей и поэтому способен царствовать над ними. Его изобретательность и ловкость торжествуют над тупой жестокостью Шер-хана, а

«красный цветок» помогает утвердить свое главенство в волчьей стае. Маленький читатель, побывавший в «джунглях Кипплинга», не только развлекается, но и готовится к жизни.

Вслед за И.Г. Минераловой, следует заметить, что приключенческая литература генетически восходит ко многим явлениям словесности, в частности к фольклорному жанру волшебной сказки, к авантюрной повести, так как имеет в своей основе динамичный, непредсказуемый, полный загадок и парадоксов сюжет [Минералова, 2002, с. 141]. Произведения этого жанра всегда относятся к числу наиболее любимых детьми вне зависимости от того, создавались они специально для ребенка или вошли в круг детского чтения постепенно.

Жанр **школьной истории** представлен творчеством Томаса Хьюза (1822–1896) автора романа *Tom Brown's Schoolday* («Школьные дни Тома Брауна», 1857), выпущенного под псевдонимом An Old Boy (Старина). Автор описал закрытую школу «Регби» времен его юности и свое благоговение перед ее директором, д-ром Т. Арнольдом.

Дальнейшее развитие жанра связано с именем школьного учителя из Харроу, философа и богослова Фредерика Уильяма Фаррара (1831–1903), который опубликовал назидательную книгу из школьной жизни *Eric, or Little by Little* («Эрик, или Мало-помалу», 1858). Помимо многочисленных работ по богословию он написал *Julian Home; a Tale of College Life* («Дом Джулиана; рассказ о жизни в колледже», 1859) и *St. Winifred's, or The World of School* («У св. Уинифред, или Школьный мир», 1862).

Энид Мэри Блайтон (1897–1968) сначала писала сентиментальные стихи, а затем стала посылать в журналы разные забавные истории и бесконечные «тайны», которыми зачитывались английские школьники. Имена героев ее книг даже присваивались детским клубам. Критикам казалось, что ее книги слишком примитивны: что интересного в истории игрушечного человечка по имени Нодди, маленького утенка Тима, который мог прокатить на себе лягушку и даже испугать страшное чудище [Мязотс, 1995, с. 73–74]. Даже английским библиотекарям такие книжки не нравились, они их убирали с полок [Тубельская, 2005, с. 51]. Но писательница считала, что детские книги и не должны нравиться взрослым, главным для нее было мнение детей до 12 лет. За свою жизнь Блайтон написала около 600 книг, ее героями были не какие-то сверхчеловеки, а дети, что импонировало юным читателям.

Герои Т. Хьюза, Ф. Фаррара, Э. Блайтон воспитывают молодого человека активным создателем жизни по законам добра и справедливости. Сюжеты школьных историй строятся на разрешении школьных

проблем, «рассмотренных через конфликт детского Я и коллектива; детского коллектива и коллектива педагогического; конфликта преимущественно нравственного, где стремление к идеалу входит в противоречие с настоящим положением вещей, при котором взрослые не всегда являются идеалом, но имитируют “идеальное”. Такая история сюжетной основой имеет “детский детектив”, в котором реализуется положительный герой, где в борьбе между ‘быть’ и ‘казаться’ он выбирает ‘быть’» [Минералова, 2002, с. 129].

После проповеди о национальном вероотступничестве, прочтенной Киблом в 1833 году в Оксфорде возникло Трактарианское (или оксфордское) движение, цель которого – защитить англиканскую церковь как божественный институт с независимым духовным статусом и оживить традиции Высокой Церкви [The Concise Oxford..., 1998, p. 519]. Влияние трактарианцев на интеллектуальную, религиозную и культурную жизнь Англии было огромно. В литературе оживление интереса к церкви Средневековья повлияло на творчество У. Морриса, Теннисона, Прерафаэлитского братства и других писателей. Шарлотта Мэри Янг (1823–1901) также находилась под сильным влиянием религиозных воззрений «оксфордского движения», что нашло отражение во всех ее произведениях. Она автор множества исторических романов для детей, в том числе *The Daisy Chain* («Гирлянда из маргариток», 1856), *The Little Duke* («Маленький герцог», 1854), *The Heir of Redclyffe* («Наследник Рэдклиффа», 1853). Ее **семейные саги** богаты сценами из жизни больших семей, с особой любовью писательница изображала отношения братьев и сестер. Быт, уклад жизни, семейные узы выступают доминантой в семейных сагах, где подчеркивается, что жизненная гармония достигается в ладу с природой, с семьей, с самим собой, с Богом.

Книга Анны Сьюэлл (1820–1878) *Black Beauty* («Черный красавец», 1877), история для детей, рассказывающая о жизни лошади черной масти, стала классикой детской литературы в жанре **рассказы о животных**. На долю лошади выпало немало невзгод, но она сумела обрести счастье и покой. Писательница отлично знает повадки диких зверей, умеет метко предать свои наблюдения. Она наделяет животных способностью мыслить, рассуждать, а главное – рассказывать о своей жизни. Такой литературный прием помогает автору занимательно и правдиво передать детям секреты о жизни животных.

В современном литературоведческом лексиконе все чаще встречается определение **фэнтези**, представляющее целую литературу, где границы реального и мистического размыты. Лучшими образцами процве-

тающего жанра фэнтези считаются произведения Клайва Стейплза Льюиса (1898–1963), Алана Гарнера (р. 1934), Филиппы Пирс (р. 1920). В 1930–1960 годах вокруг К.С. Льюиса в Оксфорде собиралась группа друзей, для чтения вслух своих сочинений; они называли себя the Inklings («Инклинги»). В эту группу входил и Дж.Р. Толкиен.

Книгой «Лев, ведьма и волшебный шкаф» К.С. Льюис начал серию для детей «Семь рассказов Нарнии». Определяя жанр «Хроник», одни называют их сагой, другие – литературной сказкой, третьи – фэнтези, но эти определения не исчерпывают всех жанровых составляющих произведения. Ясно одно: Льюис, полемизируя со своим другом Толкиеном, создал книгу, роль которой в развитии мировой детской литературы трудно переоценить, а жанр ее, без сомнения – синтетический, в нем, помимо названного, присутствует и приключенческая линия, и психологическая, и педагогическая [Штейнман, 2003, с. 124]. При анализе этого произведения выделяются наиболее характерные составляющие сказки-фэнтези, в частности, смещение временных плоскостей, взаимодействие параллельных миров, перенесение реалистического персонажа в мифологическое, сказочное пространство не без помощи магии, суть которой никто не может объяснить [Минералова, 2002, с. 157].

Одним из основателей жанра фэнтези по праву считается Джон Рональд Руэл Толкиен (1892–1973) – профессор английской филологии в Мертон-колледже, Оксфорд. Всемирную известность он приобрел благодаря двум книгам: *The Hobbit* («Хоббит», 1937) и продолжение *The Lord of the Rings* («Властелин колец», 1954) в 3-х томах, в основу которых положена созданная самим автором мифология. Эпос *The Silmarrillion* («Сильмариллиада») опубликован посмертно в 1977 Кристофером, младшим, сыном писателя. Юрий Нагибин, один из переводчиков Толкиена, сказал: «Мы живем в суровое время, которое требует от человека душевной силы, преданности идеалам и стойкости перед Лихом. Все это читатель найдет в сказках Толкиена. Его герои не утрачивают достоинство, не изменяют правде и долгу».

Вслед за И.П. Лупановой, отметим, что большой путь развития прошла английская **сказка**: от бесхитростного фольклорного повествования до изящных притч Уайльда и фантастических эпопей Толкиена, произведений большого обобщающего значения. Исследователь указывает, что в английской литературной сказке нетрудно заметить два основных направления: одно из них связано с именем Уайльда, другое обновляет фольклорные истоки сказки, вводит читателя в мир новой, уже авторской мифологии, открывает целый фантастический мир.

Сказка возникла не сразу и не сама по себе, а выросла из записей фольклористов в эпоху романтизма, когда появился пристальный интерес ко всему народному, национальному. Отличительной особенностью английской народной сказки является сближение ее с быличкой [Лупанова, 2001, с. 111]. Прежде всего это сказки об эльфах и феях, характерные для многих областей Великобритании. Исследователь считает, что эти сказочные существа пришли в английский фольклор из кельтских преданий и являются своеобразной «помесью» кельтских природных духов и германских карликов.

Вечный спор о том, стоит ли детям читать сказки, вспыхнул с новой силой после публикации сказок датского писателя Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875) братьев Гримм Якоба Людвиг Карла (1785–1863) и Вильгельма Карла (1786–1859) – немецких филологов, пионеров в изучении германской мифологии и фольклора. В Англии они известны главным образом своим собранием сказок, *Kinder und Hausmärchen* («Детские и семейные сказки», 1812–1815), английский перевод которых выполнил Эдгар Тэйлор, а проиллюстрировал Джордж Крукшэнк (1792–1878). Английскому читателю они известны под названием *German Popular Stories* («Немецкие народные сказки», 1823). В предисловии определяется настоящее место сказки в культурном наследии: это древнейшая поэзия народа, выражение его глубинной духовной жизни [Дудова, 1997, с. 227–228]. Выход в свет сказок братьев Гримм стимулировал собрание и издание сказок во всем мире.

В 1855 году вышла в свет сказка *The Rose and the Ring* («Кольцо и роза») Уильяма Мейкписа Теккерея (1811–1863) с иллюстрациями автора, тонкая пародия на сказочные штампы. Дело в том, что волшебные Роза и Кольцо имели свойство делать тех, кто владел ими, неотразимо привлекательными, из-за чего в истории принца Джильо и принцессы Розальбы постоянно происходят забавные недоразумения. У.М. Теккерей продолжал создавать произведения развлекательного характера, среди которых серия *Christmas Books* («Рождественские книжки»), тоже с его собственными иллюстрациями.

Герои сказок и легенд (особенно Робин Гуд) вдохновляли писателей на создание собственных произведений. Сбирать и записывать народные сказки в Англии стали лишь в конце XIX века. Одними из самых известных собирателей и издателей сказок были Эндрю Ланг, издавший около десяти сказочных сборников, названия которых соответствовали цвету их обложки, и Джозеф Джекобс, редактор журнала *Folklore*. Значительное место сказка и легенда занимают в творчестве

знаменитых поэтов Р. Саути и У. Теннисона, романиста В. Скотта, математика и писателя Льюиса Кэрролла.

Развитие детской английской литературы продолжается, каждый год в ней появляются новые и новые имена. Прочно вошли в круг детского чтения цикл сказок Майкла Бонда о смешном перуанском медвежонке Паддингтоне, приехавшем погостить в Англию; яркие, глубокие повести Нины Боуден; интересные сказки Роберта Лисона; короткие и очень остроумные сказки Дональда Биссета, где решается множество важнейших моральных проблем, с которыми сталкивается растущий человек. В сказках Биссета все герои живут на равных. Хоть среди них весьма неравнозначные фигуры – Туча и Паровоз, целый Вокзал, традиционный сказочный Король – все они легко уживаются в мире сказки и ладят между собой. Эти сказки близки английскому фольклору, в них также полно нелепиц и веселых чудачеств. «Авторы сказок внушают читателям самые добрые человеческие чувства: желание помогать друг другу, быть честным, не обижать слабых, не зазнаваться» [Брандис, 1980, с. 73–74]. Согласимся с D.L. Russel John и R. Townsend, что сказка стала глубже и серьезнее. Развиваясь в основном в кэрролловских традициях, в духе «фантастического реализма», сказка ставит перед маленьким читателем труднейшие вопросы бытия, которые раньше считались недоступными для ребенка. Здесь выдающуюся роль сыграла сказочная эпопея Толкиена, влияние которой на современных сказочников продолжает расти. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями в развитии современной западноевропейской литературы, где новое звучание приобретают «фантастический реализм» и эпос [Russell, 1994, p. 196].

Литература, в том числе детская, обращается к своему великому прошлому, к истокам, поиски которых приводят писателей к фольклору, к могучей словесности XVIII–XIX веков. Сочетание старого и нового, реалистического и эксцентрического придает английской детской литературе ее неповторимое своеобразие.

Литература

- Брандис Е. От Эзопа до Джани Родари : Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М., 1980.
- Васюченко И. Игра и тайна // Детская литература. 1994. № 4.
- Демурова Н.М. Маленькие оборвыши в большой литературе. Герои Джеймса Гринвуда и их предшественники // Детская литература. 1979. № 7.
- Дудова Л.В. Гримм Якоб, Вильгельм // Зарубежные писатели. М., 1997. Т.1.
- Зарубежные детские писатели в России : Библиографический словарь. М., 2005.

- Либединская Л. Уроки маленького оборвыша // Детская литература. 1991. № 6.
- Лупанова И.П. Современная литературная сказка и ее критики // Проблемы детской литературы. М. 2001.
- Минералова И.Г. Детская литература. М., 2002.
- Мязотс О. Новое имя на обложке – Энид Блайтон // Библиотека. 1995. № 9.
- Тубельская Г.Н. Зарубежные детские писатели. Сто имен : Библиографический справочник : Ч.1. М., 2005.
- Чуковский К.И. От двух до пяти. Сочинения в 2-х т. М., 1990. Т.1.
- Штейнман М.А. Английский роман XX в. : поэтика иносказания (Толкиен и Льюис). М., 2003.
- Galda L., Cullinan B.E. Literature and the Child. Orlando, FL: Harcourt Brace. 2004.
- Lukens R.J. A Critical Handbook of Children's Literature. NY: Oxford University Press. 2002.
- Nesbit Elizabeth A New Impulse in Romance // A Critical History of Children's literature. NY: Macmillan, 1969.
- Russell D.L. Literature for Children. White Plains, NY: Longman. 1994.
- Slaughter J.P. *Beyond Storybooks: Young Children and the Shared Book Experience*. Newark, DE: International Reading Association. 1993.
- The Concise Oxford Companion to English Literature. Edited by Margaret Drabble and Jenny Stringer. Oxford ; NY. 1998.
- Townsend John R. Written for Children : An Outline of English-Language Children's Literature. Lanham ; MA. 2006.

СУДЬБА РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ АЛТАЯ : НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ

Н.М. Киндикова

Ключевые слова: репрессированные писатели, Горный Алтай, национальная литература, «Книга памяти».

Keywords:

Имена и творчество репрессированных деятелей культуры и литературы долгое время в нашей стране были под запретом. Тем не менее, в последние десятилетия возникает все большая необходимость обращения к архивным материалам, к публикациям, связанным с судьбами творческих личностей, восстановлением их литературного наследия в истории национальных культур. Только в 90-е годы XX столетия, когда был издан Указ Президиума Верховного совета СССР о реабилитации невинно осужденных жертв (от 16 января 1989 года) и был принят Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (от 18 октября 1991 года), появились первые публикации в цен-

тральных газетах и журналах. В них отражаются новый взгляд на исторические события 20–30-х годов XX столетия, новая методология исследования литературы, оценка творческой деятельности ряда известных писателей таких, как М. Горький, И. Бунин, М. Булгаков, М. Пришвин и многих других классиков литературы [Горький, 1991; Бунин, 1991]. Запоздалая публикация их дневников и писем, запрещенных в свое время художественных произведений позволила разрушить наше традиционное представление о состоянии общества и литературном процессе 1920–30-х годов в целом [Анненков, 1991, с. 48–49; Голубков 1995; Сазонова, 1992, с. 38; Троцкий, 1992, с. 42; Чернова, 1992 и др.]. Неслучайно понадобился ретроспективный взгляд на события первой трети XX века, на литературу этого периода в особенности.

В национальных литературах вопрос о судьбе и литературном наследии репрессированных до сего времени рассматривался лишь по отношению к определенному периоду развития той или иной национальной литературы, к личности писателя в частности. К таким исследованиям относятся работы ведущих тюркологов Н.А. Баскакова, С.С. Суразакова, З.С. Казагачевой и др. [Баскаков, 1948; Суразаков, 1962; Тавдакталып тав атты, 1976; Алтай совет үлгерлик, 1989]. Между тем тема репрессированных односторонне освещена в исторических очерках 30-х годов XX столетия (Л. Мамет, П. Гордиенко, Л.М. Эдокова, Р.И. Эйхе и др.), частично переизданных журналистом В.Э. Кыдыевым в 90-е годы в издательстве «Ак-чечек» [Мамет, 1930; Гордиенко, 1931; Гордиенко, 1994; Эдоков, 1931; Эйхе, 1935]. Все это позволило по-новому рассмотреть исторические события и факты почти столетней давности, выяснить роль общественных деятелей Горного Алтая. В настоящее время настало время почтить их память, осознать новым поколением весь трагизм и драматизм судьбы первых интеллигентов, по-новому оценить литературное наследие творческих личностей, сказать слова покаяния всем убиенным в целом и каждому поименно.

К числу репрессированных в 20–30-е годы писателей Горного Алтая и сопредельных территорий относятся, в первую очередь, известный художник Г.И. Чорос-Гуркин (1870–1937); политические руководители и литераторы А.А. Сыркашев (1899–1938), Л.А. Сарысеп Канзычаков (1891–1937); авторы первых школьных учебников и учителя Н.А. Каланаков (1888–1960), А.В. Тозыяков (1882–1938), поэты и прозаики А.П. Чокор (1908–1938), И.С. (Алтаяк) Толток (1906–1937), П.А. Чагат-Строев (1887–1938), а также сопричастные к этому времени

и событиям М.В. Мундус-Эдоков (1897–1942), П.В. Кучияк (1897–1943) и др.

В регионах Сибири были репрессированы Г.М. Токмашев (Горная Шория), С.Д. Майнагашев, Р.А. Кызласов, С.А. Бытотов (Хакасия), П.А. Ойунский, А.И. Софронов-Алампа (Якутия), С. Пюрбю из Тувы и многие другие. Некоторые титульные народы, такие, как татары и башкиры, уже успели включить имена своих репрессированных писателей в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век» (2005).

Количество всех репрессированных не подсчитано. Их число по стране и в регионе великое множество, если брать во внимание то обстоятельство, что пострадали родственники (дети и внуки) обвиненных и незаслуженно расстрелянных. Это прослеживается, к примеру, в роду Аргымая Кульджина, Кару и Алексея Куладжи, скитавшихся по России до 90-х годов и вернувшихся на родину под чужой фамилией [Аргымай ла Манҗыныв јүрүминеv, 1995]. Об этом подробнее написано в книге Г. Елемовой «Потомок кегел маймана» (2007). Такова трагическая судьба Г.И. Чорос-Гуркина и его детей, удачно освещенная в книге «Здесь все еще о нем напоминает» Ю.В. Туденовой [Туденова, 2005].

Одних ссылали дважды-трижды, других угоняли за пределы Алтая за то, что они были близки с репрессированными. Так подверглись необоснованным гонениям лучшие сыновья и дочери Алтая, внуки которых до сих пор остаются в неведении о творческой деятельности своих предков или остерегаются сказать слова правды. Вместо гордости за их деяния в душе каждого из них (нового поколения) «вкрался» генетический страх преследования и очередного гонения. Удивительно, но это жизненный факт, характеризующий сегодняшнее состояние общества. Политические деятели выполняли миссию, возложенную на них своим народом, но их репрессировали как «националистов». И что характерно, эти лидеры Алтая в какой-то степени были связаны с лидерами из Горной Шории и Хакасии. Такая же судьба была уготована лидерам башкирского, татарского, якутского и тывинского народов.

По утверждению историка, заведующего отделом хранения спецдокументации Государственной архивной службы Республики Алтай Ф.Н. Марачева, «первые и пока немногочисленные репрессии политического характера в Горном Алтае начались в 20-е годы. Аресту подвергались активные участники, так называемых, бандформирований, баи, крупные священнослужители, зайсаны, как правило, с семьями, то есть ярые защитники старого строя. Но приговоры по ним были относительно мягкими – 2–5 года тюремного заключения или лагереi.

Другое дело, когда эти же люди во второй раз арестовывались в 1936–1938 гг., то здесь приговоры были самые суровые – минимум 10 лет заключения в ИТЛ (исправительно-трудовой колонии), но чаще всего ВМН (высшая мера наказания).

Следующая, более жестокая волна репрессий, проводимых ОГПУ, затем НКВД, относится к началу 30-х годов. Она была связана, в основном, с реакцией сельского населения на только что образовавшиеся колхозы и уровень их жизнедеятельности.

Любой падеж скота, неубранное сено, испортившаяся молотилка, пожар на ферме, неотремонтированные сани или бороны и т.п. немедленно расценивались как антисоветские, антиколхозные, контрреволюционные, вредительские деяния. В ход пускалась печально знаменитая 58-я статья УК РСФСР» [Марачев, 1997, с. 32–33]. И далее историк пишет: «Наибольший разгул беззакония, фальсификации дел и массовых репрессий падает на 1937 год, как “акция по изъятию остатков враждебных классов”». Согласно этой секретной инструкции ЦК ВКП(б) местным органам НКВД устанавливался лимит на арест.

Обычно «брали “шибко умных”», людей с подозрительно нерусской фамилией; людей, хоть один раз побывавших когда-то за границей; бывших партизан, перебежавших от Колчака; колхозников, не радеющих, по мнению НКВД, за коллективное дело; бывших «буржуев» и многих-многих других безвинных людей» [Марачев, 1997, с. 33].

Основной причиной их незаконного обвинения и расстрела является то, что они были якобы «врагами народа», «японскими шпионами», «вредителями Советской власти», «иностранными разведчиками» и т.д. В действительности же, как они могли быть врагами собственного народа, когда именно деятели культуры открыто и смело ставили национальные вопросы этнического развития? По словам самого Г. Чорос-Гуркина, он заботился «о нуждах <...> и законных правах алтайского народа» (заявление от 1924 года, с. 139).

Всемирно известный офтальмолог Эрнст Мулдашев удивлялся тому, как его дед, башкир по национальности, будучи лесником в глухой тайге, мог оказаться «японским шпионом». А некоторых алтайцев репрессировали только за то, что в народной песне звучало слово «токой», которое ассоциировалось со столицей Японии. Точнее, в строке «Бурул токой Алтайым» («Алтай с седыми холмами») как будто слышалось слово «Токио». Трудно поверить, но адская машина репрессий действовала именно так, выполняя план репрессивных органов власти.

Профессор Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова В.П. Прищепа в своих воспоминаниях пишет: «Мой дед

был раскулачен в 1931 году и выслан из деревни Моисеевка Краснотуранского района Красноярского края на север Томской области, где и погиб. Отец был репрессирован в г. Черногорске в 1937 году, отсидел к этому времени 10 лет и чудом остался жив» [Прищепа, 2009, с. 7].

Такие примеры мы можем привести, изучая историю каждой второй семьи, к сожалению, о них в свое время не вели речь, не сохранились записи – об этом нельзя было не только писать, но и боялись произносить вслух. К слову сказать, старший сын М.В. Мундус-Эдокова Леонид Миронович случайно стал прототипом исторического романа «Синяя птица смерти» (1993) Аржана Адарова. Вера Федоровна в свои 85 лет сумела опубликовать воспоминания о династии Тозыяковых в книге «Жестокого времени дети» (2007). Н.В. Суразакова подготовила к изданию книгу «Возвращенные судьбы и события» (2007).

О том, как угоняли репрессированных, в частности из Эликманарского района, Вера Федоровна пишет: «Отца, Федора Сергеевича Тозыякова (1866–1937), соратника Чорос-Гуркина, учителя школы села Узнезя, забрали милиционеры ночью в августе 1937 года, сначала в райцентр, затем, в октябре, в Кызыл-Озек».

Однажды, в полдень, тогда тринадцатилетняя девочка, из окна своего дома увидела изнуренных арестованных, их было около 20-25 человек. Они шли пешком под конвоем. Узнав среди них своего отца, она быстро собрала еду и побежала за ними. Догнав их уже за деревней, она все же передала отцу пожитки. С тех пор его семья (а их было восемь детей и мать) жила в неведении о судьбе отца и мужа, а дети с того времени вынуждены были носить клеймо «дети врага народа». И лишь по истечении 57 лет им удалось узнать, что его расстреляли в ноябре того же года.

Очевидец тех событий, просидевший 10 лет в лагерях, Ефим Степанович Бакиянов (1917–1995) вспоминал при жизни, как их, арестованных (а ему тогда было всего 18 лет), привели в душный барак за городом (это район гардинно-тюлевой фабрики), где невозможно было не только сидеть, но и стоять, устроили допрос обвиняемых. При этом их заставляли подписывать чистый лист бумаги или сочиненный кем-то текст, где содержались ложные сведения. А кто отказывался подписывать, били рукояткой ружья, пинали ногами, издевались, надевали осужденному на голову мешок, завязав ноги веревкой, пороли железной нагайкой. После этого выбрасывали обессиленное тело человека на растерзание собакам. Существовал даже барак, названный осужденными «собачьим домом».

Выживших в Кызыл-Озекской тюрьме в декабре месяце, в лютый мороз, отправляли в Бийск, а дальше в Новосибирск. Затем через станции Юрга, Тайга их увозили поездом на север, в Коми. Из 500 угнанных до места ссылки, по словам Ефима Степановича, оставалось всего половина. А в одном лагерном пункте было три тысячи человек. Так, отказавшись подписывать сфабрикованный документ, Ефим Бакиянов выжил и вернулся домой только вместе с фронтовиками. И что характерно, в лагере, по его рассказам, среди простых репрессированных были видные военачальники, такие, как маршал Советского Союза Егоров, начальник НКВД Алиев, начальник погранотряда на границе России и Монголии Соколов и многие другие [Петешева-Кыдыева, 1997, с. 65–70]. Алтайк Толток, не выдержав мучений и издевательств, вынужден был подписать сфабрикованную бумагу (в тюрьме ему сломали пальцы рук, заставив положить ладонь на стык косяка и двери, а на раненую кожу тела нарочно сыпали соль).

Самое опасное то, что, не зная правды истории, не осознавая противоречивость и трагизм судьбы репрессированных писателей, новое поколение может оказаться на ложном пути. Причиной этому могут послужить некоторые публикации, например, статья П. Кучияка, опубликованная в газетах на родном языке «Кызыл Ойрот» (за 23 октября 1934 года) и русском языке «Красная Ойротия» (за 29 октября 1934 годы), где упоминаются имена А.В. Тозыякова, М.В. Мундус-Эдокова и др. А также воспоминания художника Н.И. Чевалкова (1892–1937), соратника Г.И. Чорос-Гуркина, написанные в 1936 году, впервые опубликованные к 50-летию Горно-Алтайской автономной области и впоследствии напечатанные в альбоме художника Н.И. Чевалкова «Живопись и графика» (Горно-Алтайск, 2006). В нем пишется о том, что в 30-е годы Г.И. Чорос-Гуркин будто бы действовал как «националист»: «Пора нам жить по-своему и самим управлять своим народом», – вспоминает Чевалков слова художника [Чевалков, 2006, с. 27]. И далее: «Будем защищать свою священную землю, свои национальные обычаи» [Чевалков, 2006, с. 29].

Национализм обычно проявляется там, где ущемлены права и свободы граждан. При этом необходимо отличать национализм от решения национальных проблем этноса. В начале XX века лидеры малочисленных народов остро ставили вопросы о правах малочисленных народов, в том числе о самоопределении нации. С точки зрения сегодняшнего решения национального вопроса, тут ничего националистического нет. Время расставило свои акценты.

Лидер алтайского народа Г.И. Чорос-Гуркин прежде всего был обеспокоен судьбой своих сородичей. В своем чистосердечном заявлении он писал: «В жизни своей я был кровным защитником всех интересов своей родины: самоопределения и автономии алтайского народа. За его законное право быть равным и свободным в семье великих народов. За сохранение его национальной культуры, языка и быта. За его новое создание и развитие в области своей экономической жизни, искусства и науки» (цит. по : [Эдокова, 1994, с. 138]). Эти идеи воплощены в статьях Г.И. Чорос-Гуркина «Самоуправление и нужды алтайцев» (1913, 28 марта), «Об Алтае и его нуждах» (1917, апрель-май), в статье Леонида Сарысеп Канзычакова «К выделению алтайцев в автономную область», опубликованной в журнале «Жизнь национальностей» (1922, 14 апреля), и статье П.А. Чагат-Строева «Ойротский народ» (газета «Известия», 1922, 16 ноября) и т.д.

Архивные материалы, обнаруженные в Государственной архивной службе Республики Алтай, рассекреченные материалы НКВД представляют важный источник для дальнейшего изучения жизни и творчества деятелей культуры. Появилась возможность сравнивать анкеты арестованных с их личными делами, автобиографией.

В материалах УФСБ, переданных в 90-е годы из Краевого архива г.Барнаула в Горно-Алтайский республиканский архив нами обнаружены документы, содержащие новые сведения о судьбе Н.А. Каланакова, П.А. Чагат-Строева и многих других политических деятелей Ойротской (впоследствии Горно-Алтайской. – *Н.К.*) автономной области.

Документальные и личные материалы о Г.И. Чорос-Гуркине, раскиданные по российским архивам и в Монголии, все еще не опубликованы, не прочитаны, не осмыслены новым поколением. Поэтому в ближайшие годы необходимо активизировать поисковую деятельность ученых: издать хотя бы хрестоматию литературных трудов, статей Чорос-Гуркина, а в перспективе подготовить академическое издание его наследия, исследования его жизни и творчества.

Теперь попытаемся понять трагическую судьбу и оценить литературное творчество незаслуженно репрессированных деятелей Горного Алтая. Имя Андрея Александровича Сыркашева неизвестно было алтайскому читателю до 90-х годов XX столетия. Родился он в с. Мыюта Шебалинского района, закончил Бийское миссионерское катехизаторское училище, работал учителем в с. Аюлу. В свое время он был редактором газеты «Кызыл Ойрот», заведующим Облоно, председателем Кузнецовского райисполкома Горно-Шорского района Западно-

Сибирского края, секретарем Онгудайского райкома ВКП(б), председателем облисполкома. Арестован по доносу 2 октября 1937 года «как враг народа».

Он обвинен по 6 пунктам, приговорен 1 января 1938 года в Барнауле без суда к расстрелу. Дома остались жена Анна Николаевна, 34 лет, сыновья Иван и Геннадий, 15 и 12 лет [Марачев, 1997, с. 34]. В его литературном наследии осталось одно из первых автобиографических повествований под названием «О себе» (1932). В системе развития автобиографического жанра в национальной литературе оно имеет свое логическое продолжение.

Репрессиям подвергся Леонид Алексеевич Сары-Сеп Канзычаков, написавший лишь один рассказ «Темдеш» (1931), до сих пор не вошедший в историю алтайской литературы. Загадкой остается то, что, несмотря на занятость, тревожную политическую обстановку, алтайские лидеры находили время для литературного творчества.

В антологии «Алтайская советская поэзия» (1917–1987) за 1987 год имеется краткая справка о репрессированных, в частности, о том, что А. Тозыяков, А. Чоков, П. Чагат-Строев и др. умерли в ссылке в 1938 году. Пока неизвестно, как в один и тот же год умерли все эти деятели литературы: от болезни или они были попросту расстреляны. Такова судьба, в частности, А.В. Тозыякова, написавшего в 20-е годы ряд стихотворений и рассказов для школьных учебников. В истории алтайской литературы вошли пьесы «Хитрость белых» – «Актардын мекези» (Улалу, 1927), «Порог богача высок» – «Бий эжиги бийик» (Улалу, 1927), изданная в соавторстве с Ф.В. Тозыяковым.

Алтаяк Толток – родом из села Отогол Шебалинского района. Экстерном закончил Барнаульский комвуз, был активным комсомольским, партийным работником, председателем облрадиокомитета. В 20–30-е годы сочинял стихи. За что арестован, неизвестно. Умер в 1937 году. Репрессиям подвергся и Алексей Чоков – алтайский поэт и переводчик русской классики. Он был родом из села Кумуртык Улаганского района.

Автор первых букварей и книг для чтения Андрей Николаевич Каланаков был почти неизвестным алтайскому читателю. В архивной справке 30-х годов записано: «В 1933 году по линии КрайОГИЗ и КрайОНО он был направлен в г. Новосибирск, где работал по составлению учебников для алтайских школ. В процессе работы Н.А. Каланаков встречался с представителями педагогической интеллигенции Хакасии и Горной Шории с целью создания общей терминологии для алтайского, шорского и хакасского языков. Это и послужило

основанием для ареста в августе-сентябре 1934 года. За участие в контрреволюционной организации “Союз сибирских тюрок” он осужден Сибирским краевым судом по ст. 58–12 УК РСФСР на 3 года лишения свободы с исправительным сроком 3 года» (Дело № 17702. Т. 5 (от 13.01.06)). С точки зрения сегодняшнего дня представители трех народов начали тогда доброе дело – создание единой терминологии, которое необходимо будущему поколению. К сожалению, начатое им перспективное дело приостановлено. В настоящее время Н.А. Каланаков известен как поэт, прозаик и драматург.

П.А. Чагат-Строев – яркая личность, талантливый поэт. Его имя восстановлено в истории алтайской литературы профессором С. Суразаковым. В 1958 году переизданы его произведения. С тех пор произведения Чагат-Строева не издавались. Разве что известные его стихи повторялись в различных изданиях. В 20-е годы он был членом ВЦИК от Ойротской автономной области. Преследования его начались с публикации вышеупомянутой статьи в газете «Известия» (1922 год, № 259, 16 ноября). Как никто другой, он понимал политическую обстановку на Алтае и выступал в защиту 112 тысяч алтайцев.

Отзыв на эту статью написан еще Г.И. Чорос-Гуркиным, не по своей воле оказавшимся в то время в Танна-Туве. Он сообщал в своем письме: «Вы являетесь очень пламенным защитником нужд алтайского народа, честным и верным сыном и своей страны – Алтая, отдающим все свои силы и труд на благо угнетенного народа своей Родины. Приветствую Вас и желаю вам сил и здоровья продолжить свою работу – защиту пролетарской свободы и революции!» (письмо от 9 февраля 1924 года).

П.А. Чагат-Строев подвергался репрессиям дважды. По статье 111 УК на 6 лет принудительных работ, по ст. 74 УК на 1 месяц. В 1937 году осуществлены три допроса (от 2 июля, от 8 и 9 июля). П.А. Чагат-Строев арестован 12 июня 1937 года по статье 58 УК РСФСР и осужден к 10 годам исправительных работ в трудовых лагерях (Дело № 633. Фонд-37. Опись 1). Известны его поэмы «Мудрый богатырь» (1925) и «Кара-Корум» (1927), в которых автор выступал как свидетель исторических событий. Никто из алтайских поэтов не сочинял так вдохновенно и ярко, как Чагат-Строев. В этой поэме он выразил свое отношение к гражданской войне, Советской власти, коллективизации. Правдиво показано время – ценой каких потерь и жертв установлена Советская власть на Алтае.

М.В. Мундус-Эдоков не был репрессирован, но репрессиям подвергся его сын Леонид Миронович. Неслучайно, он перестал сочинять

в последующие десять лет. Кроме того, его портрет до 90-х годов прошлого столетия ошибочно путали с фотографией молодого П.А. Чагата-Строева. Наконец-то, в конце 80-х годов нами найден портрет М. Мундус-Эдокова, принадлежащий кисти художника Г.И. Чорос-Гуркина, и восстановлен его образ. Наследие М. Мундус-Эдокова опубликовано его внучкой Л.Г. Чернышевой, а также подготовлены к изданию статьи о нем.

Репрессии случайно не коснулись судьбы писателя П.В. Кучияка. Однако имеется газетная статья от 1934 года, подписанная им. В ней критикуются отдельные произведения М.В. Мундус-Эдокова, А.В. Тозыякова и др. Возникают вопросы о заказном характере статьи, о том, сфабрикована ли она или написана деятелем культуры собственноручно, как ему удалось избежать массовых репрессий?

Вышеупомянутый Ф.Н. Марачев поясняет: «К выявлению “классово-чуждых, враждебных, контрреволюционных” элементов подключались газеты, “общественное мнение” коллективов, агентурные сведения, оговоры ранее арестованных на своих товарищей, остававшихся пока на свободе, выбивание следователями “признательных показаний”, просто буйная фантазия руководителей местных органов НКВД» [Марачев, 1997, с. 33].

Возможно, П. Кучияк и мог написать заказную статью, в ней легко заметен идеологический налет. С точки зрения сегодняшнего прочтения, это – всего лишь критическая статья на новинки алтайской литературы. В наказание за эту публикацию произведения самого П. Кучияка не печатали на родине. Его стихи, как известно, впервые были опубликованы в Новосибирске, лишь позднее – в Горно-Алтайске. В годы массовых репрессий он оказался в Новосибирске, затем в Москве. В окружении известных артистов, писателей, интеллигенции столицы он работал наиболее плодотворно.

Его обвиняли в национализме чуть позднее. В своем дневнике от 7 июня 1936 года П. Кучияк писал: «“Ойротский комсомол” газетти алдым. Мени национализмнив писатели деп Енчиновтыг выступлениезин (Здесь имеется статья Толуша Енчинова от 24 мая 1936 г. – *Н.К.*) канайдар база? Кижинив озьгин јара кезеле, оныг кандый ла јажытту санаазын билетен болзо, мен кыйышпас эдим. Мен националисттердив писатели деп тўнде де тўженбедим, тўште де сананбадым да [Кучияк, 1979, с. 104]. 11 июня он пишет: «Кайда барар? Јизе де бөрү, јибезе де бөрү деген бирүзи. Азыйдагы јүрүм коомой болгон керегинде бир ле јастыра неме боло берзе, ол неме 100 катап көптөй берер, контрреволю-

ционный националистив значогын јапшырып ийгилеер. Андый сагыш Кучиякта болбогон, болотон учуры да јок» [Кучияк, 1979, с. 105]¹.

И что удивительно, именно в это время пишет свои воспоминания художник Н.И. Чевалков, соратник Г.И. Чорос-Гуркина. В них критикуется политическая деятельность художника, Мастера.

Г.И. Чорос-Гуркину в этом году исполнилось 140 лет со дня рождения. Нет человека на Алтае, кто бы ни знал имя художника: Мастер восстал из небытия. «Это Человек, попытавшийся в пору безвластия и кровавого хаоса объединить земляков вокруг идеи Горной Думы – этого органа самоуправления, который он подкрепил своим собственным авторитетом» [Суразаков, 1962]. Лидер алтайского народа в своих статьях, письмах, литературных сочинениях прозорливо предсказывал будущее Алтая, выражал свое отношение к власти. В свое оправдание Мастер написал чистосердечные письма-завещания родным и близким в художественной форме (письма 1935 года, 7 января; 1937 года, 8 апреля). Не случайно, его личные письма вошли в историю алтайской литературы как литературные произведения. Кроме того, обнаружены новые произведения Чорос-Гуркина, достойные глубокого изучения. Важнейшая задача – издание литературного наследия великого художника.

Поражают беззакония, творящиеся в отношении арестованных: допросы вели, имея «по сути, заранее готовые ответы осужденных, которые подавались именно в том аспекте, в котором они были необходимы для обвинительного заключения» [Эдоков, 1994, с. 196]. Для достоверности можно сравнить обвинительные дела Г.И. Чорос-Гуркина и П.А. Чагат-Строева. В частности, «Г. Гуркин является одним из руководителей контрреволюционной националистической организации, существующей в Ойротии, ведет подготовку вооруженного восстания для свержения Советской власти и установления буржуазно-демократического государства из народностей Алтая, Хакасии, Горной Шории под руководством Японии». Почти так же звучит обвинительный акт у П.А. Чагат-Строева. История обнаруживает непосредственную ложь. В целом, непонятно, за что пострадали творческие работники Горного Алтая.

Таким образом, в 20–30-е годы происходило чудовищное уничтожение самых умных, образованных, политически грамотных людей

¹ Основной смысл высказывания писателя мы отразили в своем переводе: «Если можно было вспороть живот и выявить затаенные мысли человека, то я не отказался бы от этого эксперимента. В моей голове никогда и не было таких мыслей и не могло быть» (перевод наш. – Н.К.).

общества, национальных лидеров народа, творческих работников страны, региона, области. Мы до настоящего времени не знаем, в каких местах они были в ссылке, когда и как они были убиты, где они похоронены. По мнению Заслуженного юриста Российской Федерации Д.И. Табаева, «точное число репрессированных, наверное, никогда не удастся установить в связи с давностью, секретностью и утерей архивных материалов, а также не обработанностью архивов Кемеровской, Новосибирской, Иркутской, Томской, Камчатской, Магаданской областей, Республики Коми, Северных областей Казахстана, в связи с отдаленностью, разбросанностью и сложностями в их сборе. Поиски затрудняются тем, что в архивах дела заключенных хранятся не по территориальным адресам высылки, а по алфавиту». Родственники ссыльных предложили посетить места заключения и поклониться земле, сказать слова покаяния. Ради справедливости необходимо «вернуть» также семью Г.И. Чорос-Гуркина в восстановленную усадьбу села Онос Чемальского района в скульптурном изображении.

Так, из вышеупомянутых одними из первых реабилитированы А.А. Сыркашев, расстрелянный в Барнауле (19 августа 1955), Г.И. Чорос-Гуркин, расстрелянный в Новосибирске (29 марта 1956), П.А. Чагат-Строев, умерший (возможно, расстрелян – *Н.К.*) в г. Тайшет Иркутской области (31 мая 1956), А. Чоков – в 1958 году, а в последние, точнее, в 90-е годы XX столетия – Н.А. Каланаков (8 июня 1992), Тозыяковы, А. Толток и многие другие. Даже после того, как репрессированные были реабилитированы, собственно алтайцы вначале боялись упоминать их имена, в страхе от того, что им припишут ярлык «националиста». Лишь в 90-е годы удалось преодолеть генетический страх преследования. Именно в эти годы издаются книги о возвращении Мастера, Г.И. Чорос-Гуркина, возобновлены Оносские встречи творческой интеллигенции в его селе [Возвращение, 1993; Эдоков, 1994; Прибытков, 2000; Туденева, 2005; Оносские встречи, 2006].

В память о жертвах политических репрессий в Республике Алтай издана «Книга памяти» в трех томах (1996, 1998, 2000), установлен мемориал в честь незаслуженно расстрелянных. Так восстанавливается историческая справедливость, в средних и высших школах вводится раздел для изучения творческого наследия репрессированных деятелей культуры Алтая.

В целом, по Республике Алтай пострадало от репрессий более 7417 человек. Но эта цифра неточная, так как вместе со ссыльными пострадали и их семьи и родственники. Волна репрессий прошла, как

известно, в три этапа. Мы ограничились только 20–30-ми годами. Впереди изучение третьего этапа. Решение этой проблемы только начато и имеет свое продолжение в рамках региона и страны в целом. Наша задача по-новому осмыслить трагическую судьбу репрессированных писателей и включить их творческое наследие в историю национальных литератур.

Литература

- Анненков Ю. Дневники моих встреч (Цикл трагедий). М., 1991. Кн. 1.
- Аргымай ла Манъяныв жүрүминев (Из жизни Аргымая и Манди Кульджинных). Горно-Алтайск, 1995.
- Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948.
- Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели лауреаты Нобелевской премии. М., 1991.
- Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность» (11–12 января, 1991 г.). Горно-Алтайск, 1993.
- Голубков М.М. Утраченные альтернативы. М., 1995.
- Гордиенко П. Ойротия. – Новосибирск, 1931 ; Горно-Алтайск, 1994.
- Горький А.М. Несвоевременные мысли. М., 1991.
- Жестокого времени дети (О династии Тозыяковых). Горно-Алтайск, 2007.
- Киндикова Н.М. Автобиографический жанр : истоки и традиции // Башкы. Кызыл. 2007. № 1.
- Киндикова Н.М. П. Чагат-Строев : салымы ла энчизи (П. Чагат-Строев : судьба и наследие) // Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. Горно-Алтайск, 2008.
- Киндикова Н.М. Чорос-Гуркин учун сөс (Слово о Чорос-Гуркине) // Киндикова Н.М. Статьи об алтайской литературе. Горно-Алтайск, 2010.
- Книга памяти жертв политических репрессий : в 3 т. Горно-Алтайск, 1996, 1998, 2000.
- Кучияк П. Воспоминания. Дневники. Письма. Горно-Алтайск, 1979.
- Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930.
- Марачев Ф.Н. Конец пути // Кан-Алтай. 1997. № 1(13).
- Оносские встречи. Горно-Алтайск, 2006.
- Питешева К. Юрер ойин талдап алар эмес. (Судьба не подвластна времени). Горно-Алтайск, 1997.
- Прибытков Г.И. Чорос-Гуркин. Горно-Алтайск, 2000.
- Прищепа В.П. «Щемящей совести срока...». Абакан, 2009.
- Сазонова В.В. Горький о Ленине // Литература в школе. 1992. № 2.
- Суразаков С.С. Алтайская литература. Горно-Алтайск, 1962.
- Тавдакталып тав атты (Зажглась заря). Горно-Алтайск, 1976.
- Алтай совет үлгерлик (Алтайская советская поэзия). Горно-Алтайск, 1989.
- Троцкий Л.Д. Верное и фальшивое о Ленине // Литература в школе. 1992. № 2.
- Туденева Ю.В. Здесь все еще о нем напоминает. Горно-Алтайск, 2005.
- Чернова И.И. Осмысление трудных тем // Литература в школе. 1992. № 2.
- Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994.
- Эдоков Л.М. Ойротская автономная область. М., 1931.

Эйхе Р.И. Социалистическая Ойротия на новом подъеме. Новосибирск, 1935.

Н.В. Панченко

**МЕЧ ОБОЮДООСТРЫЙ :
ИДЕЯ «ЧИСТОТЫ ЯЗЫКА»
В СОВЕТСКОЙ И АНТИСОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ
(по материалам советской периодики и
парижского журнала «Русская речь» 1958–1963 годов)**

Е.Н. Басовская

Ключевые слова: чистота языка, пуризм, пропаганда, новояз.

Keywords: linguistic purity, purism, propaganda, newspeak.

Развитие русского языка при социализме критически осмысливалось на протяжении всего существования советской России и СССР представителями русской эмиграции. Первые работы, посвященные этому вопросу, появились уже в начале 1920-х годов. Они имели публицистический характер, были подчеркнуто эмоциональны и отражали решительное неприятие процессов, протекавших на родине авторов.

В числе первых была изданная в Берлине брошюра С. и А. Волконских «В защиту русского языка». Она проникнута духом обличения большевистского режима, который разрушил вековую русскую, в том числе и речевую культуру.

В дальнейшем выступления эмигрантов, затрагивавшие вопросы эволюции языка в советской России, были отрывочны и бессистемны – лингвистическая проблематика оставалась на периферии их внимания. Ситуация изменилась после Второй мировой войны, выдвинувшей СССР на передний план всемирной истории. В 1940–1950-х годов в Западной Европе и США произошел всплеск интереса к культурным (в том числе языковым) реалиям советской России. В первые годы после Победы над нацистской Германией русская эмиграция была настроена по отношению к Советскому Союзу значительно более лояльно, чем в предыдущие десятилетия. Критика советской действительности на не-

которое время ослабела. Однако позже большая часть эмиграции вернулась на прежние позиции непримиримой борьбы с любыми культурными тенденциями, берущими начало в СССР.

В этот период в США вышла на русском языке книга А. и Т. Фесенко «Русский язык при советах». Авторы подчеркнули такие предпосылки языковой трансформации при социализме, как разрушение традиционных социальных, в частности семейных связей, снижение авторитета школы и художественной литературы. А. и Т. Фесенко назвали в качестве признаков советского языка сочетание усложненности с вульгаризацией; наплыв в литературный язык тюремно-лагерной лексики и фразеологии; широкое использование штампов; гиперболизм; исключение из обихода лексических групп, связанных с дореволюционными реалиями; появление большого количества неологизмов; рост эвфемизации и т.д.

А. и Т. Фесенко исходили из представления о разделенности русского языка советского периода на две практически не взаимодействующие стихии: искаженный язык власти и чистый язык народа. Полагая, что искажения лексики и семантики есть результат злонамеренного воздействия тоталитарной власти, авторы пришли к выводу о том, что «новояз» достаточно легко искореним: *«...то, что <...> оказывается уродливым языковым оформлением уродливых жизненных явлений, должно исчезнуть вместе с самими явлениями»* [Фесенко, 1955, с. 199]. Исторический опыт постсоветской России показал, что в данном случае были явно недооценены обратное воздействие языка на сознание и глубина проникновения концептов «новояза» в менталитет советского человека.

В 1958 году в Париже под эгидой созданного в 1955 году «Союза для защиты чистоты русского языка» начал выходить русскоязычный журнал «Русская речь. La parole russe». Его издателем стал юрист и литератор Никита Васильевич Майер¹. Он же был автором значительной части текстов, опубликованных в «Русской речи» с 1958 по 1963 годы, когда журнал прекратил свое существование.

Материалы парижской «Русской речи» не были предметом специального изучения в российской филологической науке. При этом они, несомненно, заслуживают внимания с нескольких точек зрения.

¹ Майер Н.В. (1979–1965) – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета; в дореволюционный период – присяжный поверенный Санкт-Петербургского окружного суда, редактор журнала «Санкт-Петербургский экономист». В 1919 году выехал из Москвы в Батуми. Через Константинополь переехал в Берлин, затем – в Париж. См.: [Незабытые могилы, 2004, с. 300].

Во-первых, публикации журнала отражают значительно увеличившийся во второй половине XX века разрыв между законсервированной в эмиграции традиционной русской культурой с одной стороны и новой советской – с другой. В них представлен взгляд со стороны на явления, бывшие привычными для тех, кто находился внутри советской речевой среды, и потому содержится немало точных и важных наблюдений.

Во-вторых, тексты «Русской речи» представляют собой выразительный пример пропагандистского дискурса антисоветской направленности, своего рода зеркальное отражение тех приемов воздействия на сознание, которые применяли в СССР адресованные интеллигенции издания, в том числе журнал «Новый мир» и «Литературная газета».

Как указывает один из основоположников современного учения о пропаганде Л. Доуб, пропагандист стремится «с помощью внушения контролировать отношение к чему-либо групп других индивидов и, следовательно, контролировать их действия» [Doob, 1935, p. 89]. Исследователи установили, что пропагандистская речь нередко оказывается действенной, будучи обращенной именно к образованной аудитории. Абсолютное большинство людей верит тому, что читает. Поэтому, как подчеркивает Ж. Элюль, когда читают миллионы, их становится значительно легче в чем-либо убедить [Elul, 1966, p. 108]. Парижская «Русская речь» и советские издания для интеллигенции содержат многочисленные образцы пропагандистских выступлений, облеченных в форму рассуждений на общекультурные темы. Сопоставительный анализ материалов такого рода, появлявшихся в один и тот же период в Москве и Париже, открывает перспективы выявления важных типологических черт имплицитно пропагандистской речи.

Наконец исследование публикаций журнала «Русская речь» позволяет сделать первые шаги в направлении изучения деятельности «Союза для защиты чистоты русского языка». История этого эмигрантского объединения остается сегодня ненаписанной.

В редакционной статье, помещенной в первом номере «Русской речи», содержались программные установки «Союза для защиты чистоты русского языка»: *«Защита чистоты русского языка не реакция, не проповедь неизменяемости однажды принятых форм, не противодействие органическому развитию русского слова. Она противодействует внедрению в русскую речь большевистского жаргона, эмигрантских заимствований и ничем не обоснованных претенциозных искажений <...>. Русский язык находится в явной опасности. Его искажают не только распыленные среди других народов несчастные беженцы, но*

и владеющие всею печатью в России коммунисты и “иже с ними”» (№ 1, с. 1–3).

Здесь определены отправные идеологические точки дальнейшей деятельности журнала. Прежде всего редакция решительно отрешивается от языкового пуризма. Такую политику нельзя не признать грамотной, если учесть в целом скептическое отношение российской интеллигенции к языковому пуризму, ассоциирующемуся у среднестатистического образованного читателя с окарикатуренным в позднейших публикациях образом адмирала А.С. Шишкова – защитника псевдорусских слов *мокроступы* и *топталнице*.

Важно и то, что «Русская речь» не сводит предстоящую борьбу за чистоту языка к противостоянию его советизации. В числе негативных явлений называются и эмигрантские речевые искажения. Это создает иллюзию объективности, в действительности не существующей. Безусловно, именно советский вариант русского языка представляется редакции крайней формой его искажения и порчи, что делается особенно заметно при употреблении презрительного оборота *коммунисты* и *“иже с ними”*.

В следующих номерах журнала выступления в защиту русского языка приобрели более конкретный характер. Первым объектом критики стали **иностранные слова**, *«которые не нужны русскому языку, так как в нем для соответствующего понятия имеются свои собственные...»* (№ 2, с. 3). В статье, так и называвшейся «Засорение иностранными словами», был предложен список заимствований, подлежащих замене:

абстрактный – отвлеченный
легально – законно
персонально – лично
генерация – поколение
дегенерация – вырождение
фундаментально – основательно
анонс – объявление
грандиозный – огромный
мемуары – воспоминания
купюра – сокращение, пропуск
претендовать – притязать
позитивный – положительный
негативный – отрицательный
интернациональный – международный
экстренно – срочно

детально – подробно
экспорт – вывоз
импорт – ввоз
индустрия – промышленность
манускрипт – рукопись
моментально – мгновенно, тотчас
эксперимент – опыт
абориген – туземец, старожил
лига – союз (№ 2, с. 4).

Надо сказать, что осуждение необоснованно применяемых слов иностранного происхождения была свойственна и борцам за чистоту языка в советской России. После публикации в 1924 году заметки В.И. Ленина «Об очистке русского языка» советская пропаганда активно использовала образ иноязычного слова как символа всего чуждого и антинародного. Особенно энергично борьба с заимствованиями велась в конце 1940 – начале 1950-х годов, в период становления новой, советско-имперской идеологии и сопутствовавшей этому процессу кампании против «космополитизма». «Литературная газета», в позднесталинский период поместившая на своих страницах немало материалов, направленных против заимствований, в последний раз перед длительным перерывом коснулась этой темы в феврале 1953 года. Заведующий сектором культуры речи Института языкознания АН СССР С.И. Ожегов писал со ссылкой на Сталина, что язык как *орудие борьбы* должен быть «чистым, то есть освобожденным от излишних иноязычных заимствований и вульгаризмов» (ЛГ, 1953, № 18, с. 2).

Смерть Сталина положила конец антикосмополитической кампании. Среди других сюжетов, стремительно утративших актуальность, оказалось и «засорение» русского языка иностранными словами. В частности, редакция «Литературной газеты» не затрагивала вопроса «очистки» русского языка от заимствований на протяжении ряда лет и вернулась к нему всего через несколько месяцев после того, как в Париже начал издаваться журнал «Русская речь». Когда же лексика иностранного происхождения вновь сделалась объектом критики в советской прессе, обнаружилось почти полное совпадение взглядов идеологических противников.

С не меньшим пафосом, чем решительно антисоветски настроенный Н.В. Майер, высказался против заимствований официальный советский писатель А.К. Югов: *«И житейская наша речь, и художественная русская литература невероятно засорены иностранными словами и синтаксическими оборотами, при этом без всякой надобности,*

а просто в силу некоей умственной лени, небрежения к родному языку, чем кичились в былые времена “гулящие” по заграницам дворянчики <...>. Именно от дворянского сословия исходила зараза безнародности, сиречь космополитизма...» (ЛГ. 1959. № 7. С. № 3).

В отсутствие полноценной коммуникации, когда «Русская речь», как и любое другое эмигрантское издание, не могла распространяться в СССР, а «Литературная газета» попадала к представителями русской диаспоры во Франции нерегулярно и с большим запозданием, диалог между оппонентами был невозможен. Обе стороны высказывались «в пустоту» и не имели возможности заметить сложившейся парадоксальной ситуации: с точки зрения Н.В. Майера и его единомышленников, порча русского языка иностранными словами активизировалась именно при антинародной, космополитической советской власти. По мнению же А.К. Югова и его сторонников, чуждые элементы привносились в язык космополитическим дворянским сословием, а продолжение этого процесса при социализме должно было рассматриваться как пережиток дореволюционного прошлого.

В третьем номере парижской «Русской речи» в продолжении статьи «Засорение иностранными словами» среди примеров вопиющей безграмотности упоминалось употребление глагола *будировать* в значении «мутить», «подстрекать», «восставать против», «возмущать» и объяснялось, что французское *bouder* означает «дуться», «сердиться» (№ 3, с. 5). Характерно, что та же ошибка почти за 40 лет до этого рассматривалась В.И. Лениным в заметке «Об очистке русского языка»: «...употребляют слово “будировать” в смысле возбуждать, тормозить, будить. Но французское слово “bouder” (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле “сердиться”, “дуться”. Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык» [Ленин, 1924, с. 1]. При сопоставлении текстов обнаруживается почти дословное совпадение: журнал, издаваемый врагами советской власти, практически цитирует (конечно, без ссылки на первоисточник) заметку пролетарского вождя.

Нельзя исключить и другой возможной причины такого совпадения: спонтанное появление заметки «Об очистке русского языка» в тот момент, когда В.И. Ленин слушал выступления участников Съезда Союзов молодежи в 1920 году, может быть одним из многочисленных мифов, созданных вокруг фигуры вождя. Вполне вероятно, что Ленин работал над этим небольшим текстом позже и опирался на какие-либо

специальные лингвистические издания (например, словари). Этими текстами мог в другую эпоху воспользоваться автор «Русской речи». При этом ни Ленин, ни его невольные единомышленники не сочли необходимым сослаться на источник информации.

В любом случае показательно, что Ленин в 1920–х годах, еще рассчитывая на устранение распространенной лексической ошибки, а редакция «Русской речи» в 1958 году, сознавая, вероятно, безнадежность борьбы за корректное словоупотребление, рекомендовала вообще избегать глагола *будировать*.

Автор публикации настаивал также на отказе от слов *резон*, *результат*, *фиксировать* и *проблема* на том основании, что каждое из них заменяет собою несколько русских и, следовательно, лишает речь смысловых оттенков. Важно отметить, что борцы за «чистоту языка» в СССР – как профессиональные филологи и литераторы, так и читатели, обращавшиеся с письмами в редакции газет, – никогда не достигали такого уровня пуризма.

В 1962 году, комментируя напечатанную в журнале «Новый мир» статью К.И. Чуковского «О соразмерности и сообразности», автор «Русской речи» Н.А. Потемкин негодовал: советский филолог признает обрусевшими суффиксы существительных -изм- и -ист-: «*Какое безвкусице! Какое лицемерие после выраженных тревог по поводу засорения языка и только потому что “исты” и “измы” тесно связаны с революционной фразеологией!*» (1962. № 19. С. 4). Критика со стороны эмигрантского издания здесь, как и в других случаях, носит эмоциональный характер и не касается лингвистической сути вопроса. Чуковский не просто назвал латинские суффиксы обрусевшими, но и доказал это, продемонстрировав их органичное соединение с русскими корнями в словах *правдист*, *связист*, *очеркист*, *царизм* и др. (Новый мир, 1961, № 5, с. 208–209).

Надо признать, однако, что, при очевидной научной несостоятельности отдельных замечаний Н.А. Потемкина, в его рецензии достаточно точно диагностировано явление, типичное для советских публикаций, посвященных борьбе за «чистоту языка»: в соответствии с официальной точкой зрения, некоторые речевые новации действительно защищало от критики именно то, что они были порождены революционной эпохой и новым миром социализма. Однако при этом обращает на себя внимание меньшая жесткость позиции, свойственная советским авторам: начиная с приуроченной к 10-летию Октябрьской революции книги А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» в СССР говорили как о позитивных, так и о негативных изменениях в русском языке XX

столетия. Эмигрантская же пресса настаивала на том, что абсолютно все привнесенное в язык при социализме противоестественно и вредно.

Радикализм «Русской речи» может быть объяснен отстраненностью Н.В. Майера и других авторов по отношению к русской советской речевой практике. Думается, по прошествии более тридцати лет со времени их отъезда из России эти люди подсознательно воспринимали советскую реальность как нечто отвлеченное, условное, а потому подлежащее самым решительным изменениям и исправлениям. Все, что вошло в речевой обиход после революции, редакция «Русской речи» воспринимала как наносное, чуждое духу русского языка и, значит, легко устранимое. Безусловно, важен и тот факт, что среди парижских защитников русского языка не было лингвистов. Многие публикации журнала отражают обывательское представление о том, что язык зависит от воли отдельных людей и поддается целенаправленной коррективке.

Параллельно с советской прессой обратилась парижская «Русская речь» и к проблеме **бюрократизации языка** в условиях социализма. Поводом для рассмотрения этой проблемы стала опубликованная в 1959 году «Литературной газетой» статья К.Г. Паустовского «Бесспорные и спорные мысли». Этот материал, как и упоминавшаяся ранее статья А.К. Югова, стал частью газетной кампании, проводившейся в Советском Союзе после Первого съезда писателей РСФСР и в ходе Третьего съезда писателей СССР. Начало организованной дискуссии положило выступление М.В. Исаковского и О.Д. Форш в «Правде». Писатели говорили о значимости литературного мастерства, в том числе – об уровне владения языком. Развивая данное положение, К.А. Федин выступил с предложением провести широкую дискуссию на тему «Язык и народ» (ЛГ, 1958, № 147, с. 3).

Все эти обстоятельства не были приняты во внимание публицистом «Русской речи», сообщившим читателям, что *«советская «Литературная Газета» напечатала крамольную статью советского автора К. Паустовского»* (1959, № 6, с. 1). Совершенно очевидно, что подцензурная «Литературная газета» не могла поместить на своих страницах ничего «крамольного». Кроме того, высказывание Паустовского воспринималось читателями внутри страны в контексте официально одобренной дискуссии о языке, пафосом которой было воспевание великого русского языка и огромных достижений советской литературы. «Литературная газета» не случайно опубликовала статью Паустовского под названием «Бесспорные и спорные мысли», подчеркивавшим субъективность всех сделанных писателем относительно резких крити-

ческих замечаний. Глубоко продуманным было и завершение статьи, «не замеченное» «Русской речью»: Паустовский подчеркивал: *«я благодарен жизни... прежде всего за то, что я родился и живу в России в замечательную эпоху ее существования»* – и говорил о своем страстном желании *«совершенствования и великолепнейшего расцвета нашей культуры»* (ЛГ, 1959, № 61, с. 4). Таким образом, в статье преобладало позитивное начало и она не была ни «крамольной», ни просто нетипично смелой для советской публицистики конца 1950–х годов.

Тем не менее, с учетом сделанных уточнений, материал действительно содержал негативную оценку современного состояния русского языка. Журналист «Русской речи» привел обширные цитаты из статьи Паустовского, где, в частности, говорилось: *«Бережем ли мы <...> язык? Нет, не бережем! Наоборот, язык все больше загрязняется, переламывается и сводится к косноязычию. Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мертвым языком бюрократическим <...>»*

Почему мы миримся со скудостью бюрократического и обывательского языка, с его нищетой, серятиной и фонетическим безобразием? Мы, считающие себя самыми передовыми людьми, создателями новой жизни?!» (ЛГ, 1959, № 61, с. 4).

Заданные вопросы Паустовский оставил без ответа. Для автора публикации в «Русской речи» ответ был очевиден: русский язык не мог не оскудеть при антинародной большевистской власти. Само упоминание о неблагополучии, царящем в русском языке, было воспринято как значительный и показательный шаг: *«Важно то, что на поверхности советских текущих дней стали появляться темы, о которых и советские граждане и русские эмигранты говорят одним и тем же языком...»* (1959, № 6, с. 2).

Надо сказать, что «один и тот же язык» русских эмигрантов и статьи Паустовского – это язык в первую очередь не обличения, а прославления. Единодушие публицистов, находящихся по разные стороны идеологических баррикад, особенно остро ощущается, когда советский писатель прославляет русский язык: *«Русский язык – одно из величайших чудес на земле. В течение многих веков Россия была нищей, сирой, бесправной и темной. Но, несмотря на это, вопреки этому, наш народ создал язык поистине гениальный – сверкающий, певучий, живописный и богатейший в мире»*. Советский прозаик выступает здесь со славянофильских позиций, столь близких значительной части эмиграции и, в частности, редакции «Русской речи».

Что же касается существа вопроса – экспансии лексических и грамматических канцеляризов в разговорную речь, тексты СМИ и художественную литературу, то «Русская речь» не посвятила ему ни одной специальной публикации и вообще не придала должного значения¹. Причину этого следует, думается, искать в недостатке фактического материала, а также в некоторой стереотипности мышления авторов эмигрантского издания, которые, как указывалось, не были лингвистами и избирали для рассмотрения общеизвестные, традиционно упоминавшиеся в популярной литературе языковые «болезни».

Так, помимо иностранных слов и бюрократического жаргона постоянным объектом критики в «Русской речи» были **лексически и грамматически неверные выражения**, свойственные эмигрантскому просторечию: *благодаря пожару, займите мне, одевать на себя, согласно чего-либо* и др. (1959, № 4, с. 7; № 5, с. 6; № 6, с. 7). Были в числе осуждаемых редакцией конструкций и не столь бесспорно неправильные: *я вас туда проведу* (вместо *провожу*), *вести работу* (вместо *выполнять*), *проработать* (вместо *изучить*), *не сумею прийти* (вместо *не смогу*). В оценке этих слов и словосочетаний проявлялось характерное для эмиграции первой волны неприятие нового, объяснявшееся отождествлением нового и советского. При этом защитникам русского языка было свойственно равно неприязненное и бескомпромиссное отношение как к действительно грубым и немотивированным нарушениям литературных норм, так и к неизбежным лексико-семантическим сдвигам.

Аналогичная установка, только в ином идеологическом обрамлении, не раз отражалась и в публикациях советских ревнителей чистоты языка. Вновь обращают на себя внимание почти точные совпадения высказываний, звучавших с разных сторон политическим баррикад. Практически одновременно с возмущенным упоминанием в «Русской речи» о недопустимом использовании глагола «суметь» в значении «смочь» «Литературная газета» поместила статью Л. Раковского «Чувство языка», где в числе прочих грубых речевых ошибок называлась и эта: автор утверждал, что культурный человек спрашивает не *Вы сумеете ко мне подъехать?*, а *Вы сможете ко мне приехать?*. В том же ряду оказались и многие другие лексико-семантические новации: *запросто* (в значении *просто*), *подбросить* (*подвезти*), *подкинуть*

¹ Исключительная опасность, которую представляла бюрократизация русского языка, была вскоре проанализирована в ряде газетных и журнальных публикаций К.И. Чуковского и в его книге «Живой как жизнь».

(*дать*), *подойти* (*прийти*) (ЛГ, 1959, с. 3–4). Интересно, что Л. Раковский признавал, что новому в языке противостоять бесполезно, – и в то же время требовал борьбы с лексическими сорняками.

Интересно, что в ряде случаев выступления «Русской речи» существенно отставали от обсуждения поднятых ею лингвостилистических вопросов в СССР. Так, в рубрике «Заметки о русской речи» в 1962 году появилось следующее разъяснение: глагол *зачитать* означает «взять книгу и не возвратить» или «начать читать», но не может использоваться в значении «прочсть, доложить» (1962, № 18, с. 5). Почти за 10 лет до того, в 1953 году, «Литературная газета» напечатала статью заведующего сектором культуры речи Института языкознания АН СССР С.И. Ожегова «О культуре речи» (ЛГ, 1953, № 18, с. 2). Среди прочих спорных вопросов современной практической стилистики было упомянуто и употребление глагола *зачитать*. Но если С.И. Ожегов объективно констатировал вытеснение слова *огласить* новым синонимом *зачитать*, то в опубликованной вскоре подборке читательских писем (ЛГ, 1953, № 57, с. 1) на глагол *зачитать* в значении «прочсть» было вновь указано как на безграмотный канцеляризм. Возникла типичная для советских газетных материалов о языке ситуация, когда «народная» точка зрения оказалась более однозначной, а позиция – нетерпимой, нежели отраженная в статье ученого-лингвиста. Предельную же нетерпимость к языковым изменениям продемонстрировало именно эмигрантское издание, через много лет продолжившее настаивать на некорректности распространенного понимания слова *зачитать*.

Еще одним объектом критики была для журнала «Русская речь» **новая русская орфография**, к тому времени прочно утвердившаяся в Советском Союзе. Тексты парижского журнала набирались в соответствии с дореволюционными орфографическими нормами, и это не раз специально подчеркивалось. Когда читатели упрекнули «Русскую речь» в недостатке филологической тематики, редакция ответила, что не намерена превращать журнал в учебник русского языка, а главной своей миссией считает публикацию материалов *не опоганенных* советской орфографией и словотворчеством (1961, № 14, с. 7). Вопрос об орфографии – единственный, не дающий переключек с советской прессой. К концу 1950–х годов он уже на протяжении нескольких десятилетий не затрагивался изданиями, выходившими в СССР, так как считался (да и был) окончательно решенным.

«Русская речь», изначально заявившая о неприятии новой орфографии и постоянно возвращавшаяся к этому сюжету, не могла обойти

вниманием развернутую в СССР в начале 1960-х годов дискуссию об изменении правописания. Правда, авторы журнала продемонстрировали лишь выборочное знакомство с материалами на данную тему. В частности, «Русская речь» сосредоточилась на статье профессора А.И. Ефимова «Красноречие и орфография» («Известия», 1962, № 71, с. 3). Ее пафос заключался в обосновании необходимости провести в СССР орфографическую реформу, направленную на унификацию и упрощение правил. Доказывая важность подобных мер, А.И. Ефимов предлагал читателю представить себе старшеклассника, вдохновенно описывающего природу и внезапно спотыкающегося на простом, на первый взгляд, вопросе: *«Как пишется это поэтическое слово: зоря или заря? Что во множественном числе зори – это ясно. А вот в единственном? Казалось бы, есть образцы: море – моря, воды – вода». Воображаемый школьник вспомнил, что “его друг схватил в прошлом году двойку за эту самую зарю”, и вообще утратил вкус к самостоятельному письменному творчеству: “И красноречие пропало, появились штампы...”»*

По мысли А.И. Ефимова, в современной школе *«орфография убивает красноречие и поэзию»*. Однако вина за это возлагается, конечно, не на советскую систему образования, а на дореволюционную науку и учебную практику. В классических традициях советской пропаганды негативное явление трактуется как «пережиток» предшествующей эпохи. Интересно также, что Ефимов дистанцируется от русской орфографии, характеризуя ее как порождение не только царской России, но и чуждой немецкой ментальности: *«Невероятно и без надобности перегруженная русская орфография в основном сохранилась со времен профессора Я. Грота. Еще в прошлом веке он, с немецкой аккуратностью и утонченной пунктуальностью <...> собрал и систематизировал множество правил, отклонений, исключений, вариантов и т.п. <...> Его орфография предназначена не для широких масс народа <...> Такая орфография была тормозом для желающих учиться “кухаркиных детей”. По инициативе В.И. Ленина Октябрьская революция еще в 1917 г. покончила с ятем, фитой, твердым знаком в конце слова, а также с некоторыми окончаниями, усложняющими грамматику»*.

А.И. Ефимов утверждает, что лишь тяжелые условия гражданской войны и разрухи не позволили советской власти довести реформу до конца и сделать русское правописание простым и удобным для широких народных масс. По его словам, «освобожденные от бесплодного труда по заучиванию исключений, почувствовав красоту и величие родного языка, учащиеся будут с энтузиазмом изучать его».

Редакция «Русской речи» комментировала статью Ефимова с типичным для нее пропагандистским пафосом: *«Как внушить этому профессору, что язык каждого народа создается больше всего душою этого народа, таящей в себе тончайшие оттенки его чувств и понимания им окружающего мира, что тем совершеннее язык, чем многограннее душа создавшего его народа, чем больше в нем этих тончайших оттенков его чувств и мыслей и чем точнее выражены они его языком. Вот эти тончайшие оттенки <...> ускользают от топорного мировосприятия советского профессора, отлученного советчиной от души русского народа и потому неспособного понять также и душу родного языка»* (1962, № 18, С. 2).

Прошедшая в 1918 году реформа орфографии была для белой эмиграции ярким символом антирусской деятельности большевиков. В действительности ленинское правительство сыграло в реформе правописания лишь организационную роль, воплотив в жизнь идеи Орфографической комиссии Российской академии наук¹. Тем не менее советская пропаганда включила упрощение правописания, его приближение к интересам народа в число культурных достижений новой власти. Антисоветская же пропаганда, симметрично искажая действительность, придала старой орфографии сакральный характер и обвинила большевиков в ее разрушении.

Весьма показательна манера публицистов «Русской речи» использовать исключительно эмоционально-образную аргументацию. Текст Ефимова дает все основания для предметной дискуссии (в нем говорится, в частности, о необходимости *«приблизить написание слов к их произношению, устранить такие искусственные усложнения, как сдвоенные буквы, выбросить различные исключения, принять единый принцип написания сложных слов, единый разделительный знак <...> сделать более простыми правила переноса, убрать мягкий знак в словах типа “рожь” <...> упорядочить написание суффиксов, предлогов, употребление тире, кавычек и т.д. и т.п.»*). Но в статье «Новая реформа» нет анализа конкретных языковых фактов, а ошибочность взглядов А.И. Ефимова доказывается лишь тем, что его мировосприятие искажено «советчиной».

В дальнейшем выступлении парижского журнала, имевшие отношение к русской орфографии, оставались столь же абстрактно-

¹ Существует обширная литература, посвященная орфографической реформе 1918 года и показывающая ее глубокие историко-культурные корни. См., например: [Григорьева, 2004].

патетическими. Новая орфография именовалась «*недостойной кариатурой*» (1962, № 19, с. 2). В предпоследнем номере «Русской речи» правописание в очередной раз рассматривалось как явление идеологическое: в рецензии на журнал «Наш путь» говорилось о том, что использование «большевистской» орфографии является его серьезным недостатком.

Итак, выбрав в качестве объектов жесткой критики иностранные слова, канцеляризмы, речевые ошибки и новую орфографию, парижская «Русская речь» в течение нескольких лет последовательно проводила заявленную редакционную политику. Параллельно журнал публиковал мемуары, художественные произведения и небольшое количество актуальной публицистики. Собственно филологические рубрики «Русской речи» наполнялись однообразными материалами и постепенно иссякали, видимо из-за отсутствия достаточного числа новых примеров. Закономерно, что ослабление филологической направленности сопровождалось публикацией политически острых текстов. Так, в 1960 году «Русская речь» напечатала статью жившего в США русского эмигранта Б.Л. Бразоля «Родной язык», целиком посвященную разоблачению пагубного влияния советской власти на русский язык. «*Что говорить про Совдепию?* – писал публицист. – Там чуждая и враждебная русской народности власть как будто задалась целью <...> убить красоту, гармонию, невыразимую прелесть родной нашей речи, подменить ее воровским диалектом или интернациональным жаргоном – эсперанто... Жутко вслушиваться в эту... барабанную дробь, в эту хулиганскую бестолочь всех этих “шпротребов”, “осовиахимов”, “наркомпросов”, “вузов”, “наркомфинов” и “селькоров”, “гумов”, “политруков” и “нарсудов”...» (1960, № 10, с. 6).

Текст Б.Л. Бразоля обладает рядом признаков, характерных для эмигрантской публицистики, поднимавшей вопросы развития языка. В ней чаще всего преобладает эмоциональное начало, широко используются резкие негативизмы и экспрессивные метафоры, в то время как рациональная критика перечисляемые языковых фактов очень слаба или вообще отсутствует. Кроме того, авторы-эмигранты, глубоко убежденные в собственной правоте (идейной, а следовательно, и лингвистической) во многих случаях делают широкие обобщения, одинаково интерпретируя языковые явления разного порядка. Так, Б.Л. Бразоль ставит в один ряд сложносокращенные слова, возникшие в советский период, не выделяя среди них устаревшие (*осовиахим*, *наркомпрос*) и актуальные.

Вызывавший гнев Б.Л. Бразоля советский бюрократический жаргон, вне всякого сомнения, существовал и оказывал деструктивное воздействие на русский язык. Об этом писала и «Литературная газета», опуская, разумеется, в данном словосочетании слово «советский». Тяжелый и маловразумительный казенный язык цензура позволяла именовать «канцелярским»: такое определение порождало желаемые ассоциации с царской бюрократией и вписывало критикуемые речевые факты в ряд так называемых «пережитков». Важно при этом, что в СССР филологи и журналисты, погруженные в реальную речевую среду, выступали в конце 1950–х – начале 1960–х годов не против забытых *осовиахима* и *наркомпроса* и вообще не против звуковых и слоговых сокращений как таковых, а против активно употреблявшихся в устных и письменных текстах слов с конструкций *приплюсовать* (*прибавить*), *свиноматка*, *рыбопродукт*, *букинистическая книга*, *посадочное место*, *пошив* (ЛГ, 1959, № 61, с. 3; № 134, с. 3; 1961, № 108, с. 4). В этих и подобных материалах затрагивались, хоть и робко, с оглядкой на цензуру, действительно болезненные проблемы эволюции русского языка при социализме.

Выступление же Б.Л. Бразоля в «Русской речи» могло звучать убедительно только для эмигрантов, не знавших советской языковой среды. Если бы оно было доступно читателям в СССР, они, безусловно, восприняли бы его как не соответствующее времени. Надо подчеркнуть, что отставание от эпохи, незнание и непонимание новейших тенденций в развитии языка в целом свойственно пуристам и является неизбежным следствием их консервативного мировоззрения. Те же качества характерны в целом и для эмигрантского сознания. В парижской «Русской речи» произошло органичное соединение пуристской и эмигрантской ментальности.

Следующий крупный материал, в котором лингвистические вопросы были соединены и практически отождествлены с политическими, появился в «Русской речи» в 1962 году. Статья опубликована в качестве редакционной, без подписи, и есть основания полагать, что она написана Н.В. Майером. В ней говорится: *«Сорок четыре года и два месяца Россию продолжают скрывать под кличкой “СССР”. Сорок два года церкви оскверняются, молодежь, руководимая партийцами, воспитывается на лжи, взаимном доноситељстве <...> “народ безмолвствует” <...> Давно пора приняться за антисоветскую пропаганду <...> Русским людям должно быть внушено во-первых, что им нужно найти способ борьбы против террора, который их поработывает <...> Во-вторых, русским людям <...> должно быть объяснено,*

что вступление в партию дело вовсе не простое и ясное, что принадлежность к партии <...> налагает также и ответственность за все содеянное партией <...> Только пропаганда силы, а отнюдь не увещания, поможет России вновь стать Россией, советским гражданам стать русскими людьми, советскому языку и правописанию стать русским языком и правописанием и т.д. и т.п.» (1962, № 16, с. 1–2).

В данной статье со всей очевидностью проступает такое свойство языкового пуризма, как тенденция к превращению к национализм и даже шовинизм. Деятели эмиграции не могли не сознавать, что за «кличкой» СССР кроется далеко не только Россия, а граждане СССР – это люди множества различных национальностей.

Надо сказать, что для советской прессы 1960–х годов, затрагивавшей тему «чистоты языка», националистический подтекст совершенно нехарактерен. Это связано с тем, что в указанный период официальная идеология вообще отрицала существование национального вопроса при социализме и рисовала образ единого советского народа. В условиях жесточайшей цензуры националистические идеи не проникали в печать даже в форме намека. Однако когда с течением времени идеологическая машина стала работать значительно менее эффективно, в советскую прессу проникли отголоски реальных идейных столкновений, в том числе – в отношении национального вопроса. Значительно позже, нежели публицисты русской эмиграции, в 1970–х годов, в не столь явной форме выразили свои национальные симпатии и антипатии советские защитники «чистоты языка». Не имея по цензурным соображениям возможности открыто выступать за возрождение русской культуры, советские почвенники 1970–х защищали от неназванных «редакторов» устаревшие и диалектные слова – воплощение угнетенного национального духа¹. Издававшаяся же в эмиграции «Русская речь» уже в 1962 году требовала направить пропаганду исключительно на русских.

Один из самых серьезных и взвешенных материалов лингвистической направленности появился на страницах «Русской речи» за год до ее закрытия – это уже упоминавшийся ответ Н.А. Потемкина на статью К.И. Чуковского. Парижский публицист назвал свой материал «О несурзности и нелепости» (1962, № 19–20), пародируя заголовок первоисточника – «О соразмерности и сообразности». Показательно, что

¹ В этом плане характерна, например, статья известного прозаика В. Липатова «Слово в опасности...», опубликованная в «Литературной газете» (1971, № 34. с. 5). Писатель с горечью писал о том, что из речевой практики уходят такие исконно русские слова, как *кожух, шкворень, прясло, босошпелый, городьба, плетень* и др.

название статьи Чуковского «Русская речь» воспроизвела неправильно – «О соразмерности и соответствии». На основании этого можно предположить, что Н.А. Потемкин был знаком с публикацией «Литературной газеты» не в оригинале, а в изложении или переводе.

«О соразмерности и сообразности» – журнальная публикация ряда фрагментов из книги «Живой как жизнь», которая вышла в следующем, 1962 году. В главе «Старина и новизна» (тоже ошибочно названной в рецензии Потемкина «Старое и новое») Чуковский рассуждал о неизбежности языковой эволюции и неизбежном конфликте между речевыми предпочтениями старого и молодого поколений. В следующей главе – «Против ханжей и кликуш» – рассматривалась проблема использования иностранных слов; в третьей – «И хорошо, и плохо» – создание и применение сложносокращенных слов. В конце статьи автор заявлял, что значительно большую опасность для русского языка представляет так называемая *канцелярская немочь* (Новый мир, 1961, № 5, с. 223), но этот сюжет, безусловно ключевой для книги «Живой как жизнь», остался за пределами журнального текста.

Рецензия Потемкина оказалась несколько менее категоричной, нежели другие материалы «Русской речи», касавшиеся советских речевых реалий. Соглашаясь с Чуковским в ряде частностей, публицист заявлял не о некомпетентности, а о неискренности оппонента. По его словам, Чуковский признает, что язык болен, но умалчивает о причинах болезни. Например, засорение языка уголовным жаргоном следовало бы объяснить тем, что значительная часть населения СССР прошла через тюрьмы и лагеря; самая же опасная, по мнению Чуковского, языковая болезнь – канцелярит – порождена коммунистическим строем и исчезнет вместе с ним.

Безусловно, К.И. Чуковский и другие авторы советских публикаций о «чистоте языка» не имели возможности открыто говорить о социальных истоках негативных лингвистических явлений (или должны были объявлять все дурное «пережитком» дореволюционной эпохи, что через полвека после революции приобрело комический оттенок).

В то же время дело обстояло не так просто, как казалось зарубежным противникам советской власти. В дальнейшем ни распад СССР, ни крушение социалистической системы в целом не привели к очищению языка и тем более не заставили его носителей вернуться ни к старой орфографии, ни к прежним значениям семантически эволюционировавших слов, ни к устаревшим грамматическим формам. В речи современного носителя русского языка не стало меньше ошибок; не изжит и бюрократический жаргон. Таким образом, справедливо связывая

проблемы языка с социально-политическими процессами, Н.А. Потемкин делал отсюда ошибочные выводы. Что же касается К.И. Чуковского, то он, несомненно оглядывавшийся на цензуру, при этом точнее понимал природу лингвистической эволюции и совершенно справедливо не ждал, что однажды придет момент тотального языкового очищения.

Журнал «Русская речь», издававшийся на протяжении пяти лет, обращенный к относительно узкому кругу образованной русской эмиграции и никогда не упоминавшийся в современной ему советской печати, не мог оказать никакого влияния на развитие русского языка. Воздействие его на речевое поведение читателей-эмигрантов также вряд ли было значительным, тем более что редакция не проводила последовательной просветительской и воспитательной политики, а лишь однократно упоминала те или иные негативные факты. Судя по всему, основатель издания Н.В. Майер и печатавшиеся у него публицисты и не ставили перед собой задач такого рода. Защита русского языка, «испорченного» большевиками, использовалась как отправной пункт для разоблачения советского режима. По мнению авторов «Русской речи», именно в русском языке периода социализма – в языке с искаженной орфографией, обилием иноязычных заимствований и уродливых канцеляризмов – проявлялась антинародная сущность установленного революцией режима.

При этой исходной установке так называемая «борьба за чистоту языка» не только не могла, но и не должна была быть действенной. В то же время она эффективно обслуживала интересы антисоветской пропаганды, так как поддерживала в читателях раздражение против творимых большевиками бесчинств и боль за поруганную русскую культуру. Этот процесс можно назвать зеркальным отражением того, что происходило внутри СССР, где ученые, писатели и журналисты объявляли охрану языка важной составляющей борьбы за прекрасную культуру коммунизма. Таким образом, в процессе как советской, так и антисоветской пропаганды активно эксплуатировалось явление, отмеченное Д.М. Фельдманом, – «вербализм <...> неотъемлемая часть советской культуры, сложившейся под влиянием многолетнего диктата идеологии» [Фельдман, 2006, с. 11–12]. Сам же русский язык продолжал развиваться по своим внутренним законам, не прислушиваясь к голосам своих защитников, раздававшимся как внутри страны, так и за рубежом.

Литература

- Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
Незабытые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–1999 : В 6 т. Л.–М., 2004. Т. 4.
Фельдман Д.М. Терминология власти : Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006.
Doob L.W. Propaganda. Its psychology and technique. New York, 1935.
Ellul J. Propaganda : The Formation of Men's Attitudes. New York : Alfred A. Knopf, 1966.

Источники

- Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Берлин. 1928.
Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
Ефимов А.И. Красноречие и орфография // Известия. 1962. № 71.
Литературная газета. 1958–1963.
Ленин В.И. Об очистке русского языка // Правда. 1924. № 275.
Русская речь. La parole russe. Journal trimestriel. Париж. 1958–1963. № 1–22.
Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1962.
Чуковский К.И. О соразмерности и сообразности // Новый мир. 1961. № 5.
Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.

ОБ «ИСКУССТВЕННОСТИ» ЯЗЫКА ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ¹

Н.В. Орлова

Ключевые слова: письменная речь, школьное сочинение, функции языка, онтогенез, речевая компетенция

Keywords: written speech, composition, language functions, ontogenesis, communicative competence.

Отрицательно-оценочные суждения по поводу языка школьных сочинений – общее место профессиональных разговоров учителей-словесников. Нередко манера писать сочинения характеризуется как «искусственный язык». Что стоит за данной формулировкой, в сущности нестрогой, но такой, с которой интуитивно хочется согласиться? Вряд ли можно ограничиться суждением: «пишут так, как никогда не говорят», – поскольку представители элитарной, или полнофункциона-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 09-04-00185а.

нальной, речевой культуры, «люди с самым высоким уровнем общей культуры» [Сиротинина, 2003, с. 343], тоже пишут так, как не говорят. В связи с тем что проблема обучения школьников письменной речи чрезвычайно актуальна для всех, кто причастен к филологическому образованию, есть необходимость разобраться в природе «искусственности языка» школьных сочинений. Приведем в качестве иллюстративного материала для дальнейших размышлений несколько сочинений на тему «Что такое честь?»¹

(1) *Честь это быть гражданином России, выиграть олимпиаду или конкурс и занять первое место, честь для человека может быть и победа в войне. Честью может быть для человека стать призером страны. Получить автограф у известного человека в стране. Честь для человека может быть даже самой маленькой мелочью (5 класс);*

(2) *Я считаю, что честь – сделать все, что можешь, как можно больше помочь для своей жизни, покаяний на Родине. Честь – это когда ты предан чему-то, какой-то клятве. Несмотря не на, что ты будешь подчиняться только своей чести. Если ты честный человек, то ты не будешь обижать безоружного человека даже, если он твой враг (5 класс).*

(3) *Честь – это то, что нету у половины населения Земли. Например, нашел ты кошелек, люди с честью отнесут его в милицию (в ближайший участок его потери). А без чести заберут все ценное и выкинут кошелек. Или при достижения совершеннолетия (м.р.) парней забирают в армию. Они тоже несут честь, но уже на уровне государства. Так что честь хорошее качество человека (7 класс)*

(4) *Честь – для каждого человека это понятие несет свой смысл, у каждого существует свое мнение. Честь – это незаменимый атрибут всякого уважающего себя человека. Честь ассоциируется с порядочностью. Для меня честь – это уважение к себе, к окружающему, ко всему, с чем человек контактирует. Честь должна быть у каждого человека. Так же для меня честь – это романтический образ. За честь девушки происходили дуэли, например, в котором погиб А.С. Пушкин. Честь – это наше все, что помогает не опуститься вниз, не упасть лицом в грязь. Честь – то, без чего человека нельзя назвать человеком. Хочешь сохранить в себе это качество – не «нарушай»*

¹ Орфография и пунктуация авторов сохранены. Сочинения написаны учащимися одной из гимназий Омска. Всего проанализировано 60 текстов.

честь другого, не пострадает и твоя. Можно рассуждать еще долго, но звенит звонок с урока (9 класс)

(5) Честь это то, что должно присутствовать в каждом из нас. В первую очередь, это гордость за себя и за окружающих. С помощью нее мы можем совершать великие поступки, т.к. честь заставляет нас не забыть, что мы люди, которые хотят оставить о себе след в этом мире. Далеко не уходя, вспомним пример из Великой Отечественной войны. Сколько благородных солдат полегло на полях брани. Москва, Ленинград, Сталинград, Смоленск, Курск и многие другие города-герои навсегда сохраняют память о честолобивых людях, которые распрощались с жизнью ради нашего благополучия. Честь – это наша ответственность за поступки (11 класс).

Для начала необходимо определить отношение анализируемого феномена к описанной Н.Б. Лебедевой оппозиции «естественная / искусственная письменная речь» [Лебедева, 2006; 2008]. Данная оппозиция основана на ряде антиномичных признаков, имеющих экстралингвистический характер: спонтанное – обработанное, непрофессиональное – профессиональное, неофициальное – официальное, написанное самим автором и дошедшее до читателя без участия промежуточных лиц и инстанций – обработанное различными субъектами и инстанциями [Лебедева, 2008, с. 15]. В данной модели школьное сочинение как жанр занимает промежуточное положение, имея по ряду признаков амбивалентные характеристики (конкретные тексты в границах жанра могут быть спонтанными / обработанными автором, официальными / полуофициальными) и приближаясь по другим признакам к естественной письменной речи (сочинения пишутся авторами-непрофессионалами, доходят до читателя без участия промежуточных лиц и инстанций). Сама Н.Б. Лебедева относит данный жанр к естественной письменной речи [Лебедева, 2008, с. 13]. Таким образом, по условиям порождения текста наш объект – не искусственная, а «почти естественная» письменная речь. Выражение «искусственный язык», негативно оценивающее школьные сочинения, и «искусственная письменная речь» как один из оппозитивов-терминов, совпадая означаемыми, принадлежат разным мирам. Оценочная характеристика относится не к обстоятельствам создания текста, а к его продукту – феномену языковому, стилистическому¹.

¹ В свое время Е.Ф. Петрищева, разрабатывая жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста, предложила деление речи по обстоятельствам общения (по видам речи) и тому, как это деление отразилось в языке (по стилям) [Стилистика русского языка, 1978]. Следуя ее логике, можно сказать, что искусственная речь в трактовке Н.Б. Лебедевой

Выскажем предположение, что по некоторым внешним признакам «искусственный язык» сочинений ближе к явлениям, известным как «ритуальный текст / ритуальный язык» и «риторический текст» (в одной из трактовок данного понятия). Признаки ритуального языка – формульность, многократное повторение формул и как следствие – «эрозия языка», появление десемантизированных слов [Вахтин, Головкин, 2004]. «Эталонная» среда ритуальных текстов – тоталитарный дискурс. Риторический язык В.В. Колесов рассматривает как выражение риторического мышления, противопоставленного логическому и поэтическому. Для логического мышления важна норма, для поэтического – стиль. Нарушение нормы и искажение стилей «сбрасывают речевую деятельность в риторичность, основная установка которой – убедить, не доказывая, украшать, не делая прекрасным»¹ [Колесов, 2004, с. 175]. Как о следствиях и формах выражения риторического мышления В.В. Колесов говорит о «блочном построении фраз, стереотипах и штампах, неразъясненных варваризмах» [Колесов, 2004, с. 175]. Риторизм мышления В.В. Колесов обнаруживает в современной языковой ситуации. Как видим, при безусловной нетождественности понятий «ритуальный текст» и «риторический текст» у них обнаруживаются общие признаки: 1) формульность / блочность; 2) повторы / штампы; 3) десемантизация лексик. Те же признаки характерны для многих школьных сочинений. В иллюстративном материале обратим внимание на текст (4), почти полностью состоящий из готовых словесных формул *совершить великие поступки; не забыть, что мы люди; полегло на полях брани; навсегда сохраняют память; оставить след в этом мире.*

За сходством поверхностно-языковых структур не может не скрываться нечто общее на интенциональном уровне субъектов речи и, соответственно, на функциональном уровне языка. Полагаем, что во всех случаях имеет место деактуализация когнитивной функции при актуальности коммуникативной. Проще говоря, язык мысли отступает перед языком как инструментом решения коммуникативных задач.

тяготеет к «видам речи», а язык школьных сочинений в оценке тех, кто их проверяет, – к «стилям».

¹ В работах по риторике сущность ее предмета трактуется безоценочно: это любое речевое произведение (устное и письменное), рассматриваемое с точки зрения его эффективности. См., например: «Риторика как искусство предполагает умение эффективно говорить и писать, развитие речевых способностей» [Аннушкин, 2003, с. 360]. Риторически релевантны те ситуации, в которых говорящему / пишущему важно найти оптимальную форму для достижения цели.

Факторы, обуславливающие данное положение дел, в каждом конкретном случае разные. В школьном возрасте, как отмечают исследователи, речь и мышление «еще не сливаются полностью» [Седов, 2006, с. 259]. Сами школьники, в том числе старшекласники, после обсуждения с ними неясной или бессмысленной фразы из их сочинения нередко говорят примерно следующее: «Это я и хотел сказать, но не смог выразить». «Не смог выразить» может, в частности, означать, что не сформирован нужный концепт. Так, по сочинениям, темы которых предполагают вербализацию концепта («Что такое “честь”»? – одна из таких тем), хорошо заметно, что в сознании подростка отсутствует его понятийный слой – при наличии узуальных либо индивидуальных ассоциаций и представлений. В коммуникативной практике школьника регулярно возникают ситуации, когда требуется писать о том, о чем имеется смутное представление. В этих ситуациях проявляется то «формальное владение речью», о котором писал Н.И. Горелов: «ребенок подражательно оперирует словами и словосочетаниями с “пустыми”, неадекватными и приблизительно усвоенными значениями <...> овладение формой речи опережает овладение содержанием» [Горелов, 2003, с. 31–32]. (См. в приведенных текстах (2), (4), (5) лексемы *поколение, атрибут, честолюбивый*). Использование слов с приблизительно усвоенными значениями препятствует формированию когерентности текста, что на уровне восприятия воспринимается как его искусственность.

Тезис И.Н. Горелова об опережающем овладении формой речи представляется чрезвычайно важным и подтверждается не только фактами регулярного использования полных либо частичных агнонимов.

Некоторые признаки школьных сочинений позволяют расценить их как попытку авторов реализовать стилистические стратегии. Если выражаться конкретнее, автор-школьник демонстрирует осознание того, что он не должен писать так, как привык общаться с друзьями, – и использует для этого специальные языковые ресурсы. Различие между манерой письма, которая производит впечатление искусственного языка, и полноценным стилем (научным, публицистическим, деловым) состоит в следующем. При сформированности стилистической компетенции человек осознанно либо неосознанно отбирает языковые средства с опорой на идею их речевой системности, обусловленной экстралингвистическими факторами, в том числе содержанием текста. Школьник же, опираясь на интуицию и, возможно, запомнившиеся рекомендации учителя, **пользуется отдельными правилами регистровых переключений компонентов естественной речи в режим**

«письменной учебной». Это своеобразный подстрочный перевод с русского на русский, слабо мотивированный в каждом конкретном случае. Механизм такого «перевода» близок к тому процессу перекодировок, который интересно описан в статье А.Б. Мордвина, посвященной иной и далекой проблеме – становлению нового русского литературного языка начала XIX века. Рассуждая о «славянорусском языке» и «новом слоге» как кодовых языках, А.Б. Мордвин пишет: «Словарно-грамматическое устройство языка перевода представляет собой систему ссылок на формы другого языка и команд об их заменах или трансформациях средствами кодового языка и кодовой грамматики» [Мордвин, 1998, с. 115]. Как всякий подстрочник, сочинение оставляет впечатление стилистической эклектики. Подчеркнем, что данное наблюдение фиксирует отнoгенетические процессы в области стилистических компетенций, то есть «болезнь роста»¹, и приведем конкретные виды перекодировок.

Наиболее очевидное правило – стилистическое повышение, которое объединяет несколько частных правил, относящихся к трем уровням языка.

Лексический уровень. Использование частичных агнонимов в сочинениях школьника – это, как правило, использование книжных, высоких слов. Обращение к малознакомым словам с ореолом книжности – не только проявление стихийного характера овладения речью вообще (о чем размышлял И.Н. Горелов в цитируемой выше работе), но и реализованное стремление писать так, «как положено» в учебной ситуации. Примеры книжных слов, употребленных в сочинениях в узальном значении, – *гражданин, ближайший, совершеннолетие, присутствовать* и др.

Морфологический уровень. Использование ресурсов книжной морфологии иллюстрирует сочинение (3), в котором употреблены с разного рода ошибками отглагольные существительные с отвлеченным значением – вместо описательных выражений с глаголами (*в ближайший участок его потери, при достижения совершеннолетия*). Обратим внимание на то, что вслед за книжным *при достижении* употреблено разговорное *забирают* (в армию). Этот контекст – типичная иллюстрация случайности конкретных кодовых переходов, о чем А.Б. Мордвин

¹ Другое дело, что далеко не все языковые личности развивают свои стилистические компетенции и овладевают стилем. Многие остаются на этапе хаотичных регистровых переключений, о чем свидетельствует, в частности, эклектичные в стилевом отношении тексты обращений граждан в официальные инстанции и другие деловые документы [Алексеева, 2009; Сологуб, 2009].

нов (применительно к «новому слогу») писал: «Кодовая трансформация может отменяться, если в ближайшем контексте какая-либо трансформация уже применена» [Мордвинов, 1998, с. 117].

Синтаксический уровень. Ряды однородных членов не всегда выполняют обычные для них функции перечисления, градации и т.д. Отношениями однородности могут связываться полные синонимы. Кодовое переключение заключается в замене одного компонента двумя или более: по-видимому, пишущие считают, что предложения должны быть развернутыми, длинными, потому что так красивее и уместнее (о степени осознанности данного правила судить сложно без экспериментальных данных, но то, что оно действует, очевидно). См. в тексте (1): *выиграть олимпиаду или конкурс и занять первое место*. Пример из сочинения, не вошедшего в иллюстративный материал (1)–(5): *Но для каждого человека определение слова честь свое и понятие тоже* (7 класс).

Следующие правила касаются риторико-прагматической направленности текстов. Быть убедительным для автора-школьника означает соблюдать следующие правила: писать по теме, выражать собственное мнение, соблюдать риторический канон (приводить примеры, выделять заключение). Данные наблюдения сделаны в результате анализа текстов, где эти правила регулярно применяются, и отчасти проверены методом интервьюирования учителей, которые положительно ответили на вопросы: «Говорите ли Вы ученикам, что сочинение должно быть написано по теме? Должен ли ученик выражать собственное мнение? Напоминаете ли, что у сочинения должна быть концовка?» Реализации риторических правил, так же как стилистические перекодировки, зачастую затрагивают лишь поверхностный уровень текста. Иными словами, **формальное соблюдение риторических правил нередко не имеет под собой логико-семантических опор** (так же, как формальное присутствие книжных элементов не создает функционального стиля). В чем это выражается в типичных случаях?

Правило писать по теме реализуется как высокочастотный повтор слова, входящего в формулировку названия сочинения. В тексте (1), состоящем из 36 слов, слово «честь» повторяется 4 раза, в тексте (4), где всего 81 слово, – 10. Игнорируются анафорические местоимения, ключевым словом заменяются слова-синонимы, слова из более или менее близких лексико-семантических групп, компоненты устойчивых выражений. В двух последних случаях замена производится в ущерб понятийной и речевой точности текста. Когнитивный механизм ненормативного употребления заголовочного слова представляется нам при-

мерно так: запрашивается информация о том, что школьник представляет себе нечетко, но что, тем не менее, вызывает у него ассоциации: 'честь → мораль, что-то хорошее, что-то связанное с отношением к человеку'. Чтобы соблюсти правило и формально писать по теме, автор сочинения делает следующее.

1) Имеющиеся знания и представления о разных положительных качествах человека и разных этических ситуациях вербализует с использованием слова «честь». Например, в сочинении (3) описываемые действия правильнее было приписать *честному* и *нечестному* человеку и человеку, выполняющему гражданский *долг*. Наш опыт анализа сочинений на разные моральные темы [Орлова, 2005] обнаруживает, что приблизительно одни и те же ситуации в них обозначаются разными – и каждый раз заголовочными – словами: совесть, порядочность, доброта и т.д.

2) Ключевое слово включает в высказывания – «общие места», как, например, 1-ое и 2-ое предложение в тексте (4), первое предложение в сочинении (5) Если концепт «разрежен» или почти пуст, подобные высказывания формируют физическое пространство текста и создают видимость того, что сочинение написано по теме.

В большей степени осмысленным предстает оформление концовки сочинений. В этой позиции немало предельно общих суждений, как, например, в тексте (3). Вместе с тем заметно, что концовка довольно часто выполняет функцию выделения главного в смысловом отношении. В качестве иллюстрации приведем пример сочинения пятиклассника, у которого честь ассоциируется с честностью. Перечисляя разные признаки запрашиваемого понятия, ребенок повторяет смысл «когда не врет»: *Честный человек это который не кинет другого человека. Честь это когда человек уважает другого, когда человек не врет. Честь когда не обзывается. Честь когда человек может постоять за себя. Честный человек никогда не врет!* (5 класс). Подобные концовки наблюдаются довольно часто, при этом индивидуально-личностное наполнение концепта не обязательно совпадает с узуальным.

Правило высказывать собственное мнение выражается стандартно (наиболее частотная репрезентация представлена в сочинении (2) – *я считаю*). Отсутствие аргументации превращает выражение мнения в формулу, слабо нагруженную в смысловом отношении. К тому же, как известно, модус мнения не совместим с критерием истинности / ложности суждения, что в принципе освобождает пишущего от необходимости углубляться в логико-смысловые связи текста. Как пишет А.Р. Ратинов, «мнения $\diamond$ недоступны непосредственной проверке

(верификации) путем сопоставления с действительностью или доказыванию посредством свидетельств и аргументов» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации... 2004, с. 106]. Модус «я знаю, что...» обязывал бы к большему.

И еще некоторые устойчивые формальные черты школьных сочинений направлены на реализацию сугубо риторических интенций. Мы имеем в виду модальность долженствования (*должен, должны*) и кванторные слова со значением всеобщности. Соответствующие средства формируют суждения, которые не имеют конкретной референции, не соотносятся с личным опытом пишущих, но сообщают им специфическую торжественно-высокую тональность. См. в иллюстративном материале: *все, что можешь, как можно больше, атрибут всякого уважающего себя человека, должна быть у каждого, должно присутствовать в каждом* и т.д.

Итак, что же делает язык школьных сочинений «искусственным» для воспринимающей их взрослой, сформировавшейся языковой личности? Разрыв между «как писать» и «что писать», или, если выражаться более строго, **опережающее развитие коммуникативно-риторических компетенций по отношению к когнитивным**. Так может быть интерпретирован тезис И.Н. Горелова об опережающем овладении формой речи применительно к онтогенезу письменной официальной (полуофициальной) речи в среднем и старшем школьном возрасте. Усвоить формальные правила и строить с опорой на них более или менее значительные фрагменты текста подростку оказывается легче, чем писать в режиме размышления-рассуждения¹.

Следует ли из сказанного, что имеет место объективное положение дел, которое не может и не должно преодолеваться? Отчасти да, поскольку речь идет, как уже говорилось, о проявлении естественных онтогенетических процессов. С другой стороны, есть опасность усугубления ситуации субъективным фактором. В последнее время явно обозначилось чрезмерное увлечение техниками и технологиями речи, эффективными приемами коммуникации. Весьма вероятно, что эти веяния проникнут или уже проникают в школу. Между тем «интеллект порождает речь, в не речь интеллект» [Горелов, 2003, с. 32]; уровень интеллектуального развития определяет качественные характеристики

¹ О том, что ориентация на правила – «постулат обыденного метаязыкового сознания, вытекающего из презумпций школьного курса русского языка», пишет в своих работах Н.Д. Голев [Голев, 2009, с. 385].

дискурсивного поведения [Бутакова, 2008]. Успешно и своевременно преодолеть «искусственность» языка школьных сочинений можно, если их авторы будут последовательно развивать логическое мышление и расширять кругозор, обращаться к толковым и энциклопедическим словарям, читать художественную и нехудожественную литературу.

В заключение хотелось бы поделиться одним впечатлением. Однажды автору статьи (в то время слушателю ФПК) пришлось оказаться на занятии по политической риторике у красноярского профессора А.П. Сквородникова. Выяснилось: о национализме, экстремизме и прочих явлениях политической жизни студенты Александра Петровича говорят «от себя» и по законам риторики – но после того, как проштудируют с десяток статей разных авторов, сравнят дефиниции, отбросят одни, предпочтут другие, удивятся третьим. Полученная информация становится поводом для выступлений студентов. И оказывается, что им есть что сказать...

Литература

Алексеева А.В. Коммуникативно-прагматическая специфика официально-деловых документов (на материале обращений граждан в административные органы): дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2009.

Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.

Аннушкин В.И. Риторика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.

Бутакова Л.О. Образ мира, языковая способность, речевая компетенция подростка: универсальные механизмы вербализации субъективного ментального содержания // Язык – сознание – культура – социум. Саратов, 2008.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Голев Н.Д. Современное российское быденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («Правильность как базовый постулат наивной лингвистики») // Быденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Томск, 2009. Ч. II.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России. Омск, 2008.

Лебедева Н.Б. «Спонтанность» как конституирующий признак естественной письменной речи // Вестник Томского государственного университета: Общонаучный периодический журнал. 2006. № 123.

Мордвинов А.Б. «Московские просвирни»: итальянский след в языковой программе Пушкина // Пушкинский альманах. Омск, 1998. Вып. 1.

Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели. Омск, 2005.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М., 2004.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления в условиях дизонтогенеза // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. М. ; Калуга, 2006.

Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.

Сологуб О.П. Параметр официальности делового текста и его отражение в обыденном метаязыковом сознании // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Томск, 2009. Ч. II.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ ЭТНОНИМОВ

Е.С. Мучкина

Ключевые слова: этнический стереотип, автостереотип, гетеростереотип, этноним, значение слова, импликации.

Keywords: ethnic stereotype, heterostereotype, autostereotype, ethnonym, word meaning, implications.

Этнические стереотипы в последнее время привлекают внимание лингвистов и становятся объектом лингвокультурных и когнитивных исследований. При этом в поле зрения лингвистов находятся как языковые, так и речевые стереотипы, которые формируют облик культур и выступают в роли этнокультурных идентификаторов.

В современной науке проблеме стереотипов посвящены многие исследования [Белова, 2006; Бартминский, 2005; Леонтович, 2005; Павловская, 1998 и др.]. Чаще всего такие работы носят междисциплинарный характер: стереотипы становятся предметом исследования с точки зрения теории коммуникации, психологии, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, философии языка и т.д.

Объектом данной статьи являются слова-этнонимы как особый пласт лексики, служащий для именования различных этносов, а предметом статьи является отражение в семантике этнонимов знаний о представителях культуры, закрепленных в этнических стереотипах. Мы исходим из того, что каждая лексема-этноним заключает в себе как собственно лексикографические, так и энциклопедические знания, то есть знания о мире. Эти знания о мире заключены в этностереотипных представлениях, которые формируют облик «своей» и «чужой» лингвокультур. Мы ставим своей задачей выяснение того, как в

значении лексем-этнонимов находят отражение такие этностереотипные представления и что может лежать в их основе.

Материалом для исследования послужили данные словарей, а также примеры функционирования слов-этнонимов, полученные из произведений британских и американских авторов общим объемом 12 тысяч страниц.

Уточним наше понимание термина «этнический стереотип». В лингвистику понятие «стереотип» пришло из социологии, где оно было впервые введено американским социологом У. Липпманом в работе «Общественное мнение», опубликованной в 1922 году. В данной книге «стереотип» рассматривается как особый образец восприятия мира, оказывающий определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания. По мнению У. Липпмана, пытаясь постичь окружающий мир во всей его сложности и противоречивости, человек создает в своей голове мысленный образ тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал, и стереотипы определяются тем культурным окружением, которое сформировало взгляды данного индивидуума. Он пишет: «Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними. И если полученное нами образование не помогает четко осознать существование этих предубеждений, то именно они управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различие по этому параметру: слегка знакомое подается как очень близкое, а чуть-чуть странное – как абсолютно чужое. Эти различия вызываются к жизни с помощью мелких знаков, варьирующих в диапазоне от подлинных индексов до неясных аналогий. Они наводняют свежее восприятие старыми образами и проецируют на мир то, что было сокрыто в памяти» [Липпман, 2004, с. 104].

Все существующие на сегодняшний день определения стереотипа философского, психологического, социологического и так далее характера, так или иначе, опираются на определение, данное Липпманом, и лишь в той или иной мере подчеркивают различные аспекты этого сложного явления: устойчивость, эмоционально-оценочный характер, неточность и согласованность [Белова, 2006; Стефаненко, 2003; Крысько, 2002].

Среди наиболее существенных свойств стереотипов исследователи отмечают их ярко выраженный эмоционально-оценочный характер, то есть способность стереотипов передавать

разнообразные аффективные реакции (например, страх, симпатию, восхищение, ненависть и пр.), настроения, предпочтения, оценки и т.д.

Еще одним важным свойством стереотипов является их относительная устойчивость. Формируясь в раннем детстве под влиянием литературы, средств массовой информации, телевидения, рассказов очевидцев, и проходя сквозь призму уже существующих стереотипов, они, как правило, не поддаются ни верификации, ни замене. Иногда содержание стереотипов трансформируется. Это происходит в том случае, если резко меняются отношения между социальными группами или увеличивается объем данных о той или иной группе.

Устойчивые представления о своей или чужой группе разделяются достаточно большим числом представителей стереотипизирующей группы. В этом заключается суть такой характеристики стереотипов, как согласованность.

Следует пояснить и такое свойство стереотипов, как неточность. С одной стороны, неточность проявляется в обобщенном приписывании черт некой социальной группе. С другой стороны, о неточности можно говорить, если некое свойство приписывается всем членам группы одновременно и каждому отдельному ее представителю в отдельности.

Если в обществе в целом к стереотипам относятся скорее негативно, поскольку часто связывают их с распространением расовых, этнических и социальных предрассудков, то в лингвистике понятие стереотипа является относительно нейтральным и характеризуется как одно из условий коммуникативного поведения в разных языковых коллективах.

Одним из наиболее распространенных видов стереотипов являются этнические стереотипы. Этнический стереотип – это один из видов социального стереотипа, представляющий собой «схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа, и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько, 2002, с. 133].

Этнические стереотипы являются результатом специфической интерпретации внешнего мира сквозь призму своей культуры. Они возникают в силу действия механизма упрощения, суть которого сводится к выявлению простых основополагающих признаков для раскры-

тия сложных явлений, механизма обобщения, приводящего к выделению и означиванию относительно устойчивых свойств окружающего мира, а также механизма конкретизации, то есть пояснения абстрактных понятий через образы, доступные для каждого отдельного индивида и всех членов данной этнической группы.

Язык играет не последнюю роль в формировании стереотипных представлений. Многие стереотипы воспринимаются с детства от авторитетных для ребенка людей в результате многократного повторения определенных клишированных фраз. Со временем эти фразы приобретают устойчивость на уровне языка и оседают в памяти, формируя определенные образы и отношения к представителям различных этносов. Далее они начинают восприниматься людьми как данность и закрепляются в сознании благодаря влиянию средств массовой информации, литературы и т.д. Однажды сформировавшись, стереотипы с трудом подвергаются модификации. В этом проявляется признак устойчивости стереотипа. Но данный признак не носит абсолютного характера. Как и язык в целом, этнические стереотипы подвержены изменениям, хотя эти изменения происходят медленно, по мере накопления жизненного опыта и знаний.

В содержании этнических стереотипов можно выделить относительно устойчивое ядро, то есть комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни, и периферию, то есть ряд относительно устойчивых суждений относительно моральных и коммуникативных качеств данного народа.

При анализе когнитивной и эмоционально-оценочной составляющих этнических стереотипов на первый план выходит проблема авто- и гетеро- стереотипов и связанная с ними проблема оценочной градации по отношению к «своему» и «чужому», с наличием в сознании человека традиционных, «национальных» идентификационных и самоидентификационных оценок.

Два базовых стереотипа мы / свои и они / чужие находятся в оппозиции по отношению друг к другу. «Свои» всегда кажутся более разнообразными, более разноликими, особенными; представители «чужой» культуры воспринимаются как странные, безликие, однотипные, неестественные. Оценивая «чужих», мы склонны впадать в крайности и давать либо чрезмерно положительные оценки, либо крайне негативные. В результате «чужие» либо идеализируются, либо отвергаются. Как отмечают Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина, столкновение с чужой культурой носит двойственный характер. С одной стороны,

мы склонны относиться с недоверием или настороженностью к чужой культуре. С другой же стороны, человеку свойственно проявлять интерес и симпатию к новой информации, в том числе и к иной культуре, ее представителям, их образу жизни и так далее [Сорокин, Марковина, 1988, с. 4–19]. Как правило, понятие «чужой» связывается с носителями определенной культуры, контакты с которой либо наиболее интенсивны, либо особо значимы для культуры реципиента.

Исследователи, занимающиеся проблемами стереотипов, выделяют также автостереотипы и гетеростереотипы, которые являются производными от базовой оппозиции «свой – чужие». Остановимся на них более подробно.

Автостереотипы связаны с понятием «свой». Они формируются в процессе проживания в своей культуре. Большое влияние на их формирование оказывают средства массовой информации, литература, фольклор. Как правило, они содержат комплекс положительных оценок о существующих в реальности или воображаемых чертах собственной этнической группы и способствуют формированию индивидуальной культурно-языковой личности, воспитания у нее определенных качеств из желания соответствовать представлению о «типичном» представителе своего народа, этноса и т.д. Для автостереотипа свойственно идеализирование своего народа, наделение его только положительными качествами. Превращение собственной этнической группы в эталон может стать при определенных условиях основой для формирования в ней завышенной самооценки и утверждения превосходства своей культуры над другими. Но даже в этом случае автостереотип оправдывает наличие подобных отрицательных качеств у «своего» народа. Случается и так, что автостереотип наделяет отрицательными характеристиками «своих», в результате чего «свой» народ отличается чрезмерной самокритичностью. Подобное происходит, как правило, в тех случаях, когда заметно увеличивается влияние извне на национальное самосознание. Г.Т. Тавадов отмечает, что у крупных по численности народов критический элемент в оценке собственного «имиджа» проявляется чаще, чем у малочисленных народов [Тавадов, 2004, с. 242].

Гетеростереотипы представляют собой совокупность оценочных суждений о представителях «чужой» этнической группы. Они могут быть как положительными, так и отрицательными. Образ «чужой» этнической группы определяется характером исторических взаимоотношений с этой группой. Там, где между ними складываются отношения продуктивного сотрудничества, они, как правило, вырабатывают по-

ложительную установку по отношению друг к другу. Если же отношения между группами носят непостоянный характер и не затрагивают жизненно важных сфер, то люди склонны относиться друг к другу терпимо, нейтрально, то есть без особых эмоций. Может случиться и так, что в ходе исторического развития народы долгое время враждовали. Исторические конфликты могут отражаться в языке в виде отрицательных гетеростереотипов. Примером тому могут служить стойкие стереотипы, существующие в сознании многих англичан относительно французов. Приведем пример: *She offended him – solid, matter-of-fact, quick, clear – French* (J. Galsworthy). – *Она раздражала его – внушительная, трезвая, быстрая, невозмутимая – французженка*» (Д. Голсуорси) (перевод мой. – Е.М.).

Сомс Форсайт, рассуждая с самим собою о мадам Ламот, наделяет ее целым списком отрицательных качеств, заключая их ее принадлежностью к французской нации.

Как справедливо отмечает О. Реш, гетеростереотипы имеют тенденцию к черно-белому изображению. Им свойственны сильные обобщения, неоправданные упрощения и недопустимое сведение чужого национального характера к одной какой-нибудь черте [Реш, 1998, с. 492].

How can anyone eat all this?» – Lara laughed.

The Dutch have hearty appetites (S. Sheldon).

И как это можно все съесть? – засмеялась Лара.

У голландцев отменный аппетит (С. Шелдон) (перевод мой. – Е.М.).

Поясним данный пример. Лара Краун – уроженка США. Будучи в Голландии со своим будущим мужем Филипом, она отправляется на ужин в ресторан. Когда заказ приносят, Лара удивляется тому, что видит. Порции оказываются значительно больше, чем на родине героини. При этом интересен ответ ее собеседника, который своим ответом приписывает всем голландцам такую характеристику, как здоровый аппетит. Данный признак распространяется при этом на всех людей, населяющих Голландию, а не на отдельных ее представителей, хотя каждый голландец в отдельности может и не обладать данной характеристикой.

Этнические стереотипы фиксируются в языке и проявляются на разных его уровнях использованием определенным образом маркированных языковых единиц. Основной лексической единицей, фиксирующей этнический стереотип, является этноним. Под термином «этноним» в данной работе понимаются «названия различных видов этни-

ческих общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и так далее» [ЛЭС, 1990, с. 598]. Вслед за В.А. Никоновым, мы рассматриваем этнонимы несколько шире и относим к их составу также названия жителей городов, регионов стран, исторически сложившихся прозвищных обозначений групп населения и названий этнических групп [Никонов, 1996, с. 8].

Этнонимы занимают значительное место в системе английского языка. Они могут вступать в синонимические связи (1) и могут входить в состав идиом или пословиц (4, 5, 6). Кроме того, этнонимы обладают значительной активностью в области семантической деривации (2, 3).

(1) *John Hammond, another member of the board, said, «He's **Italian**, isn't he? We don't need any **dagos** in this club, Bil»* (S. Sheldon). – Джон Хэммонд, член совета директоров, сказал: «Он ведь **итальянец**, так? А нам в клубе ни к чему эти **макаронники**, Билл» (перевод мой. – Е.М.).

(2) *She could no longer identify her own Englishness; it was lost under the thick veneer of assumed Italian ways and manners.* (M. Forster.) – Она больше не чувствовала в себе **нечто английское**; все это пропало под притворными итальянскими манерами (М. Форстер) (перевод мой. – Е.М.).

(4) *When in Rome do as **the Romans** do* (OALD). – В Тулу со своим самоваром не ездят. (ср. Будучи в Риме, делай все как **римляне**) (перевод мой. – Е.М.).

(5) *It's all **Greek** to me.* (OALD) (Мне совершенно все непонятно, то есть мне все как китайская (дословно **греческая**) грамота) (перевод мой. – Е.М.).

(6) *When Greek meets Greek, then comes the tug of war* (OALD) (когда встречаются достойные друг друга соперники (дословно, когда грек встречает грека), сражения не миновать; ≈ нашла коса на камень) (перевод мой. – Е.М.).

Этнические стереотипы могут выражаться в языке в виде различных прозвищ, которые присваиваются представителям различных этносов с помощью словообразовательных морфем (в языках с развитой словообразовательной системой), как в случае с *Frogs* (французы), *Dagos* (испанцы, португальцы), *Gipp* (египтянин), *yellow-belly* (китаец). Такие прозвища мы также причисляем к этнонимам.

Рассматривая семантику этнонимов, важно отметить, что лексемы-этнонимы заключают в себе знания лексикографические, то есть они указывают на государственную или национальную принадлежность человека, а также знания энциклопедического характера, кото-

рые отражены в этнических стереотипах. Эти знания достраивают исходное значение слов-этнонимов, придавая им ряд оценок.

Таким образом, мы можем говорить о том, что этнические стереотипы находят свое выражение в различных импликациях, осуществляющих приращение смысла к исходным значениям слов-этнонимов. А анализ таких языковых фактов показывает, какие признаки включаются в сферу стереотипных представлений о том или ином этносе, и какие оценки (положительные или отрицательные) приписываются той или иной этнической группе.

При изучении специфики семантики этнонимов и приращении смыслов, имеющих место при употреблении этнонимов, возникает закономерный вопрос: где в значении таких лексических единиц коренятся стереотипные представления о том или ином народе, нации и так далее, которые актуализуются при функционировании этнонимов? В поисках ответа обратимся исследованиям по лексической семантике. Следует сказать, что при рассмотрении семантики этнонимов мы опирались на теорию значения, разработанную в трудах М.В. Никитина [Никитина, 1983, 1996].

Согласно М.В. Никитину, лексическое значение есть совокупность семантических признаков, отраженных в значении и относящихся к описанию называемых словом сущностей. Семантические признаки, будучи связанными между собой, образуют структуру лексического значения, в которой М.В. Никитин выделяет две части: интенционал и импликационал [Никитин, 1996, с. 106–116].

Интенционал представляет собой содержательное ядро лексического значения, представленное совокупностью семантических признаков, образующих данный класс денотатов. Например, американцы – это жители США. При этом два признака будут составлять интенционал значения данной лексической единицы: человек и его территориальная принадлежность.

Импликационал образует периферию информационного потенциала интенционала и актуализируется в контексте. К зоне импликационала относятся все стереотипные представления, ассоциации, истинные или ложные, положительные или отрицательные, которые традиционно связываются с каким-то классом предметов или явлений. Таким образом, именно импликационал несет в себе эмоциональную, оценочную и экспрессивную информацию и образует аксиологический ореол слова.

Говоря об импликации семантических признаков, следует отметить, что она может быть как жесткой (сильной), так и свободной (сла-

бой) и отрицательной. Признаки сильного импликационала составляют почти неперменную часть лексического значения и близки к интенциональному ядру, что находит свое выражение в словарных статьях к слову [Никитин, 1996, с. 110]. Однако количество слов-этнонимов, имеющих ряд обязательных семантических признаков, зафиксированных в словарях, невелико. Как отмечает И.М. Кобозева, только дефиниция слова *цыган* включает коннотационные смыслы, в которых находят отражение стереотипные характеристики, приписываемые данному этносу [Кобозева, 2007, с. 185].

Свободный импликационал образуют те признаки, которые могут быть по данному основанию то одними, то другими, то есть четко судить о встречаемости этих признаков с понятием невозможно. Они заложены в интенционале как своеобразные семантические валентности, подлежащие заполнению.

Проиллюстрируем все сказанное примером. Возьмем слово *the English*. Его интенционал – жители Англии, то есть народ, составляющий основное население Англии. В сильный импликационал значения будут входить такие признаки, как «этническая группа», «проживание на территории Англии», «коренное население». Слабый импликационал будет складываться из всех свойственных и ожидаемых признаков внешности, характера, особенностей поведения, быта и т.д.

Импликация признаков может быть как истинной, так и ложной. Это связано с истинными и ложными стереотипными ассоциациями, традиционно приписываемыми какому-то классу предметов. Отсюда в языке появляются клишированные фразы по типу *Finnish wisdom* (финская мудрость), *Dutch courage* (голландская смелость, то есть смелость во хмелю), *Spanish money* (одни только слова) и пр.

В зависимости от контекста, в значении слов-этнонимов могут быть актуализированы те или иные семы импликационала, в которых отражаются этностереотипические представления.

I have met a lot of Spaghetti-eaters there, and I was tired of their exaggerated manners. (R. Ford). – Мне там встретилось много макаронников, и я порядком устал от их способности все преувеличивать. (Р. Форд) (перевод мой. – Е.М.)

В первом примере внимание привлекает использование синонимичного прозвища вместо непосредственного этнонима *Italians*. Употребление этого прозвища служит выражением пренебрежительного отношения к этнической группе, то есть эмоционально-оценочные семы становятся одними из ведущих в структуре значения. Кроме того, на первый план также выходит традиционно приписываемая итальян-

цам любовь к макаронным изделиям, в том числе, к спагетти, то есть на первый план выходит семантический признак «пища».

The morning went by swiftly. At twelve-thirty Lara said, «I'm going to meet Paul Martin for lunch».

Howard looked worried. «Make sure you aren't lunch».

«What do you mean?»

«I mean he's Sicilian. They don't forgive and they don't forget» (S. Sheldon).

Утро пролетело незаметно. В 12.30 Лара сказала: «Я сегодня собираюсь пообедать с Полом Мартином».

Ховард выглядел несколько обеспокоенно. «Смотри сама не стань его обедом».

«Что ты хочешь этим сказать?»

«Я только лишь хочу сказать, что он сицилиец. А они не забывают и не прощают» (С. Шелдон) (перевод мой. – Е.М.).

Остров Сицилия издавна считается родиной мафии, крестного отца, вендетты. Многочисленные революции, национальные восстания, появление мафиозных группировок, борьба за выживание и так далее во многом оказали влияние на характер жителей острова. Национальный характер приобретает такие черты, как беспощадность, мстительность, неумение прощать обиды. Эти черты не входят в интенционал и не обязательны, но они присутствуют в импликационале значения этнонима «сицилиец» и появляются как реакция на предупреждение об опасности, которую представляет собой Пол Мартин, чьи предки входили в мафиозные группировки, и чей характер он унаследовал.

Следует отметить, что к числу семантических признаков, которые могут быть в основе этнических стереотипов, могут входить не только особенности национального характера или жизни и быта, но и особенности внешности, поведения, социального статуса, образа жизни, языка, территории проживания и так далее

Анализ приведенного материала позволяет утверждать, что этнонимы занимают важное место в системе языка и заслуживают детального изучения. Анализ этнонимов с точки зрения их семантики помогает глубже понять механизм формирования и функционирования этностереотипов, которые находят отражение в зоне импликационала, то есть той зоне значения слов-этнонимов, в которой находят свое отражение знания и мнения о мире, в том числе и о различных этнических группах.

Литература

- Бартминский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистические исследования) : дисс. ... докт. филол. наук. М, 2006.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2007.
- Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2002.
- Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.
- Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Никитин М.В. Лексическое значение слова : (Структура и комбинаторика). М., 1983.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
- Никонов В.А. Этнонимия/В.А.Никонов // Этнонимы. М., 1970.
- Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур : Россия глазами американцев, 1850–1880-е гг. М., 1998.
- Реш О. Проблема стереотипов в межкультурной коммуникации // Россия и Запад. 1998. № 6.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М, 2003.
- Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2004.

Источники

- Galsworthy J. The Forsyte Saga, Volume II. Indian Summer of a Forsyte in Chancery. New York. 2007.
- Ford R. The Sportswriter. New York : Vintage Books. 1986.
- Forster M. Lady's maid. London : Chatto & Windus Ltd. 1990.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2005.
- Sheldon S. The Stars Shine Down. New York. 2005.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АКУСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В.Д. Максимов

Ключевые слова: категория количественности, количество, фононим, интенсивность, звук.

Keywords: quantity category, quantity, phononyms, intensity, sound.

1.0. Настоящая статья посвящена анализу лексических и синтаксических средств современного английского языка, используемых для

квантификации звуковых сигналов. В частности, мы покажем, как различные языковые средства и авторские стилистические приемы в рамках художественного дискурса выражают категорию квантитативности при номинации звуковых сигналов. Квантитативность представляет собой одну из логико-семантических категорий, актуализирующую представления о комплексе понятий количественного содержания (число, количество, множество, кратность) [Игошина, 2004, с. 8]. Наше исследование проводилось на именах звука (фононимах) и предложениях-высказываниях с семантикой слуховой перцепции, извлеченных из современных двуязычных и толковых одноязычных словарей, а также из произведений художественной литературы современных английских и американских авторов. Предложения-высказывания со значением слуховой перцепции объективируют концепт SOUND, содержат в своем составе один или несколько фононимов и денотируют некоторую фона-ционно-акустическую ситуацию (ФАС).

В составе ФАС различаются следующие четыре компонента: 1) наименование каузатора звука; 2) наименование адресата; 3) наименование экспериенцера и 4) наименование звука (фононим). Все указанные актанты и объект слухового восприятия участвуют в экспликации количественной семантики в английской фононимии. Под термином «фононимия» или «фононимика» будем иметь в виду раздел лексикологии, описывающий лексические единицы, объективирующие концепт SOUND. Как показывает анализ эмпирического материала, квантитативность наиболее частотно проявляет себя в составе фоносемантических высказываний через категорию интенсивности звука. Данная категория указывает на силу звучания (громкость), которая может развиваться как по восходящей (амплификация звука), так и по нисходящей траектории (демпфирование звука).

Наша статья состоит из двух частей. В первой части мы рассмотрим, каким образом категория интенсивности получает свое выражение посредством фононимов, т.е. лексических средств номинации звуковых концептов. Вторая часть будет посвящена описанию механизма сопряжения синтаксических средств для выражения количественных и фоносемантических отношений в рамках одного высказывания.

1.1. Для представления количественных отношений в современной английской фононимии имеется лексематический механизм для инкорпорирования квантитативной семантики внутри лексического значения самих фононимов. Этот механизм детерминирует выбор говорящим конкретных фонолексем на основе смысловой оппозиции «громко – тихо». При этом собственно количество разбивается на мак-

симум и минимум. Первый член этой оппозиции представлен в английском языке группой фононимов – назовем их супрефонимами (от лат. *supremus* – высший), которые именуют звуки повышенной громкости. Например:

– субстантивные супрефонимы *thunder, roar, clank, shooting, slamming, shout, scream, yell, bawl, screech, shriek, whine, howl, neigh*, и т.п.

– глагольные супрефонимы *to thunder, to roar, to clank, to shoot, to slam, to shout, to scream, to yell, to bawl, to screech, to shriek, to whine, to howl, to neigh*, и т.п.

– адъективные супрефонимы *thunderous, roaring, clanking, shooting, slamming, shouting, screaming, yelling, bawling, screeching, shrieking, whining, howling, neighing, stentorian, loud, resounding, high-sounding, big-sounding, deep, full, clamorous, vociferous, stunning, piercing, splitting, rending, deafening, ear-deafening, ear-piercing, obstreperous, trumpet-tongued, uproarious* и т.п.

– адвербиальные супрефонимы *loudly, aloud, deafeningly, shrilly, wildly, noisily* и т.п.

1.2. Первый член вышеназванной оппозиции, призванный обозначать в языке усиленное проявление звукового сигнала, часто материализуется в языке не только при помощи однословных лексических единиц – супрефононимов, но и с участием фразеологизмов. При этом фразеологизмы не обязательно должны включать в свой состав фононимы (в любой частеречной ипостаси), но каждый из них объективирует звуковой концепт (включая его квантификативный аспект). Например: *to roar somebody deaf, to roar oneself hoarse, to roar with laughter, to grow louder, to burst with laughter, to cry like a banshee; open mouthed; at full volume, at full throttle, at the top of one's voice, at the top of one's lungs, in a loud voice* и т.п. Сравните русские ФЕ с эквивалентным значением: *бурная овация, кричать на всю Ивановскую, криком кричать, кричать на всех перекрестках, крик души/сердца, Вавилонское столпотворение, орать во все горло, визжать как резаный, выяснять отношения на повышенных тонах, бить по ушам (о громкой музыке), реветь белугой* и т.п.

1.3. Второй член оппозиции «тихие звуки» представлен в английском языке группой фононимов, которые мы предлагаем называть сурдофонимами (от лат. *surdus* – глухой). Приведем примеры:

– субстантивные сурдофонимы *whisper, hum, hiss, puffing, whimpering, sniveling, sigh, buzz, breath, murmur, mutter, undertone, purl, purr* и т.п.

– глагольные сурдофононимы *to whisper, to hum, to hiss, to puff, to whimper, to snivel, to sigh, to breathe, to buzz, to murmur, to mutter, to purl, to purr* и т.п.

– адъективные сурдофононимы *rustling, hissing, hoarse, husky, cooing, whispering, humming, puffing, whimpering, sniveling, sighing, buzzing, breathing, murmuring, muttering, purling, purring, low, dull, stifled, muffled, gentle, breathed, soft, floating* и т.п.

– адвербиальные сурдофононимы *meekly, softly, mildly, quietly, lowly, gently, soothingly, dully* и т.п.

1.4. Квантификативное значение сурдофононимов часто выражается средствами фразеологии: *to tumble under one's breath, to speak in a low voice, to grow fainter, on the quiet, to talk in whispers, gentle breathing, with bated breath, between the teeth, to talk in undertones* и т.п. Сравните подобные ФЕ в русском языке: *жидкие аплодисменты, бормотать что-то себе под нос, под сурдинку, тихой сапой, под шумок, проверить что-либо втихую, шепнуть что-либо на ухо, без шума и пыли* и т.п.

2.0. Теперь рассмотрим синтаксический механизм воплощения в художественном дискурсе количественных отношений в формате ФАС (фонационно-акустической ситуации). Мы покажем, как категория интенсивности обретает языковую привязку на уровне высказывания. Для этой цели автор применяет ряд особых лингво-стилистических приемов и речевых тактик. К числу таких риторических техник можно отнести следующие.

2.1. Употребление квантификаторов. К квантификаторам звучания относятся:

а) прилагательные, местоимения и наречия с семантикой неопределенного множества типа *little, small, big, large, great, long, short, multiple, numerous, each, every, a multitude of, a pair, a couple*;

б) кванторы или слова-счетчики типа *unison, double, treble, solo, duet, trio, quartet, quint, quintet, sextet, septet, octet, nonet, decibel, duple, duplet*;

в) слова-кластеры, именующие собирательные множества звуков типа *a volley of shots залп из нескольких выстрелов; battery salvo – батарейная очередь; burst of machine-gun fire – пулеметная очередь; a round of cheers [of applause] – несмолкаемые аплодисменты, овация*;

г) партитивные кванторы, называющие часть звукового кластера типа *a snatch of conversation – обрывок разговора; a round of talks – раунд переговоров; snatches of old tunes – обрывки старинных мелодий; a snatch of an aria – отрывок из арии*;

2.2. Употребление интенсификаторов. К лексико-семантической группе интенсификаторов относятся слова и словосочетания, индицирующие усиление звучания (подгруппа интенсификаторов) или его уменьшение (подгруппа релаксификаторов). В лексическую подгруппу интенсификаторов звучания входят ряд глаголов (*to go up, to rise, to raise, to swell, to kick up* и другие), некоторые прилагательные (*terrific, headsplitting, awful, deafening, resonant, violent, vociferous, cacophonous, ear-piercing* и т.п.), отдельные наречия типа *shrilly, sonorously, deafeningly* и т.п. На уровне предложения роль интенсификатора могут исполнить отрицание вкупе с сенсорным предикатом *hear* и сурдофонимом: *Don't let me hear another peep out of you!* – *И чтобы больше ни звука! И не пикни!* (НБАРС, с.654). Подгруппа английских релаксификаторов звуковых концептов также включает в свой состав глагольные лексемы (*to drop, to fade, to lower* и т.п.), прилагательные (*calm, faint, gentle, light, lowered, soft, quiet, puffy, soothing, stifled, still, weak* и т.п.) и наречия типа *slightly, gently, quietly, soothingly, softly, weakly* и т.п.

2.3. Использование синонимических рядов фонимов. Например:

The screaming turned to wailing ... The wailing turned to shrieking as the nurse tugged from behind ... The yelling ceased immediately (Gri-sham). – Ребенок начал **орать** ... **Вопли** становились все громче. Потом он **заорал еще истошнее**, начал прыгать и **визжать**. **Визг** перешел в **завывание** ... **Крики** тут же прекратились.

В этом примере мы являемся свидетелями градации дименсионального компонента (степени громкости звука): *screaming – wailing – shrieking – yelling* (русс. *ор – вопль – визг – вой – крик*), а также длительности звукового сигнала во времени, что, как указывалось в начале нашей статьи, также является одним из проявлений количественного компонента в семантике фонологии и фоновысказываний.

2.4. Профилирование максимального количества каузаторов и реципиентов. Например: *to make something public* – *заявлять о чем-либо во всеуслышание*; *to shout about something from rooftops* – *кричать о чем-либо на всех перекрестках*.

2.5. Увеличение аудиального пространственного объема (контейнера):

орать на всю Ивановскую;

Азбуку учат, на всю избу кричат (Посл.)

The scandal was noised all over the town. – *Сплетня распространилась по всему городу* (НБАРС).

2.6. Указание на предел фонационного процесса или физических возможностей: *to yell at the top of one's lungs – орать во всю глотку, вопить благим матом;*

*The women were shrieking **at the top of their voices** (Miller).*

*I screamed **for all I was worth**. Я заорал **благим матом** (Martin).*

2.7. Индицирование последствий звукового сигнала при максимуме «звукового давления», по терминологии физиков. Например:

to split one's sides with laughter – животики надорвать со смеху.

На соревнованиях по автозвуку в машинах вылетают стекла, вибрируют двери, багажник и даже крыша (Из газет).

Из-за громкой музыки у соседей начинаешь опасаться за свои барабанные перепонки (Из газет).

На концерте рок-музыки можно запросто стать инвалидом по слуху (Из газет).

Can you do something to shut those children up? I can hardly hear myself think! [Глазунов, 1998, с. 599]. Ты не могла бы утихомирить этих детей. У меня голова раскалывается от их шума.

That noise just about sends me crazy! – Этот шум меня с ума сведет! [Глазунов, 1998, с. 579].

2.8. Указание на частую итерацию (повторение) звукового сигнала повышенной громкости или на его последствия:

to hear an earful – «все уши прожужжали».

*I've told her that **heaps of times**. – Я ей это говорил **тысячу раз** [Глазунов, 1998, с. 327].*

*He leaned back in his chair and laughed so hard **that nobody else could say anything for nearly a minute** (Kesey).*

2.9. Сопоставление нескольких звуков между собой по уровню громкости:

*And he heads back to the latrine, where I can hear his **singing** garbled by the piston **beat** of his toothbrushing (Kesey).*

*They **shouted** at each other to make themselves heard **above the cacophony** of guns (Maugham).*

*He screamed **over** the howl of the electronic **sound** (Crichton).*

2.10. Сравнение источников звуков для выражения степени громкости звука, произведенного первым каузатором (или квазикаузатором, т.е. неодоушевленным агенсом):

*The alarm system began whooping **like an ambulance siren throughout the entire mine** (Cussler).*

Bullets were whining and ricocheting through the heaps of jumbled stone like crazed hornets (Ibid.)

2.11. Использование метафоры «ВВЕРХ – ВНИЗ» для выражения амплификации или демпфирования звукового сигнала.

Применительно к фоносемантике ориентационная метафора «ВЕРХ – НИЗ» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35] работает следующим образом. Между усилением звукового сигнала и вектором ВВЕРХ язык демонстрирует устойчивую смысловую корреляцию: *to raise one's voice* – *повысить голос*, *to kick up a row* – *поднять крик* и т.п. Подобным образом наблюдается соответствие между ослаблением звука и вектором ВНИЗ: *to lower one's voice to a whisper* – *понижить голос до шепота*. В приведенных ниже английских фоновысказываниях на соответствующий вектор модуляции громкости указывают подчеркнутые лексемы *went up, rose; climb-down, low, dropped*.

*A collective groan **went up** from the tourists (Cussler).*

*The racket **rose** (Grisham).*

*There was a slight **climb-down** in her voice (Fowles).*

*She heard a **low** moaning noise (Longman).*

*His voice **dropped** to a husky murmur (Bangs).*

2.12. Отображение эффекта Доплера.

При сближении источника звука и его реципиента наблюдается повышение громкости, при удалении – понижение [ПС, стр.161]. Например:

The signal should become stronger the closer we get (Cussler).

2.13. Ссылка на отсутствие количественного фактора в предыдущем личном опыте говорящего:

*I **never** heard such a driving racket in my life (Kesey).*

*The men worked at **unheard-of** depths (Cussler).*

2.14. Использование отрицания. Лексическое или грамматическое отрицание в составе фоносемантического высказывания помогает денотировать понятие «тишина/молчание», которое соответствует нулевому индексу громкости на градуальной шкале интенсивности.

*And **without** more ado a wedding was held (Parsons).*

*Yet he heard **no** noise of crackling of a fire (Crichton).*

*For a long time Pitt listened, but **no** other sounds travelled across the water to his bobbing outpost (Cussler).*

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Первый вывод: в художественном дискурсе количественная спецификация при описании звуковых процессов уступает субъективной оценке. Герои произведений думают и рассуждают об измерениях,

диапазоне, размерах, скорости, масштабе и шкале звуковых колебаний, о количестве продуцентов, экспериенцеров и реципиентов звука, но эти и другие подобные им сведения в цифровом формате в текст обычно не проникают.

Второй вывод состоит в том, что для вербализации количественного признака звуковых концептов язык выработал специальный арсенал средств аппроксимации, опирающийся на каскад логических, основанных на психологических оценках, чисто субъективных антитез типа «много – мало», «больше – меньше», «часть – целое», «высокий – низкий», «увеличивать – уменьшать», «слышимый – неслышимый», «плохо слышимый – хорошо слышимый» и т.п.

И третий вывод: хотя наиболее частотным экспонентом категории количественности в современном английском языке являются фонемы с их богатой деривационной палитрой и внутренней формой слова, однако очень часто автор опирается на интегральное значение всего высказывания, подвергая лингвистическому профилированию и квантификации его отдельные семантические компоненты.

Литература

- Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. М., 1998.
- Дожиба О.А. Лексико-семантический повтор как средство выражения категорий количества и степени (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2001.
- Игошина Т.В. Морфотемный анализ категории количественности в разносистемных языках (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М., 2004.
- Новый большой англо-русский словарь. М., 1993.
- Политехнический словарь. М., 1989.
- Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Слугина О.В. Концептуализация количественных свойств метафоры в англоязычном поэтическом тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2, 2007.
- Файзуллаева Э.М. Категория количественности и разноуровневые средства ее выражения в узбекском и английском языках: автореф.дисс. ... канд.филол.наук. Ташкент, 1986.
- Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. Киев, 1981.
- New Roget's Thesaurus. N.Y., 1992.

РОЛЬ НЕПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

Е.О. Менджерницкая

Ключевые слова: когнитивный синтаксис, дискурс, парцелляция, непредикативные конструкции.

Keywords: cognitive syntax, discourse, parcellation, non-predicative constructions.

Перед тем, как обратиться непосредственно к проблемам синтаксической организации дискурса, мне хотелось бы вспомнить ключевые для данной работы исследования в области синтаксиса вообще и английского синтаксиса в частности.

Это прежде всего А.И. Смирницкий с его классическим определением синтаксиса как науки о построении речи, О.С. Ахманова и ее книга в соавторстве с Г.Б. Микаэлян «Современные синтаксические теории» [Ахманова, Микаэлян, 2003] и многие их ученики и последователи. В главе из этой книги, посвященной основным принципам синтаксического исследования, утверждается, что для синтаксиса важны не слова и их формы, как таковые, а те отношения, в которые слова вступают в процессе создания речевых произведений, закономерности этих взаимоотношений, которые и создают способы или правила построения предложений. То есть, по мнению авторов, синтаксис изучает закономерности тех взаимоотношений, в которые вступают слова в их конкретном грамматическом оформлении в процессе речи.

В пособии «Methods of Linguistic Research» («Методы лингвистических исследований») [Methods of Linguistic Research, 1988] под редакцией О.В. Александровой и Т.Б. Назаровой в главе, посвященной синтаксису и написанной Т.Н. Шишкиной, говорится о неприемлемости многих методов синтаксического исследования с методологической точки зрения, ибо нельзя, с одной стороны, исходить из абстрактных схем и обобщений, считая их первичными, так и, с другой стороны, сводить лингвистическое исследование к простому описанию эмпирических фактов. Непосредственное наблюдение не может быть оторвано от абстрактного мышления. Накопление реальных языковых данных требует их объяснения ученым, обобщения и создания соответствующих теорий.

Здесь же признается тот факт, что деление сверхфразового единства на предложения в большинстве случаев носит не синтаксический,

а синтактико-стилистический характер. И дело здесь не в том, что создатель текста стремится произвести какой-то стилистический эффект, а в том, что членение на предложения во многом зависит от намерений автора, т.е. подвержено свободному варьированию, являясь тем самым стилистическим.

В свете последних достижений в области когнитивных исследований речь в данном случае должна идти о корреляции между когнитивной, мышлением в самом общем смысле этого слова, и построением речи. Именно в этом случае можно говорить о когнитивном синтаксисе. Кроме того, все большее число ученых признают необходимость учета не только лингвистической, но и экстралингвистической реальности при анализе грамматики, тем самым переходя с формально-логического уровня на уровень мыслей, чувств, психологии адресанта и адресата информации.

Придерживаясь эмпирического подхода к анализу языковых явлений, можно назвать еще одну немаловажную причину необходимости приложения когнитивного подхода к синтаксису: невозможность объяснить некоторые явления синтаксического порядка при помощи существующих теорий.

Прежде, чем перейти непосредственно к непредикативным конструкциям, заявленным как объект анализа в данной статье, мне хотелось бы привести весьма интересное с точки зрения современных подходов в лингвистике рассуждение А.М. Пешковского о категории сказуемости и глагольности: «...сказуемость построена на глагольности... Мы видели, что в глаголе (имеем в виду собственно-глагол) есть особый волевой оттенок, отличающий его от всех других частей речи... в глаголе и только в глаголе мы имеем то сцепление воли с представлением, которое рождает мысль. Психология учит нас, что процесс мышления тем именно и отличается от простой ассоциации представлений, что в нем мы соединяем наши представления, а не они соединяются в нас. Здесь имеет место сознательный выбор представлений и сознательный контроль над соответствием или несоответствием их самих и их взаимоотношений с действительностью..., здесь происходит работа (недаром многие ленятся думать), а всякая работа связана с волевым импульсом. Если многие мысли столь просты, что не кажутся нам результатом этой внутренней работы (например, мысль, что *снег бел*, что *огонь жжется*, что *один да один – два*), то это объясняется только тем, что эту работу мы проделали в самом раннем возрасте, когда впервые продумали эти мысли, и с тех пор привыкли пользоваться результатами этой работы, не вспоми-

ная о самой работе. Итак, мысль есть активное соединение представлений, а глагол выражает действие, то есть активное отношение предмета к своему признаку. Нельзя не видеть здесь полного соответствия. Очевидно, именно такое соотношение представлений (соответствующее, конечно, наблюдениям над собственными действиями и действиями животных) и должно было дать первый материал для мысли, создать языковую мысль» [Пешковский, 2001, с. 17–176].

Итак, если для А.М. Пешковского была очевидна связь глагольности с мыслительными репрезентациями действия, выраженными в категории сказуемости, то что же происходит в том случае, когда употребляются непредикативные конструкции?

В данном случае мы не будем анализировать то, что в «The Oxford English Grammar» под ред. Sidney Greenbaum [Fairclough, 1995] описывается как Incomplete Sentences (Elliptical Sentences; Unfinished Sentences; Non-Clauses (Backchannels, Greetings, Expletives, Noun Phrases). Все вышеупомянутые явления в основном встречаются в устной речи или при передаче речи персонажей на письме.

Мне же хотелось бы обратиться к такому явлению, которое можно назвать парцелированными непредикативными конструкциями. В пособии О.В. Александровой и Т.А. Комовой «Современный английский язык. Морфология и синтаксис» в разделе, посвященном парцелляции, говорится: «It is very important to remember...that practically every piece of discourse can be divided into sentences at will. We can rearrange them in different ways to suit the speaker's purports: both syntactic and stylistic» [Александрова О.В., Комова Т.А., 2007, с. 191]. Но не только.

Приведем несколько примеров таких конструкций, взятых методом случайной выборки из произведений английских и американских писателей разных жанров, эпох, стилей:

*... And little Alfred, seated cross-legged between the children who must be sisters and with one of whom he will shortly fall in love, do those eyes, heavy and solemn, shadowed with the strain of behaving well, bear in them the portent of a life spent obeying orders, working hard, being a credit, being a consolation, being a balm for his mother's heart, a companion in her isolation? For her husband, their father, is absent, gone before, dead, mildly disgraced. **Gambling, they say.** In any event, he was an older man, scarcely compatible, out of reach for his young children, amused by his young wife but easily bored by her inflexible dignity. **Out of it in every sense.***

*And now I see that it is in fact a wedding photograph. The bride and the groom were there all the time, in the centre, as they should be. **A good-looking couple. But lifeless, figures from stock.** Above the bridegroom's shoulder, standing on something, perhaps, Sofka gazes ahead, with her family's future before her. **No one to touch her. As it proved** (A. Brookner «Family and Friends»).*

*He needed to calm down. He searched the rearview mirror. No one followed. They had come to the church asking questions. **Questions about Jeffreys.** He was safe. They knew nothing. Even the newspaper reporter had insinuated that Danny's murder was a copycat. **Someone copycatting Jeffreys.** Why hadn't it occurred to any of them that Jeffreys was the copycat? The fact that Jeffreys had also been a cold-blooded murderer had simply made him the perfect patsy. (A. Kava «A Perfect Evil»).*

*But Bilbo had not finished. Seizing a horn from a youngster near by, he blew three loud hoots. The noise subsided. I shall not keep you long, he cried. **Cheers from all the assembly.** I have called you all together for a Purpose. Something in the way that he said this made an impression. There was almost silence, and one or two of the Took's pricked up their ears.*

*Indeed, for Three Purposes! First of all, to tell you that I am immensely fond of you all, and that eleventy-one years is too short a time to live among such excellent and admirable hobbits. **Tremendous outburst of approval.***

I don't know half of you half as well as I should like; and I like less than half of you half as well as you deserve. This is unexpected and rather difficult. There was some scattered clapping, but most of them were trying to work it out and see if it came to a compliment.

*Secondly, to celebrate my birthday. **Cheers again.** I should say: OUR birthday. For it is, of course, also the birthday of my heir and nephew, Frodo. He comes of age and into his inheritance today. **Some perfunctory clapping by the elders; and some loud shouts of 'Frodo! Frodo! Jolly old Frodo,' from the juniors.** The Sackville-Bagginses scowled and wondered what was meant by 'coming into his inheritance'.*

*Together we score one hundred and forty-four. Your numbers were chosen to fit this remarkable total: One Gross, if I may use the expression. **No cheers.** This was ridiculous. Many of the guests, and especially the Sackville-Bagginses, were insulted, feeling sure they had only been asked to fill up the required number, like goods in a package. **'One Gross, indeed! Vulgar expression.'***

It is also, if I may be allowed to refer to ancient history, the anniversary of my arrival by barrel at Esgaroth on the Long Lake; though the fact

*that it was my birthday slipped my memory on that occasion. I was only fifty-one then, and birthdays did not seem so important. The banquet was very splendid, however, though I had a bad cold at the time, I remember, and could only say 'thag you very buch'. I now repeat it more correctly: Thank you very much for coming to my little party. **Obstinate silence.** They all feared that a song or some poetry was now imminent; and they were getting bored. Why couldn't he stop talking and let them drink his health? But Bilbo did not sing or recite. He paused for a moment.*

Thirdly and finally, he said, I wish to make an ANNOUNCEMENT. He spoke this last word so loudly and suddenly that everyone sat up who still could. I regret to announce that – though, as I said, eleventy-one years is far too short a time to spend among you – this is the END. I am going. I am leaving NOW. GOOD-BYE! (J.R.R. Tolkien «The Fellowship of the Ring»).

*Sullivan shook his head. «The only answer I can see, Jonathan, is that you are pretty well a one-in-a-million bird. Most of us came along ever so slowly. We went from one world into another that was almost exactly like it, forgetting right away where we had come from, not caring where we were headed, living for the moment. Do you have any idea how many lives we must have gone through before we even got the first idea that there is more to life than eating, or fighting, or power in the Flock? **A thousand lives, Jon, ten thousand!** And then another hundred lives until we began to learn that there is such a thing as perfection, and another hundred again to get the idea that our purpose for living is to find that perfection and show it forth. The same rule holds for us now, of course: we choose our next world through what we learn in this one. Learn nothing, and the next world is the same as this one, all the same limitations and lead weights to overcome» (R. Bach «Jonathan Livingston Seagull»).*

С точки зрения формально-логического синтаксиса выделенные структуры везде одинаковы – это непредикативные конструкции, как бы отделенные от основного предложения. С точки зрения функционального подхода все они выполняют функцию воздействия, столь привычную для художественной литературы.

Но в то же время нельзя не заметить, что в каждом случае они выполняют свою роль. В первом примере у современной британской писательницы Аниты Брукнер данные конструкции служат для акцентирования внимания на чем-то значимом, перебивая длинные и сложные по структуре предложения и как бы выделяя главное в ходе этих рассуждений, а также часто выступают в качестве знака конца абзаца. В триллере современного американского автора они тоже призваны выделить главное в ходе размышлений героя. В жанре фэнтези у Толкие-

на им также отводится ключевая роль в передаче эмоций героев отрывка, но они уже скорее напоминают ремарки в пьесе. В последнем примере из Р. Баха это скорее краткий ответ на вопрос, имитация диалогической речи, но в то же время вновь удачный способ обратить внимание читателя на нечто важное для понимания смысла повествования.

Итак, несмотря на некоторые различия в употреблении парцелированных непредикативных конструкций мы не можем не обратить внимания на универсальность этого явления, его всепроникающий характер, его использование в речи самых разных авторов (мужчин и женщин, представителей разных национально-культурных сообществ, представителей разных периодов, жанров, стилей литературы). Еще одной универсальной характеристикой этой конструкции является то, что с ее помощью автору всегда удается выделить главное, максимально емко обобщить сказанное, сосредоточить внимание читателя на самой сути описываемого. Таким образом, мы можем предположить, что речь идет об отражении неких мыслительных категорий средствами языка.

Более того, мы можем обнаружить примеры подобных конструкций и в русской прозе и прийти к тем же выводам:

Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ожидать. (Ф. Сологуб).

В Катиной школе не было ни одного учителя-мужчины, да и за девочками никогда не приходили папы. Были в классе девочки, которые рассказывали про мужчин истории, леденящие кровь, а тень позора падала и на ту, которая рассказывала, и на ту, которая, замирая, слушала. Из стен школы Катя вышла, презирая мужчин. Так, вообще, на всякий случай (Н. Толстая «Свободный день»).

...Наши лодки стояли в камышах, а над озером на холме чернела церковь, построенная без единого гвоздя, а у подножия холма в тихой заводи стоял наш катер. Катер с мягкими сиденьями и эта церковь. Термосы и костер. Щуки и спиннинг. Мне казалось, что я смог бы построить такую церковь, но разобрать в моторе катера было мне не под силу (В. Аксенов «Катапульта»).

Более того, ту же самую синтаксическую конструкцию можно часто встретить в публицистических текстах, как английских, так и русских.

I mention Bustamante because his campaign says a lot about Californian elections: they are dirty. Really dirty. Which also helps to explain why, when Californians go to the polls in today's primary elections (the run-up to November's contest for the governorship), Arnold Schwarzenegger will

probably be lighting up a cigar and chuckling gently to himself («The Times»).

...*Think about the texture of your voice. Some modulation and light and shade in delivery is crucial. But the key to everything is self-confidence. **Fake self-confidence.** You have to have utter self-belief that when you open your mouth you'll hit all the right notes...* («The Times»).

*I've tried my hardest over the years to get into the barbecue thing, I really have. I'm not sure why, because I hate cooking and can't bear burnt meat, but every summer some primeval instinct drives me to wear a girly apron, make fire and render a perfectly good food carcinogenic. **Slowly, and one sausage at a time.***

...

*Now if you'll excuse me, I have sausages to burn. **Slowly, and one at a time. Ugg*** («The Times»).

*I honestly thought we had moved out of the Dark Ages when a judge could rubbish a female victim's character because she was wearing the wrong rind of knickers when she got attacked. **Obviously not*** («Daily Mail»).

First, the fashion report. Miss Sharapova was wearing an all-white dress with wings. The latest creation for the world's highest-paid female athlete was inspired by Swan Lake. Or so we had been told.

«I am glad you got the point», Sharapova told to admirer. «I hope everyone else did».

*It transpired that she neither identified – or felt any kinship – with the bird. **Nor the ballet, for that matter*** («Daily Mail»).

Sensitive people the Germans. Sensitive to the truth.

Polish Prime Minister Jaroslav Kaczynski made a great point when he objected to changes to the voting system in the EU to one based on population («The Sun»).

Leung puts his money where his mouth is. He works part time as a programming consultant to an e-commerce site and invests everything he makes.

All of it.

«I don't really see that many movies. I don't really buy any cloths. I just do stuff like tennis that doesn't cost money», he says («The Moscow Times»).

*Чем еще банкам удастся привлечь клиентов? **Не в последнюю очередь быстротой обслуживания.** Хотя в среднем срок обслуживания заявки (от подачи всех документов до принятия решения) составляет около двух недель, многие банки укладываются в пять-семь дней,*

а, например, в БИН-банке «старый» клиент и вовсе может получить кредит в течение одного дня... («Формула карьеры»).

Все кандидаты: лидер партии регионов Виктор Янукович, премьер-министр Юлия Тимошенко, бывший спикер парламента Арсений Яценюк и несколько менее известных – стремились выделиться и запомниться избирателю. **И почти все небезуспешно** («Власть»).

...С момента создания Госнаркоконтроля в 2003 году многие утвердились во мнении, что борьба с наркоторговлей и наркоманией для наркополицейских – второстепенная задача. Теперь им предстоит доказать, что это не так. **Не перегибая палку** («Русский Newsweek»).

...Он напоминает, что когда-то жители Вышнего Волочка перекрывали автотрассу Москва-Петербург. Вице-премьер поправляет: все-таки сейчас это не так болезненно. **Просто обидно** («Русский Newsweek»).

Перед саммитом Россия – ЕС госслужащим преподают культуру поведения.

Половина страны спорит о том, как правильно достать пакетик чая из чашки. Положить его на салфетку? **Или на блюдечко?** Возможно, кто-то знает другой нехитрый способ?

...

На таком значимом мероприятии наверняка подадут хороший чай. **Явно не в пакетиках** («Комсомольская правда»).

...Оппозиция заявила вечером, что Курманбек Бакиев бежал из страны на частном самолете по примеру своего предшественника. И его опустевший дом грабят мародеры. Однако позже поступило официальное опровержение – Бакиев находится в стране. **По крайней мере – пока** («Комсомольская правда»).

Если весь мир – театр, то МВД – театр клоунады. **Или абсурда** («Комсомольская правда»).

Из приведенных примеров явствует, что и в публицистике рассматриваемая синтаксическая конструкция выполняет ту же роль средства организации не только текста, но и мысли, ибо с ее помощью удастся выделить главное и привлечь к этой информации внимание читателя. Это средство отражает определенные ментальные категории и носит универсальный характер.

Необходимо при этом оговориться, что для адекватного анализа и художественная литература, и публицистика должны рассматриваться как типы дискурса. А почему не текста?

На мой взгляд, на этот вопрос с синтаксической точки зрения отвечает М.В. Всеволодова в своем учебнике «Теория функционально-

коммуникативного синтаксиса». В разделе «Текст» в параграфе «Текст и дискурс» автор ссылается на несколько определений текста: «Текст (письменный и устный) всегда отражает определенные ментальные характеристики носителей данного языка и/или микросоциума, которые нужно учитывать при обучении межнациональному общению во избежание коммуникативных неудач [Красных, 1998], и текстология теснейшим образом связана с культурологией [Гудков, 1999]. Текст – это сложное и многофакторное целое. Слово «текст» имеет тот же корень, что и слово «текстиль» [Шмелева, 1998].» [Всеволодова, 2000, с. 337].

Здесь же М.В. Всеволодова выдвигает гипотезу о том, что если говорят о том, что предложение в тексте обогащается новым смыслом, имеют в виду абстрактное предложение. На самом же деле любое предложение изначально возникает в тексте, и уже в момент своего возникновения обогащается всеми объективными и субъективными смыслами, необходимыми для данного текста в целом. (Что мы и наблюдали в приведенных примерах).

Дискурс же, согласно автору, – это коммуникативное единство текста и внеязыковых факторов, влияющих на продуцирование / восприятие текста. Автор также предлагает определить дискурс – как единство и взаимодействие текста и внелингвистических условий и средств его реализации. Продуцирование текста предполагает со стороны автора представления о том, каков у адресата объем знаний о предполагаемом предмете речи. Этот объем информации называется пресуппозицией (презумпцией)» [Всеволодова, 2000, с. 338].

Существуют разные подходы к пониманию дискурса и целый ряд определений этого термина в отечественной и зарубежной лингвистике. Проанализировав разные подходы к пониманию дискурса, можно сделать вывод о том, что дискурс следует считать когнитивным процессом, отражением мышления средствами конкретного языка.

Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности ее восприятия. Таким образом, хотелось бы предложить собственное определение дискурса: *дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации* [Менджерцкая, 2005, с. 55].

С этой точки зрения употребление непредикативных конструкций можно рассматривать как одну из стратегий подачи информации в художественном и публицистическом дискурсах.

Уже признанным фактом является то, что для адекватного понимания сообщаемой информации необходимо совпадение так называемых когнитивных баз, или фоновых знаний, участников коммуникации, т.е. наличие определенных знаний и представлений, характерных для членов данного национального языкового сообщества. Очевидно, необходимо также совпадение ментальных репрезентаций. Ибо, как отмечают в своей статье «О контурах новой парадигмы знания в лингвистике» Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова «Анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур» [Кубрякова, Александрова, 1999, с. 195] Именно это и имелось в виду, когда речь шла об универсальности непредикативных конструкций: их появление в английском и русском дискурсах говорит о наличии универсальных ментальных моделей.

И в этой связи хотелось бы привести еще один интересный пример использования непредикативных конструкций в английском и русском художественном дискурсе. Речь в данном случае пойдет о двух рассказах, написанных от лица домашнего питомца, что неочевидно в начале прочтения: в английском тексте (Jeffrey Archer «Just Good Friends») рассказчиком оказывается кошка, а в русском тексте (Ольга Михайлова «Чужая чистота») – собака. И в том, и в другом случае употребляются подобные конструкции:

*Brr. Brr. Brr. **That damned alarm.** I wished I could have buried it. The noise would go on and on until at last Roger decided to stir himself. I once tried to stretch across him and put a stop to its infernal ringing, only ending up knocking the contraption on to the floor, which annoyed him even more than the ringing. **Never again**, I concluded. Eventually a long arm emerged from under the blanket and a palm dropped on to the top of the clock and the awful din subsided. I am a light sleeper – the slightest movement stirs me. If only he had asked me I could have woken him far more gently each morning. After all, my methods are every bit as reliable as any man-made contraption.*

***И в кухне чисто!** Или врет, что одинокий, или такой аккуратный. Не знаю, что хуже. Ах, не заметила сразу: в мойке посуда осталась после завтрака, не вымыл. **Уже лучше.** Кисло пахнет сосисками, резко – кетчупом, тошнотворно – баночным кофе. **Завтрак холостяка.** Если я здесь останусь – никаких сосисок. **Парное мясо, овсянка, гречка и овощи. И непременно прогулки.** Только так и сохраняют красоту.*

То, что писатели в одной и той же ситуации в разных языках прибегают к одному и тому же средству, сигнализирует нам, что они описывают одинаковые мыслительные процессы, а стало быть, употребление данной единицы когнитивно обусловлено.

Таким образом, сохраняя приверженность традиционному подходу к синтаксису как науке о построении речи и принимая современную парадигму в лингвистике, можно признать правомерным применение к синтаксису термина «когнитивный», тем самым определяя его как науку о построении дискурса и рассматривать его как универсальное явление, а употребление в разных языках одних и тех же синтаксических конструкций, выполняющих сходные роли, свидетельством наличия универсальных ментальных моделей и стратегий их представления в речи.

Литература

- Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык. Морфология и синтаксис. М., 2007.
- Ахманова О.С., Микаэля Г.Б. Современные синтаксические теории. Издание второе, стереотипное. М., УРСС, 2003.
- Всеголодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
- Ксензенко О.А., Менджерицкая Е.О. Mass Media Language. Учебное пособие по языку современных англоязычных СМИ. М., 2002.
- Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. М., 1999.
- Менджерицкая Е.О. Когнитивная основа синтаксического построения текста художественной литературы (на материале современной английской литературы). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис художественной литературы. Современный английский язык. М., 1997.
- Менджерицкая Е.О. Дискурсный подход к анализу художественной литературы // Функциональные исследования. М., 1996. Вып. 2.
- Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингво-когнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
- Менджерицкая Е.О. Публицистика как тип дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 7.
- Менджерицкая Е.О. Особенности национального публицистического дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 9.
- Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис : к вопросу о термине // Экология языка как прагматическая сущность (Журнал «Экологический вестник научных центров Черноморского экономического сотрудничества»). Краснодар, 2004.
- Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис как часть когнитивной лингвистики // Сб. материалов международной научно-практической конференции «Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы», Оренбург, 2004.

Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского Университета. Серия Журналистика. № 2. 2005.

Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис аналитической финансовой статьи (на материале современной англоязычной прессы) // Сб. научн. трудов «Филология как средоточие знаний о мире». М. ; Краснодар, 2008.

Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа // Вестник Самарского госуниверситета. 2009. № 5 / 6.

Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис как универсальное явление // Многоязычие в образовательном пространстве. М., 2009. Ч. 1 : Филология. Лингвистика.

Менджерицкая Е.О. Синтаксис современного английского языка в когнитивном освещении // Сб. статей к 65-летию профессора В.И.Тхорика. Краснодар, 2010.

Mendzheritskaya E. Media Discourse Analysis // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе». М., Рязань, 2009. Вып. 6.

Methods of Linguistic Research. Методы лингвистических исследований. М., 1988.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Crystal D. Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 1994.

Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. Longman, 1993.

Teun A. van Dijk Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Longman, 1992.

Cook G. Discourse. Oxford, 1989.

Cook G. Discourse and Literature. Oxford, 1994.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Longman, 1995.

The Oxford English Grammar. Ed. Sidney Greenbaum. Oxford, 1996.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КАК ЕДИНИЦЫ СИСТЕМНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Пятаева

Ключевые слова:

Keywords:

Лексическое гнездо (ЛГ) – сложная комплексная единица системы словообразования. Однако эта единица языка тесно связана с различными его уровнями – лексико-семантическим, морфемно-словообразовательным, морфологическим и синтаксическим. В ЛГ тесно переплетены и постоянно взаимодействуют разноуровневые явления, в результате которых происходят важные для их судеб семантические и структурные преобразования, способные привести к расщеп-

лению и разрушению некогда единого гнезда. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, функционирование и распад лексических гнезд – важнейшая задача диахронической дериватологии, признающей наиболее результативными и обнадеживающими исследования лексических гнезд на всем протяжении истории данного языка. Такой подход позволит выявить особенности формирования и функционирования ЛГ, специфику взаимоотношений между словами в пределах гнезда, установить статику и динамику в изучаемых гнездах, увидеть перспективу движения исследуемых фактов к современному состоянию. Исследование семантических изменений слов гнезда в их историческом развитии поможет выяснить условия разрыва словообразовательных связей и превращения словообразовательного (СГ) или корневого гнезда (КГ) в этимологическое (ЭГ).

Диахроническое изучение лексических гнезд осуществляется в отечественном языкознании с 60–х гг. XX в. К настоящему времени существует ряд значительных работ по историческому описанию лексического материала, объединенного общностью корня. Среди них можно особо отметить исследования Ж.Ж. Варбот [Варбот, 1963; 1967; 1969; 1984а; 1984б; 1993; 2003], в которых впервые в отечественной лингвистике разрабатываются теоретические проблемы реконструкции состава этимологических гнезд на материале русского и славянских языков.

В трактовке современных этимологов ЭГ включает «все генетически связанные слова, независимо от степени прозрачности этих связей на современном уровне» [Варбот, 1993, с. 24]. Следовательно, этимологическое гнездо – это иерархически организованная по принципу словообразовательного гнезда группа слов родственных языков (в широком понимании) или одного языка (в узком понимании), включающая все когда-либо существовавшие на протяжении истории данных языков (или данного языка) рефлексy определенного реконструированного для праязыка-основы корня, по отношению к которым возможно предположение о генетической общности. Иначе говоря, слова, утратившие смысловую общность, образуют разные словообразовательные гнезда на определенном уровне развития языка и входят в одно ЭГ. Например, выход из употребления в древнерусском языке слова имати ‘братъ, хватать’ повлек за собой образование в современном русском литературном языке множества самостоятельных СГ, возглавляемых некогда производными от этого глагола – *внимать, вынимать, занимать, изымать, нанимать, отнимать, поднимать, понимать, принимать, приятный, снимать, унимать* и др., которые образуют

одно КГ вокруг связанного корня *-им-*. Учитывая, что древнерусские глаголы *имати* и *имѣти* (совр. *иметь*) являлись дериватами праславянского корнеслова **eti*/**jьmati* (*имати* ‘братъ, хватать’, *имѣти* ‘обладать тем, что взято, схвачено’), словообразовательные производные от этих глаголов образуют одно ЭГ, ведущее свое начало от индоевропейского корня **jьm-*.

Реконструкция ЭГ, таким образом, всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т.п.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов, ср. такие деэтимологизированные пары, как принадлежавшие упомянутому выше ЭГ лексемы *иметь*, *изящный*, *паук*, *приятель*, *необъятный*, ведущие свое начало от праславянского корня **em-*, описанные автором статьи в кандидатской диссертации и последующих публикациях [Пятаева, 1995; 1997; 2004; 2006а; 2006б].

Наблюдения за развитием синонимичных ЛГ **em-* ‘братъ, иметь’ и **ber-* ‘братъ, взять’ в истории русского языка позволили разработать на конкретном материале методику реконструкции состава этимологического гнезда. Она включает следующие операции:

- выборку данных об исследуемых корнях из этимологических словарей русского языка, определение их семантики, фонетических вариантов и соответствий в родственных славянских языках;
- анализ словообразовательных гнезд, представленных в современных словообразовательных и морфемных словарях, на предмет выявления наиболее продуктивных для них способов деривации и наиболее частотных фонетических вариантов;
- обращение к толковым словарям современного русского литературного языка с целью семантического описания компонентов словообразовательных гнезд;
- выборку из фразеологических и диалектных словарей с целью дополнения состава этимологических гнезд словами разговорно-обиходными и устаревшими, ибо известно, что в народных говорах «старинные явления и особые черты определенного языка, восходящие к более ранним периодам его развития, часто более точно отражены или даже лучше сохранены, чем в современной литературной разновидности данного языка» [Бирнбаум, 1972, с. 46];
- выборку из исторических словарей русского языка и этимологических словарей славянских языков с целью реконструкции состава ЭГ для более ранних периодов развития русского языка: праславянского,

древнерусского, русского языка конца XIV – XVII вв., XVIII – начала XIX вв.;

- восстановление словообразовательных гнезд с исследуемыми корнями применительно к древнерусскому и праславянскому состоянию в соответствии с отношениями словообразовательной производности и семантической мотивированности входящих в гнезда слов;
- обращение к данным толковых, исторических и этимологических словарей родственных славянских языков для пополнения ЭГ словами, претерпевшими существенные изменения в своей фонетической, словообразовательной и семантической структуре и не вошедшими в состав анализируемых СГ на современном уровне;
- реконструкцию методом заполнения «пустых клеток» незафиксированных историческими словарями лексем на основе сопоставления тождественных по структуре элементов словообразовательного гнезда (словообразовательных пар или цепочек), принадлежащих исследуемым корневым группам, так как, в соответствии с основным правилом этимологического анализа, объясняемое слово обязательно должно быть рассмотрено как член определенного словообразовательного ряда, образующего ту или иную регулярную модель, тем самым при этимологизировании необходимо учитывать, что слово в качестве определенного структурного целого является членом словообразовательной системы языка в целом и всегда возникает в языке (если не заимствовано извне) как единица конкретного словообразовательного типа, относящегося к определенному лингвохронологическому уровню.

Анализ ЭГ в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей слов, очень актуален также с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих СГ в этимологическое. Причины этих разрывов и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же СГ очень многообразны. Многими этимологами [Варбот, 1967; Мельничук, 1969; Булаховский, 1978; Топоров, 1986] было отмечено, что при распаде единого СГ на несколько обособленных групп слов вследствие процесса деэтимологизации (то есть фонетического расщепления и/или семантических изменений) этот разрыв почти никогда не бывает полным – бывшее единство не исчезает бесследно. О наличии бывших словообразовательных связей с некоторого времени самостоятельных групп слов свидетельствуют производные образования, внешняя форма которых повторяет фонетический облик одной группы, а значение «заимствует» у другой отделившейся группы слов. Например:

по происхождению слово *изящный* связано с общеславянским глаголом *jъzęti (ср. ст.-слав. изъти ‘извлечь, изъять, вынуть’, русск. *изъять*), который, в свою очередь, является префиксальным производным от праславянского корнеслова индоевропейского происхождения *jęti (*jъто), обозначающего действие приобщения объекта ‘брать, хватать’. Основа *jъz-ę-t-j-ъп- с необычным сочетанием -tј- вместо -t- образовалась под влиянием форм причастий настоящего времени на -ę-t-j- : -o-t-j-. Таким образом, модель развития семантики слова *изящный* в истории русского языка можно представить в следующем виде: ‘брать, хватать’ → ‘брать изнутри чего-либо, вынимать, выбирать’ → ‘выбранный; избранный’ → ‘составляющий исключение, необыкновенный, то есть такой, которого можно выбрать, выделить из ряда подобных по особым, исключительным признакам’ → ‘отличающийся утонченной соразмерностью форм, отвечающий требованиям тонкого художественного вкуса’ → ‘то, что соответствует представлению об утонченной красоте, что воплощает красоту’. Причем эту семантическую модель можно считать языковой универсалией, по крайней мере, для ряда индоевропейских языков, ср. латин. *eximius* ‘превосходный; составляющий исключение’, образованное от *eximō* < *ex-em-ō* ‘вынимаю’, отсюда же *exemplum* ‘образец’; франц. *elegant* ‘элегантный’ от латин. *ēligō* < *e(x) + legō* ‘вырываю, выбираю’.

Подобные образования хронологически предшествуют разобщению этимологически связанных лексических групп. Это еще раз приводит к заключению о необходимости динамического исследования семантики всего массива генетически близкой лексики, составляющей ЭГ, тем более что сама постановка и рассмотрение вопроса деэтимологизации – доказательство теснейшей связи диахронического и синхронического аспектов в изучении лексических гнезд. В результате деэтимологизации гнезда, объединявшие лексические единицы на основе словообразовательных связей, претерпевают изменения, которые приводят, с одной стороны, к полному распаду СГ и превращению его в корневое гнездо или, с другой стороны, к выпадению из состава СГ отдельных членов, продолжающих в дальнейшем самостоятельное развитие или отходящих в пассивный словарный запас языка.

Динамический (синхронно-диахронический) подход к изучению семантической структуры всего ЛГ дает возможность проследить его функционирование в истории языка и объяснить многие факты его современного состояния. В этой связи нельзя не процитировать статью Л.А. Сергеевой: «В рамках когнитивного подхода семантические поля оказываются недостаточно исчерпывающими для описания ментально-

го лексикона, нужны более крупные объединения слов, отражающие, помимо общности различных типов сем, и тезаурусные связи слов, свидетельствующие о различных закономерностях когнитивной обработки данных о реальной действительности и психическом мире человека» [Сергеева, 2001, с. 150].

Действительно, в историческом развитии лексического состава языка можно обнаружить еще более крупные системные образования, чем ЭГ. Так, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики лексических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ была обнаружена генетическая связь их значений с семантикой лексических гнезд *dō- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих лексических гнезд, мы назвали **генетической парадигмой**. Опорные слова этого ряда (*давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: ‘приобщаемый объект’ и ‘действие субъекта, направленное на приобщаемый объект’. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dō- имел значения ‘дать//давать’, ‘брать’, ‘нести’ (ср. проявление связи значений ‘давать’ и ‘брать//взять’ в болгарском идиоматическом сочетании *имам вземане* – *даване* ‘иметь общие дела с кем-либо’); и.-е. *bher- ‘нести’ (отсюда более поздние *бремя, беремя, беременная*) в праславянском развивает значение ‘брать’, становясь синонимичным и.-е. *em- ‘брать//взять’, который позднее приобретает значение ‘иметь’, существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории русского и родственных славянских языков. Связь между понятиями ‘хватать’ и ‘иметь’ прослеживается во множестве языков при самых разных исходных корнях: нем. *haben* ‘иметь’ родственно латин. *capere* ‘хватать’; русск. *иметь* и русск. диалектн. *имать* ‘брать, хватать, ловить’; литов. *turėti* ‘иметь’ и *tvėrti* ‘хватать’, да и в самой латыни глагол, обозначающий ‘хватать’ точно так же связан с глаголом ‘иметь’. Иными словами ‘иметь’ есть результат ‘хватания’.

Подобный семантический синкретизм можно объяснить тем, что «язык родился не из потребности давать вещам названия, а из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывая на них свое «тавро». Первые слова обозначали не предметы, а их отношение, действительное или воображаемое, к коллективу. Наречение было актом своего рода «присвоения». «Присваивались» не только орудия и продукты, но и такие далекие и недоступные вещи, как небо и солнце. Ср., например, в языке зулу *i-zulu* ‘зулус’ и *i-zulu* ‘небо’» [Абаев, 1970,

с. 235]. В лексике, таким образом, выступает на первый план познавательный аспект языка, лексика – это бытие, прошедшее через общественное сознание. Как социальные отношения, отношения людей друг к другу накладывают определенный отпечаток на формирование и всю работу сознания. Субъектом сознания выступает не индивид, а коллектив, и все вокруг осознается и оценивается с точки зрения интересов коллектива. Этим можно объяснить возникновение нашей парадигмы, ключевые глаголы которой обозначают действия, воспринимающиеся не сами по себе, а в кругу людей: один передает что-то другому в собственности, этот другой, в свою очередь, присваивает полученный предмет в собственность или несет его и отдает еще кому-либо и т.д.

Пересечение значений в рефлексах опорных слов этой генетической парадигмы можно наблюдать в современных славянских языках. Так, наличие дополнительной семы 'нести' отмечено и в значениях глаголов корневой группы *em-: *снять* 'покинуть какое-либо место, отправляясь в путь', разг. 'поехать, пойти в каком-либо направлении', то есть «нести себя в каком-либо направлении»; *донять* 'дойти, доехать, добраться до кого-либо', а также в семантике глаголов, принадлежащих лексическим гнездам *em- и *ber- в родственных славянских языках: болг. *добера се* 'добраться, дойти, доехать', *емна, поема* 'отправиться куда-либо'; польск. *dobrać się* 'добраться', *przebrać się* 'пробраться', *zabrać się* 'собраться, уйти, отправиться, убраться'. Ср. также проявление семантики 'перемещение в пространстве' в современном СГ с вершиной *нести*: *вознестись* 'высоко. 'подняться вверх, ввысь', *донестись* разг. 'быстро доехать, домчаться', *нестись* 'очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться', *перенестись* разг. 'стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-либо, куда-либо; примчаться'; *пронестись* 'быстро пройти', *унестись* 'быстро удалиться, умчаться', а также в невозвратных формах *донести* 'быстро донести, доставить, домчать', *нести* 'стремительно передвигать, мчать'.

Кроме семантического синкретизма, существование подобной генетической парадигмы обусловлено хорошо известным в сравнительной грамматике славянских и других индоевропейских языков явлением парадигматического супплетивизма, описанным О.Н. Трубачевым [Трубачев, 2004]: и.-е. *bher- 'нести' выступало в дуративно-презентной функции, тогда как в функциях других глагольных времен оно восполнялось этимологически совершенно особыми основами – и.-е. *(e)nek-, *(e)l-, включая этимологически неясные случаи: греч. φέρω 'несу, ношу', ἔλπειν, ταλάσσει, лат. ferō 'несу, ношу', форма перфекта tulī < др.-лат. tulō, tulere 'носить, приносить' (первоначально 'поднимать, вы-

держивать тяжесть'). Равным образом письменная история наблюдает факты разрушения, нивелировки супплетивности, когда лексическая самостоятельность основ получает преобладание над их грамматическими связями. Так, и.-е. **bher-* и **(e)nek-* в славянских языках являются совершенно самостоятельными лексемами с особыми значениями **berQ*, **bьrati* 'братъ' и **nesti* 'нести', и только старые отглагольные именные производные вроде **berme* 'бремя, ноша' показывают, что и славянские языки сохраняют память о старых супплетивных отношениях, ср. с.-х. *něsti*, *něsem* 'нести, несу' и *zànijeti* 'понести, забеременеть'. Именно в последних формах наблюдается самобытное сохранение языкового факта большой древности.

Таким образом, семантическое соотношение компонентов нашей генетической парадигмы можно представить в виде схемы:

С учетом современных когнитивных подходов к семантике [Лакофф, 1981; Лакофф, Джонсон, 2004; Ченки, 1996], можно констатировать, что эта генетическая парадигма представляет собой образ-схему *передачи – получения – обладания*, являющуюся семантической универсалией, а ее конкретное лексико-грамматическое воплощение в том или ином языке – показатель национальной языковой картины мира.

Рассмотрение изменений, которые происходят в процессе развития лексической системы языка, делает генетическую парадигму важным объектом исторической лексикологии. Именно в крупных лексических объединениях могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменения соотношений сфер употребления слов, их функциональная стратификация, то есть все те изменения, которые происходят в лексиче-

ской системе языка. Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка русской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всем протяжении их существования в составе генетической парадигмы, ибо лингвистами давно отмечено, что слова со сходными значениями проходят сходную семантическую историю.

Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (генетических парадигм) актуально и в синхронном, и в диахроническом планах. В синхронном аспекте лексическая система может изучаться с целью описания ее применительно к какому-либо определенному периоду исторического развития языка, в диахронии – с целью воссоздания процесса развития этой системы от древнейших эпох до современного состояния.

В свете сказанного необходимо подчеркнуть, что история словарного состава языка в целом, история ЛГ и каждого отдельного слова связаны не только с внешней историей народа, но и с историей его мышления. С другой стороны, своей организацией лексические гнезда демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира, так как лежащее в основе деривации и семантического развития того или иного ЛГ прямое (денотативное) значение слова-вершины, принимает на себя функцию языкового представления некоторого фрагмента предметно-понятийной области действительности, которая в целом оказывается своеобразно расчлененной с помощью определенной совокупности лексических единиц и их словообразовательных связей в структуре ЛГ.

Итак, словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира, а СГ – это не только классификационная единица, но единица языкового сознания и коммуникации. Так мы подходим к пониманию языковой картины мира не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как всеобъемлющей синергетической картины, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас. К такому пониманию обязывает сам термин, за которым стоит мысль о способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто целое, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое. Учитывая мнение В.Б. Касевича [Касевич, 1990] о том, что язык эволюционирует медленно, и естественно ожидать, что его семантика в большей мере отражает пережиточно те представления и знания, ту картину мира, которые были свойственны данному этносу на достаточно ранних стадиях его развития, следует признать диахро-

нический подход к изучению лексико-семантической системы языка более рациональным и продуктивным, а комплексное исследование генетически близких сверхсложных лексических объединений на оси сменяющих друг друга лингвохронологических уровней отвечающим духу динамического понимания картины мира. Изучая и описывая лексические гнезда в диахронии, можно преодолеть барьер «страха» перед неустойчивыми мобильными зонами, возникающими в языковой системе в процессе ее развития и изменения, так как в гнезде с его строгой организацией в соответствии с принципами семантической мотивированности и словообразовательной производности находят свое строго определенное место не только уже устоявшиеся («постоянные») лексемы, но и вновь образующиеся и уходящие в пассивный запас слова («мобильные зоны»). Более того, в исследовании этимологических гнезд и генетических парадигм «примиряются», находят свое одинаково важное и взаимодополняющее применение две парадигмы лингвистики – системоцентрическая и антропоцентрическая.

Литература

- Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Бирнбаум Г. О степени доказательности диалектизмов-«архаизмов» (на материале славянских языков) // Русское и славянское языкознание. М., 1972.
- Булаховский Л.А. Типы дестимологизации в русском языке // Избранные труды : В 3-х т. Киев, 1978. Т. 3.
- Варбот Ж.Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимология. 1963. М., 1963.
- Варбот Ж.Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд // Вопросы языкознания. 1967. № 4.
- Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969.
- Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984a.
- Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М., 1986.
- Варбот Ж.Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов : Доклады российской делегации. М., 1993.
- Варбот Ж.Ж. К типологии взаимодействия этимологических гнезд // *Studia etymologica Brunensia*. 2. Praha, 2003.
- Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990.
- Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

- Мельничук А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология. 1997–1969. М., 1969.
- Пятаева Н.В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1995.
- Пятаева Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в истории русского языка // Этимология. 1994–1996. М., 1997.
- Пятаева Н.В. Лингвосинергетика как продолжение системного принципа и проблемы динамического исследования сложных лексических систем // Мир русского слова. СПб., 2004. № 3 (20).
- Пятаева Н.В. От извлечь // вынуть к изящной словесности (история термина в истории этимологического гнезда) // Русская словесность (научно-теоретический и методический журнал). М., 2006. № 6а.
- Пятаева Н.В. Антропоцентрический и системоцентрический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд. Уфа, 2006б.
- Сергеева Л.А. Теория поля и когнитивная научная парадигма // Теория поля в современном языкознании : Межвуз. науч. сб. Уфа, 2001.
- Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. М., 1986.
- Трубачев О.Н. Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. *-něti ‘нести, приносить’ // Труды по этимологии : Слово. История. Культура : В 2-х т. М., 2004. Т. 2.
- Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ГОГОЛЬ В ЗЕРКАЛЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Э.Б. Тахмезова

Ключевые слова: идиостиль, жаргоны, заимствования, лексика деклассированных элементов.

Key words: idiostil, slangs, borrowing, lexicon slangs of elements.

Необычность динамики лексической системы первой половины XIX в. проявляется в перераспределении лексики и фразеологии по профессиональным, социальным, стилевым признакам, в соотношении русских и заимствованных, традиционно книжных и разговорных слов.

Глубокая любовь Н.В. Гоголя к русскому языку, обостренная гражданская ответственность в обращении к нему, чувство языкового вкуса, «сообразности и соразмерности» (А.С. Пушкин) – факторы, определяющие позицию «Гоголь в языке и язык Гоголя». В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» он писал: «... Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно».

Язык Н.В. Гоголя отражал современные ему языковые процессы, в числе которых особенно интенсивно проявлялась демократизация русского литературного языка. К середине XIX века отмечается социальное членение общества на различные обособленные социальные

группы, что приводило к появлению языковой дифференциации, отражающейся в функционировании общих и профессиональных жаргонов; первый функционирует в обиходно-разговорной речи, второй – связан с определенной профессиональной деятельностью. Функционирование языка в разных коммуникативных сферах, социально ограниченные формы его существования составляли отличительные черты литературного языка этого периода. «В нашем обществе, – писал В.Г. Белинский, – преобладает дух разъединения: у каждого нашего сословия все свое, особенное – и платье, и манеры, образ жизни, и даже язык. Чтобы убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, духовный, студент, семинарист, профессор, художник, увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков [Белинский, 1955, с. 128].

Широкое использование разнообразных жаргонизмов у Гоголя определяется двумя основными целями: во-первых, стремлением реалистически изобразить действительность, соответствием языка автора и персонажей языку изображаемой среды и, с другой стороны, желанием высказать свое отношение к жаргону, его носителям, осуждая «язык дурных обществ». Эту особенность идиостиля Гоголя отмечал В.В. Виноградов: «Пошлые претенциозные жаргоны вкусивших цивилизации слоев помещь и города – мелкого чиновничества, армейского офицерства, низов «большого света», помещиков средней и мелкой руки, дворни – становятся не только арсеналом средств изображения отрицательных характеров, но и острым орудием социальной сатиры в стиле Гоголя и последующих писателей – Некрасова, Тургенева, Писемского, Салтыкова – Щедрина и др». [Виноградов, 1953, с. 44]. Стоит обратиться к одному произведению Гоголя – «Мертвым душам», чтобы представить широкий диапазон жаргонов, жаргонизмов той эпохи и отношение к ним писателя. Это и жеманный жаргон дам, искажающих в угоду своим личным вкусам французские слова, и грубую речь Ноздрева с обилием «армейских» слов, картежных терминов, охотничьих выражений. «А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух!.. Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков – все спустил»; «Не зачни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк»; «Штабс-ротмистр Поцелуев... такой славный! усы, братец, такие! Бордо называет просто бурдашкой... Поручик Кувшинников... Ах, братец, какой премилый человек! вой уж, можно сказать, во всей форме кутила»; «Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! Брудастая с усами, шерсть стоит вверх, как

щетина. Бочковатость ребер уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не зацепит»...

С той же целью использовались жаргонизмы из купеческой среды: барыш (прибыль), продать с барышом, угол (25 рублей), по рукам (договориться), вылететь в трубу (разориться) и др. Писатель остроумно пародировал и канцелярски-чиновничий жаргон, который служил средством маскировки мысли, запутывания ее. Канцелярски-деловые элементы Гоголь использовал в речи персонажей как средства их характеристики юмора и сатиры. Например, в речи городничего: «А я вас, господа, предупредил», «вы, господа, приготовляйтесь по своей части», «входящие и нисходящие дела» («Ревизор»). В речи Ивана Ивановича, который если попотчивает вас табаком, то всегда наперед... скажет, если вы с ним знакомы: «Смею ли просить, государь мой, об одолжении?», если же не знакомы, то: «Смею ли просить государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?» («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Мастерски представил Гоголь официальный и бытовой варианты чиновничьего жаргона в «Повести о капитане Копейкине», рассказанной почтмейстером. Пародии Гоголя звучат современно, поскольку проблемы речевой культуры актуальны в связи с расширением сфер функционирования делового стиля на современном этапе его развития.

Гоголь использует жаргонизмы с большим мастерством и тактом, призывая не засорять ими речь. Проецируя этот призыв на современную речь молодежи, отметим его особую актуальность, социальную значимость, поскольку культура речи – это часть общей культуры человека. «Жалок в своей беспомощности или смешон в нарочитой вульгарности тот, кто... сыплет, как шелухой от семечек, пустыми внутри и лихими внешне словечками, вроде клевый, колоссально, прошвырнуться, хелять, бадлать...» – отмечает Л.И. Скворцов, резко оценивая использование жаргонизмов в речи современной молодежи [Скворцов, 1980, с. 93].

Жаргон – подвижная, легко изменяющаяся система, в значительной степени подвержен влиянию таких социальных факторов, как мода, изменяющиеся вкусы его носителей. Обычно жаргонизмы вторгаются в речь в периоды значимых для общества исторических событий, социальных перемен, какими являются последние десятилетия XX – начало XXI веков, что связано с перестройкой, ломкой политико-экономических структур, изменением социально-значимых ориентиров.

В последние годы наблюдается снижение речевой культуры не только в быту, но и в публичной речи, в печати, на радио и телевидении. Причин тому много, главное: русский язык переживает нашествие иностранных слов, эпидемию штампов, канцеляризм; засорение языка несут жаргонные слова и выражения. Нарочитое употребление жаргонной, сниженной лексики стало непременным условием и критерием «современности» у молодых людей.

Жаргоном пользуются студенты, школьники, уличные торговцы, молодежь, в основном жители городов. В русскую речь хлынули жаргонные слова – лексика деклассированных элементов (преступников, бродяг, бомжей, нищих) с их бытом, законами и обычаями: наркота, бабки-хрусты – фанера (деньги), клево (хорошо), хавало (лицо) и др. В последние годы в молодежном жаргоне появляются слова английского происхождения: файновый – хороший, шузы – ботинки и др. Они возникают в результате переосмысления общеупотребительной лексики, звукоподражания, искажения облика слова, подмены оценочной лексики условными определениями: засыпать (задать трудные вопросы, топить на экзамене, прокол (о неудаче), физра (физкультура), обалдеть, обалденный (о чем-то восхитительном), блеск, супер, клево и т.п. При этом значения жаргонизмов часто неточны: железный (надежный и красивый), кемарить (отдыхать, думать, бездельничать) и т.п.

Привлечение к исследованиям языка гимназистов, лицейстов, кадетов, студентов и др. молодежных групп прошлого времени может способствовать глубокому осмыслению проблем речевой культуры современной молодежи. Недолгим был путь от семинарского жаргона XIX в. к современному молодежному жаргону.

Особенности языкового творчества воспитанников духовных училищ и семинарий прошлого нашли блестящее отражение в мемуарах воспитанников училищ и семинарий, в произведениях писателей середины второй половины XIX в., в частности в произведениях Н.В. Гоголя.

Такие современные речевые проблемы, как отношение к заимствованиям, жаргонизмы, в их проекции на творчество Н.В. Гоголя, его заботливое отношение к русскому языку, требуют всеобщего внимания, поскольку связаны с общей культурой человека, определяют моральный облик общества. Верным помощником в этом выступают произведения Н.В. Гоголя.

Литература

- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Т.1.; М., 1955.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIXвв. М., 1938.
- Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского литературного языка // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1953. Т. 3.
- Гоголь Н.В. Сочинения, 1919.
- Декабристы : Поэзия, драматургия, публицистика, литературная критика. М. ; Л., 1951.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1
- Переписка А.С. Пушкина. М., 1982. Т. 2.
- Скворцов Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1980.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ АССОЦИИ В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» :
ТИПОЛОГИЯ ПРИЕМОВ СОЗДАНИЯ
(цитаты, реминисценции, аллюзии)**

Е.А. Дубеник

Ключевые слова: ассоциация, реминисценция, цитата, аллюзия.

Keywords: Association, reminiscence, the citation, hint.

«Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность», – это признание Ф.М. Достоевский сделал в период работы над романом «Бесы» в письме к Н.Н. Страхову от 24 марта 1870 года [Достоевский, 1990б, с. 111–112]. С легкой руки самого автора роман «Бесы» долгое время считался творческой неудачей писателя, за ним закрепился штамп «роман-памфлет». Множество высказанных идей отнюдь не уничтожили художественность, но, напротив, центральный роман Великого Пятикнижия уникален именно с точки зрения поэтики. Созданный как отклик на злободневные проблемы времени, роман впитал в себя стилистику публицистической полемики тех лет; призванный на материале современности проиллюстрировать притчу об исцелении бесноватого, он имеет ярко выраженный библейский подтекст. Стилистика третьей части Великого Пятикнижия органично сочетает три языковые стихии: публицистическую, художественную, притчевую (библейскую). Роман приобретает три

плана постижения. Именно в этом произведении благодаря огромному количеству свободно звучащих «чужих голосов» Ф.М. Достоевский возрождает закон обратной перспективы, характерный для искусства Древней Руси, каждая деталь изображается соразмерно той роли, которую играет, не существует единого авторского голоса и взгляда, освобождается время, пространство, жанр, сюжет, образы – все компоненты художественного мира произведения «эмансипированы» – свободны. В результате возрождается летописное время, пространство расширяется от города N до конкретной человеческой души, жанр объединяет притчу, роман, памфлет; сюжет вписывается в контекст мировой литературы и Библии, образы строятся по принципу многоассоциативности. Все эти метаморфозы на уровне поэтики осуществляются благодаря широкому использованию автором предшествовавшей и современной ему литературной традиции. Основные приемы создания ассоциативности на страницах романа: цитаты, реминисценции, аллюзии. Задача данной статьи рассмотреть примеры использования автором цитат и аллюзий – наиболее точного и наиболее свободного приемов создания в тексте дополнительных ассоциативных полей.

Цитаты

В качестве формального признака разграничения цитаты и реминисценции нами избрано наличие либо отсутствие графического оформления – кавычек. Если текст взят автором в кавычки – цитата, если кавычки отсутствуют – реминисценция. В ходе анализа отобранных в соответствии с наличием этого формального признака (кавычек) фрагментов текста нами обнаружено довольно свободное отношение автора к этому знаку. В качестве цитируемых, то есть «закавыченных текстов» выступают следующие источники: 1) Евангелие: притча об исцелении бесноватого и фрагмент из Апокалипсиса; 2) стихотворение А.С. Пушкина: «Бесы»; 3) поэма Н.А. Некрасова «Медвежья охота».

При более детальном рассмотрении выяснилось, что ни один из данных примеров нельзя отнести к цитированию в строгом смысле слова. Для творческой манеры Ф.М. Достоевского характерно стремление к подсознательной интерпретации воспроизводимого источника. Это стремление приводит к тому, что даже текст, взятый автором в кавычки и настраивающий читателя на каноническое, дословное его восприятие в качестве чужого слова, содержит авторские комментарии. Способы «проникновения» в цитату данных комментариев всегда различны и неожиданны. Пушкинское стихотворение «Бесы» цитируется **фрагментарно**, автором избраны строфы, констатирующие симптомы заболевания: *«Сбились мы, что делать нам?...»* и его причины: *«В поле*

бес нас водит, видно...» [Достоевский, 1990а, с. 5]. В избранных строках передается состояние потерянности человеческой души, оказавшейся во власти бесовских сил: уныние, отчаяние. Ответом на данную цитату служит вторая часть эпитафия, обозначенная автором как евангельская цитата и сопровождающаяся ссылкой на источник: «Евангелие от Луки. Глава УІІІ, 32–36». Обращение к Евангелию показывает, что эпитаф представляет собой своеобразный евангельский центон. Притчи об исцелении от беснования содержатся в Евангелиях от Луки и от Матфея. В обоих Евангелиях их положение в композиционной структуре текста совпадает: УІІІ глава 32–36. В эпитафии к роману Ф.М. Достоевский выделяет курсивом в цитируемом фрагменте слово «жители». В Евангелии от Луки на месте этой лексемы употреблено слово «люди»: «И люди вышли увидеть то, что произошло» [Новый Завет, 1998, с. 298]. А в Евангелии от Матфея этому стиху соответствует следующий: «И вот, весь город вышел навстречу Иисусу» [Новый Завет, 1998, с. 56]. К варианту Ф.М. Достоевского семантически ближе цитата из Евангелия от Матфея: жители – весь город. Автор же в качестве источника цитирования указывает на Евангелие от Луки. В результате этого творческого синтеза эпитаф объединяет две евангельские притчи об исцелении бесноватого, переданные двумя евангелистами и приобретает некий универсальный характер. Такая манера выстраивания из чужих текстов универсального притчевого сюжета характерна для творческой манеры писателя.

Поэму Н.А. Некрасова писатель также не цитирует точно, дословно. Ее цитирование в контексте романа приобретает интертекстуальный характер. Переключаясь с эпитафием, неоднократные упоминания-цитаты данной поэмы призваны подчеркнуть аллегорический подтекст романа, совпадающий с финалом некрасовской поэмы:

О Русь! Вселился новый бес

Почти во все твои сословья! [Некрасов 1982, с. 175].

Цитаты из «Медвежьей охоты» используются при многоассоциативном принципе создания образа Степана Трофимовича Верховенского, встраивая его в галерею «лишних людей», которым посвящена некрасовская поэма. Цитаты эти всегда дополняются авторскими каламбурами, подчеркивающими ироническое отношение автора к персонажу:

Ты стоял перед отчизною,

(Честен мыслью, сердцем чист),

Воплощенной укоризною,

Либерал-идеалист! [Достоевский, 1990а, с. 9].

Данную строфу поэмы с исключенной второй строкой цитирует автор, характеризуя Степана Трофимовича. Но не останавливается на выражении своего отношения к герою путем изъятия строки, а дополняет цитату каламбуром: *Наши же Степан Трофимович, по правде, был только подражателем с подобными лицами, да и стоять уставал и частенько полеживал на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и в лежащем положении* [Достоевский 1990а, с. 9].

Дословно цитируется отрывок из Апокалипсиса, в качестве притчи-центона объединяются две редакции притчи об исцелении бесноватого: от Луки и от Матфея, фрагментарно транслируется стихотворение А.С. Пушкина «Бесы», идейно близкая поэма Н.А. Некрасова цитируется с изъятием семантически значимых компонентов и сопровождается ироничным авторским каламбуром. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что даже те, немногочисленные на фоне всего романа, фрагменты, которые на основании кавычек выделены нами в группу примеров, иллюстрирующих цитирование, цитированием в строгом смысле названы быть не могут. Они иллюстрируют свойственную стилю Ф.М. Достоевского манеру «субъективного цитирования». Подобно эмансипации времени, отмеченной в стиле Ф.М. Достоевского Д.С. Лихачевым, эти примеры дают основания говорить об эмансипации чужого слова в контексте романа, оно не остается статичным, а динамично вступает во взаимоотношения с текстом произведения, углубляя его восприятие.

Аллюзии

В зависимости от природы объекта намека выявленные в тексте примеры использования аллюзий делятся на три группы: 1) указания на литературных героев (Гулливер, премудрый змий, рыцарь бедный, Печорин, Базаров, Ноздрев, Коробочка), 2) указания на реальное историческое лицо (Гришка Отрепьев, Стенька Разин), 3) указания на литераторов, – связи, ими вызываемые, рожают в сознании читателя ассоциации не только из области биографических сведений о личности упоминаемого, но и с представлением обо всем его творчестве (Чаадаев, Белинский, Грановский, Диккенс, Жорж Занд, Радищев, Гете, Пушкин, Гоголь, Мольер, Вольтер, Крылов, Давыдов, Лермонтов, Байрон).

Наибольшее количество аллюзий связано с многоассоциативным принципом создания образов Степана Трофимовича Верховенского, Николая Всеволодовича Ставрогина и капитана Лебядкина.

Следует отметить, что аллюзии встречаются не только **в речи рассказчика, но в речи персонажей**. Из выявленных примеров видно,

что наиболее колоритными в этом отношении являются Степан Трофимович Верховенский. Введение в текст персонажа либо рассказчика указания на литературный или историко-литературный архетип производится автором также не однотипно. На основе выявленных примеров можно представить следующую классификацию аллюзивных указаний на страницах романа.

- **Указание прямое.** Служит для более полного раскрытия художественного образа. В погоне за эмансипируемым временем, экономя писательские усилия, автор нередко те или иные черты своих героев подчеркивает при помощи аллюзивных указаний на архетипический образ (*«А вы вот не поверите, Степан Трофимович, чего уж, кажется-с, капитан Лебядкин, ведь уж, кажется, глуп как...а ведь он себя от Николая Всеволодовича обиженным почитает, хотя и преклоняется перед его остроумием: «Поражен, говорит, этим человеком: премудрый змий»*) [Достоевский, 1990а, с. 99].

- **Указание – антитеза.** Данный прием раскрывает характер литературного героя путем противопоставления, антитеза в большинстве случаев сопровождается авторской иронией в адрес персонажа (Капитан Лебядкин – И.А. Крылов: *«Поверьте же, сударыня, без обиды себе, что я и до такой степени уже не образован и извращен, чтобы не понимать, что Россия обладает великим баснописцем Крыловым, которому министром просвещения воздвигнут памятник в летнем саду, для игры в детском возрасте»*) [Достоевский, 1990а, с. 170].

- **Указание – градация.** Прием заключается в том, что подчеркивая определенную черту характера персонажа, автор использует несколько аллюзий, располагая их в зависимости от степени проявления признака (*«В злобе, разумеется, выходил прогресс против Л-на, даже против Лермонтова. Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но злоба это была холодная спокойная, если можно так выразиться, разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть»*) [Достоевский, 1990а, с. 197].

- **«Аллюзия в аллюзии».** Автор порой комментирует путем аллюзивных указаний не только поведение собственного персонажа, но и чужие образы, в результате вокруг одного героя возникает целый ряд оттеняющих его архетипических образов (*«Я не понимаю Тургенева. У него Базаров – это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном*

[Достоевский, 1990а, с. 204].

- **Скрытое указание.** Архетипический образ скрыт в результате паронимической игры (*Пусть вы старик, пусть вы отжившего века, пусть наконец, отстали от них; но вы сами с улыбкой в этом сознаетесь в предисловии, и все увидят, что в милый, добрый, остроумный обломок...*) [Достоевский, 1990а, с. 321].

Использование приема аллюзии осуществляется автором каждый раз по-новому. С публицистической виртуозностью, отточенной на страницах журналов, а позже в «Дневнике писателя», автор вписывает персонажей своей хроники не только в общественно-политическую контекст своего времени, но и в контекст мировой литературы и Библии.

Цитаты, аллюзии придают роману публицистическую заостренность и притчевое начало, способствуют созданию уникальной стилистики, множество ассоциаций, вызываемых данными приемами, вписывают роман в социально-исторический, литературный и духовный контекст, в этом состоит уникальное художественное открытие писателя.

Литература

- Ф.М. Достоевский. Собр.соч. Л., 1990а. Т. 7.
Ф.М. Достоевский. Собр.соч. Л., 1990б. Т. 29.
Некрасов Н.А. Полн.собр.соч. и писем : в 15т. Л., 1982. Т. X.
Новый завет. Анахайм : Живой поток, 1998.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МОТИВА (на материале прозы Дж. Фаулза)¹

А.К. Тарабакина

Ключевые слова: мотив, аутопоэзис, языковая техника, аллитерация, анаграмма, криптотип.

Keywords: motif, autopoiesis, language technique, alliteration, anagram, cryptotype.

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт №02.740.11.0370).

Категория мотива, являющаяся одной из самых востребованных в течение последних десятилетий, неизменно находится в фокусе исследований, выполненных на материале художественной литературы нового времени. При этом проблемы мотивики активно разрабатываются как в общетеоретическом плане [Силантьев, 1999; Силантьев, 2004б], так и в рамках конкретных задач при изучении творчества отдельных авторов.

Закономерным результатом такого пристального внимания стало разнообразие существующих теорий мотива, которое предопределило специфическую многомерность данной категории и создало значительные трудности при выработке ее системного определения. Одна из самых успешных попыток решения этой проблемы, на наш взгляд, представлена в работах И.В. Силантьева: мотив – «это эстетически значимая повествовательная единица, соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками, интертекстуальная в своем функционировании, инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях» [Силантьев, 2004а, с. 163].

Принимая данное определение за основу, мы считаем возможным дополнить его, рассмотрев категорию мотива с точки зрения нового направления художественной семиотики – «глубинной семиотики» (термин В.В. Фещенко) – и теории аутопоэзиса, предложенной чилийскими учеными У. Матураной и Ф. Варелой. «Глубинная семиотика», объектом которой является «внутренний язык творческого человека или множество таких языков», предполагает изучение художественного произведения как уникальной структуры-процесса, *аутопоэтической системы*, которая развивается и самодостраивается за счет своих внутренних ресурсов («аутопоэзис», или «само-производство», от греч. *αὐτό* – «само» и *ποίησις* – «созидание, деятельность») и, соответственно, обладает значительной автономией [Фещенко, 2006]. В рамках нашего исследования мы трактуем мотив как аутопоэтическую систему и часть «внутреннего языка» писателя, что позволяет объединить противостоящие друг другу «научные» и «художественные» определения мотива и объяснить его способность к самовоспроизводству в литературной традиции. При этом аутопоэтическая природа мотива наиболее ярко проявляется через особенности его языковой имплементации, которые будут рассмотрены нами на примере мотива уединенного места в прозе Джона Фаулза.

Мотив уединенного места является архетипическим и соотносится с древним комплексом представлений об обрядах перехода (инициаций), которые осуществлялись в условиях изолированного природного пространства. В соответствии с принятым определением, данный мотив обязательно подразумевает наличие действия (в уединенном месте всегда происходит встреча, значимая для развития сюжета и дающая герою возможность смены экзистенциального статуса), однако пространственно-временные характеристики в его структуре имеют особое эстетическое значение и обнаруживают тенденцию к формально-содержательному самовоспроизводству в текстах англосаксонской традиции.

Мотив уединенного места в творчестве британского прозаика Джона Фаулза (1926–2005) представляет собой одну из важнейших констант его художественного мира, матричный образ «внутреннего языка» писателя, который имеет не только эстетическую, но и бытийную ценность. Именно данный мотив позволяет нам выявить «макросмысловую» цельность всего корпуса фаулзовских текстов, которая аутопоэтически реализуется при помощи конкретных языковых техник – устойчивых элементов текста, обеспечивающих связность (когезию) на уровне формы.

Используя в качестве материала романы «Женщина французского лейтенанта» (1969) (далее в сносках – The FLW) и «Дэниел Мартин» (1977) (DM), а также дневники писателя (2007) (The Journals), в которых мотив уединенного места представлен своими вариантами (лесная поляна в горах и уединенная долина), ниже мы остановимся на таких языковых техниках, как аллитерации, анаграммы и криптотипы. В приведенных отрывках из романов и дневников Фаулза аллитерирующие звуки выделены подчеркиванием, слова, содержащие криптотипы, – жирным шрифтом.

«Женщина французского лейтенанта» (“The French Lieutenant’s Woman”)

On the far side of this shoulder the land flattened for a few yards and there was her secluded place. [...] The banks of the dell were carpeted with primroses and violets, and the white stars of wild strawberry. Poised in the sky, cradled to the afternoon sun, it was charming, in all ways protected.

‘I must congratulate you. You have a genius for finding eyries’.

‘For finding solitude’ [The FLW, 2004, p. 162–163].

But he heard a little stream nearby and quenched his thirst...; and then he began to look around him. [...] Or at least he tried to look seriously around him; but the little slope..., the sounds, the scents, the unalloyed

wildness of growth and burgeoning fertility, forced him into anti-science [The FLW, 2004, p. 71–72].

«Дэниел Мартин» («Daniel Martin»)

She stopped where the cliff gave way and there was a steep scramble going up [...]. The sun still shone at this height. I caught a glimpse of the farm down below through the leaves, the sound of one of the sheepdogs barking. [...] Then suddenly we were on the brink of the old quarry, looking out across the valley...It was nice, the sudden openness and view. The rabbits running, the green sward they had won from the bracken. [...]

He had a strange sensation: the stable wood around them abruptly changed into an explosion, a hurtling apart of each leaf, branch, bough, smell and sound that constituted it [DM, 2004, p. 399–400].

«Дневники. Том 2» («The Journals: Volume 2»)

A strangely deserted area, not a soul about, over and above the sheep-pastures...eventually into the beech woods and bracken. From the north-east a strong cold breeze, but down the south-western slope, in the sunshine, warm. Where we lay and rested on the dry bracken, high above the green Marshwood Vale. The whortle-berry bushes in flower, fat little blood- and water bells. Some bumbles, a wasp, were busy on them....That is, so isolated it is haunted still, not real, somehow still waiting. Space, bosom- curves, springs, greenness. [...]In one field two little groups of grazing roe deer, three in each; in another, a solitary deer, standing alert and suspicious...It stands a few moments, watching us. [...] How lovely this land can be, on such peaceful, manless, sunlit spring evening; and how it is going, going... [The Journals, 2007, p. 354–355].

Аллитерации

Фонетическая организация описаний характеризуется наличием большого количества аллитераций, при этом аллитерирующие согласные могут располагаться в начале следующих непосредственно друг за другом слов («fertility forced him», «a steep scramble», «the rabbits running», «smell and sound»), образовывать «перекрестные» структуры, повторяясь через слово («white stars of wild strawberries», «the south-western slope, in the sunshine, warm»), «кольцевые» структуры («beech woods and bracken», «bumbles, a wasp, were busy»), а также фонетически сближать слова в составе словосочетаний, ключевых при описании уединенного места («strange sensation», «smell and sound»). Обилие и разнообразие аллитераций, представленных в отрывках, сближает произведения Фаулза с древней аллитерационной поэзией, в частности, с древнеанглийской поэмой «Феникс», являющейся одним из самых ранних примеров реализации мотива уединенного места в англосак-

сонской традиции. В упомянутой поэме, в описании острова, где обитает Феникс, мы наблюдаем «аллитерационный стих», скрепляющий полустихия в стихе через наличие консонантной рифмы:

Wlitig is se wong eall, wynnum geblissad
mid þam fægrestum foldan stencum.[...]
Smylte is se sigewong; sunbearn lixð,
wuduholt wynlic. Wæstmas ne dreosað... [The Phoenix]

Учитывая тот факт, что Фаулз всю свою жизнь параллельно с прозой писал стихи, мы не можем безоговорочно отрицать наличие тщательной работы над звуковой стороной прозаического текста. Однако, на наш взгляд, реализация своеобразного «внутреннего ритма» текста, обусловленного аутопоэтической природой мотива, могла осуществляться и помимо сознательных усилий писателя.

Анаграммы

В отрывке из романа «Женщина французского лейтенанта» имеет место анаграммирование слова «одиночество» (SOLITUDE), присутствующего в тексте и являющегося ключевым при описании уединенного пространства поляны, а также фамилии самого писателя – FOWLES: “**p**OISED In The Sky, **c**ra**D**LED TO ThE aftErn**OO**n **S**Un, **IT** wa**S** charming, In a**LL** way**S** pr**O**T**E**c**T**ED (SOLITUDE); “ On thE Far Sid**E** OF thi**S** Sh**O**u**L**d**E**r thE Land **FL**attened **F**Or a **F**EW yard**S**, and th**E**r**E** Wa**S** h**E**r ‘**S**E**C**Lu**D**Ed p**L**ac**E**’ (FOWLES).

В данном случае мы до конца не можем исключить намеренное конструирование анаграммы своего имени, учитывая интерес Фаулза к разного рода игровым мистификациям, в том числе анаграмматическим (так название романа – «**ThE FrEnch LiEutEnant’S W**oman» – включает фамилию автора), и его возможное знакомство с системой классического кельтского стиха, основанного на сложной системе созвучий. Кодирование имени творца в создаваемом тексте имеет очень древние индоевропейские корни, что подтверждается следующим примером из «Ригведы», который был проанализирован исследователем К. Уоткинсом:

prá-pra vas tristúbham ísam
mandádvīrāya índave
dhiyā vo medhāsātaye
púrāmdhyā vivāsati [RV 8.69 Цит. по: Watkins, 2005, p. 237].

В первой строфе цитируемого гимна поэт анаграммирует свое имя – Priyamedha: **prá-pra** ... **í**sam mandádvīrā**y**a índave dhiyā ... **medh**āsātaye. Многочисленные примеры подобного рода в «Ригведе» отмечал и основатель теории анаграмм Ф. де Соссюр, считавший ана-

грамматический принцип одним из важнейших при составлении древних индоевропейских текстов.

Однако проблема осознанного создания анаграммы Фаулзом нами не ставится. Важен тот факт, что анаграммирование свидетельствует о существовании внутренней закономерности, характерной для структуры многих текстов индоевропейской традиции, обеспечивает формально-семантическую связность и превращает мотив в знак, единый как в своем означающем, так и в означаемом плане. По мнению В.А. Лукина, анаграмму можно рассматривать «в качестве способа *самоорганизации* (курсив наш. – А.Т.) текста, который формально и семантически отмечает метатекстовый код, имеющий референтом содержание (тему, идею и т.п.) этого же текста» [Лукин, 1999, с. 80].

Это подтверждается на материале фаулзовского описания уединенного места. Анаграммирование спонтанно возникает именно в данной сильной позиции текста, способствуя проявлению смысла на самых нижних уровнях формы (звуки и буквы). Иконическое сближение имени писателя через аллитерации и анаграммирование с ключевыми словами фрагмента (ср. FOWLES и WiLd, FERTiLity SOLitude), с нашей точки зрения, указывает на необыкновенную важность данного мотива лично для Фаулза как человека и для его «внутреннего языка» как писателя. Кроме того, познакомившись с недавно опубликованными дневниками писателя, в «вечном возвращении» Фаулза к мотиву уединенного места можно увидеть попытку эстетического осмысления его собственного одиночества (SOLITUDE – FOWLES), «огораживания» своего пространства как в творчестве, так и в реальной жизни.

Крипто типы

Еще один «аутопоэтический» способ проявления мотива уединенного места – наличие крипто типов, под которыми Б.Л. Уорф понимал «скрытый, тонкий, едва уловимый смысл, который не заключен в конкретном слове, но все-таки выявлен путем лингвистического анализа как функционально важный для грамматики» (цит. по: [Проскурин, Харламова, 2007, с. 36]). Это явление уже привлекало внимание исследователей, занимающихся проблемами индоевропейской поэтики (хотя термин «крипто тип» использовался ими не всегда). В частности, К. Уоткинс в своей работе «Как убить дракона» рассматривает следующий гимн «Ригведы»:

isudhyáva rtasápah púramdhīr

Vásvīr no átra pátnīr á dhiyé dhuh

May the invigorating Bounties caring for Truth,

The good wives (of the gods) reward there our poem [RV 5.41.6 Цит. по: Watkins, 1995, p. 237].

К. Уоткинс обращает внимание на аллитерацию *dhīyē dhuh*, подкрепляющую «фонетическую икону» (phonetic icon), которая связывает слова *pūramdhi-* ‘вознаграждение за стихотворение’ и *dhī-* ‘гимническая поэзия, стих’. Ведическое *pūramdhi-*: *dhī-*, таким образом, определяется как индексальная фигура (indexical figure), указывающая на определенный тип отношений понятий и находящая выражение в фонетическом сближении слов [Watkins, 1995, p. 237].

В выбранных для анализа фрагментах романов и дневников условно привлекает внимание фонетическая общность слов, являющихся ключевыми при воспроизведении мотива уединенного места. Основные группы лексем, объединенных криптофонемой «s» и криптогруппой «st», представлены ниже (в скобках даны слова, которые не представлены в цитированных отрывках, но встречаются в других описаниях уединенного места в выбранных романах):

- 1) sun, sky, stream, (sea), (stone) – основные стихии, первоэлементы;
- 2) sound, scent, smill, sensation, (see) – чувственное восприятие;
- 3) stand, rest, (stopy), (sit), (stare) – длительные / статичные действия;
- 4) secluded, solitude, (silent) – одиночество, тишина;
- 5) strange, suddenly, (stonished) – странность и внезапность происходящего, удивление;
- 6) (secret), (smystery), (saint), (sacred), (ecstasy), (exstence) – тайна, святость, бытие.

Выявленный криптотип, с нашей точки зрения, является ярким примером *языкового воплощения* аутопоэтической природы мотива уединенного места. Иконическое сближение слов на уровне формы, конечно, возможно рассматривать и в историко-генетическом аспекте, однако вряд ли такое обоснование схождения слов в группу, объединенную общим смыслом, можно считать исчерпывающим. На наш взгляд, криптофонема («фонетическая икона» в терминологии К. Уоткинса) активно участвует в формировании в синхронном срезе новой аутопоэтической структуры матричного типа, в которой все элементы характеризуются смысловой отнесенностью к пространству, времени, характерным особенностям и сущности процесса обретения тайного знания в ходе инициации. Это делает возможным самовоспроизводство архетипического мотива уединенного места в диахронии,

обеспечивает связность не только на уровне формы (фонетические и лексические повторы), но и на уровне содержания мотива, а также способствует сохранению культурной (негенетической) информации.

Таким образом, анализ аутопоэтических языковых техник имплементации мотива (аллитерации, анаграммирование, криптотипы) позволяет увидеть, какие языковые средства обеспечивают сохранение и постоянное формальное и содержательное самовоспроизводство мотива, непосредственно связанного с пониманием смысла художественного произведения и особенностей «внутреннего языка» писателя.

Литература

Лукин В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.

Проскурин С.Г., Харламова Л.А. Семиотика концептов. Новосибирск, 2007.

Силантьев И.В. Мотив как единица художественного повествования // Русская литература XIX–XX вв. : Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004а.

Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004б.

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск, 1999.

Фещенко В.В. Глубинная семиотика: стадии погружения (От «внутреннего человека» – к «человеку Авангарда») // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006.

Watkins C. How to kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. Oxford, 1995.

Источники

Fowles J. Daniel Martin. L., 2004.

Fowles J. The French Lieutenant's Woman. L., 2004.

Fowles J. The Journals: Volume 2. L., 2007.

The Phoenix. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix.html](http://www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix.html)

ЗАГАДКА СЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Ф.Ф. Хасанова

Ключевые слова: общественно-политическая лирика, авторская метафора, тайный смысл слов, метафорический образ.

Keywords: public-political lyrics, author's metaphore, riddle of words, ready image.

Обогащение языка является постоянным процессом. Новые слова создаются не только при помощи того или иного сложения слов; новые слова создаются и путем изменения или «филиации» их значения. На основе исходных значений слова образуются новые значения. Раскрытие смысла отдельных злободневных слов-образов, встречающихся в стихах, показ поэтического новаторства современных татарских поэтов определяют научную новизну этой статьи. Целью исследования является изучение татарской общественно-политической лирики периода 1990–2009 гг. Актуальность выбранной темы объясняется тем, что в настоящее время назрела необходимость в исследовании вопросов взаимопроникновения различных пластов лексики русских и европейских заимствований в современную татарскую поэзию.

Например, слово «суверенный» произошло от французского «*souverain*», которое означает «державный, верховный, независимый, напр., от другого государства» [Большой, 2004, с. 616]. Татарский поэт Нур Ахмадиев в одном из стихотворений применяет такой словесный образ, как суверенный раб. При этом второй компонент данного словосочетания означает «невольник, крепостной; человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его» [Даль, 2004, с. 553].

Изобразительно-выразительные средства поэта, зависят от того, какого творческого метода и направления он придерживается, к какому историческому периоду относится его деятельность, каково идейное содержание его произведений. Так, вышеназванное понятие суверенный раб взято из стихотворения Н. Ахмадиева «В преддверии 1996 года» [Татарская, 2003, с. 57]. В нем описывается один из этапов истории Республики Татарстан. Данное стихотворение имеет политическую окраску. Основную идею произведения определяют такие понятия, как свобода, история, рабское положение, ложь, сила, терпение. Главный мотив стихотворения таков: определенная группа людей очень довольна политическим и экономическим положением региона, в то время как значительная часть населения бедствует. Вот, именно их, поэт и называет «суверенными рабами». «Суверенный раб» – «готовый образ», образное понятие, которое носит индивидуальный отпечаток, т.е. появляется впервые у поэта Н. Ахмадиева.

Поэт в данном произведении, с одной стороны, рассказывает о стремительном динамизме современной эпохи. С другой, приходит к осознанному решению: я бессилен перед этим новым, зловещим миром

и не могу в нем ничего изменить, но я в силах приучить себя по-иному видеть его. Заметно также и то, что он не в состоянии различать добро и зло, утвердить в себе безразличное отношение к ним, снизить уровень страданий, сведя до минимума жизненные потребности. К таким «суверенным рабам» точно подходит один из афоризмов французского писателя Оноре де Бальзака: «Бывают люди, похожие на нули: им всегда необходимо, чтобы впереди их были цифры» [Великие, 2002, с. 36]. Одним словом, поэт выстраивает свое стихотворение при помощи такого тропа, как оксюморон, то есть приема, состоящего в подчеркнутом соединении противоположностей, логически исключающих друг друга.

Известно, что в одной крылатой фразе зачастую больше содержания, чем в целом произведении. Например, у поэта Харраса Аюпа встречается такой словесный образ, как конституционные оковы. Этот «готовый» поэтический образ (термин Н.Д. Тамарченко) [Теория, 2004, с. 142] применен в публицистической поэме «Рынки». Х. Аюп делает своеобразный экскурс в историю татарского народа. Здесь лирический персонаж выходит на рынок просто так, по привычке, без особой цели, узнать, что творится в мире. Сама композиция поэмы напоминает путешествие по рынку. В произведении преобладают политические и экономические проблемы. Также затрагиваются проблемы гражданского и национального значений. В связи с этим поэт создает такой словесный поэтический образ, как «конституционные оковы».

Термин «конституция» (от латинского) означает «установление», основной закон государства, обладающий высшей юридической силой; регулирующий также основные права, свободы и обязанности граждан [Большой, 2004, с. 325]. Первый компонент словосочетания «конституционные оковы» утверждает свободу, а второй компонент эту свободу ограничивает. Сочетание противоположных по значению слов, сжатая и парадоксально звучащая антитеза антонимичного существительного с прилагательным [Елисеев, 2002, с. 128] являются ключевыми словами данного произведения. Таким образом, Х. Аюп, как и Н. Ахмадиев, обозначая одно конкретное понятие через другое, на основе внешнего и внутреннего сходства, используя переносное значение слов, сумел создать новый авторский метафорический образ политического содержания. Также следует отметить, что метафоры «суверенный раб» и «конституционные оковы» в поэтическом тексте выражают иронию, даже сарказм.

Подобные слова-образы имеются и у народного поэта Республики Татарстан Рената Хариса, поэта, которого литературоведы по праву считают «мастером метафоры». У него есть такой словесный образ: федеральный обруч. Эту метафору поэт применяет для описания депутатских обязанностей. Законы, которые принимаются в региональном масштабе, поэт называет законами, которые смогли вылезть из «федерального обруча».

Таким образом, поэты стараются художественно осветить процесс переговоров 90-х годов Республики Татарстан с Россией по поводу сохранения между ними конституционно-договорных отношений и по некоторым другим вопросам, связанным с государственно-правовым статусом.

Многоплановое в смысловом отношении произведение XXI века, роман в стихах «Безымянные» [Харисов, 2006, с. 10] Р. Хариса достаточно богат на такие слова-образы. В романе описываются политические события 80-х годов XX века. Здесь встречаются такие метафорические образы, как ортодоксальный снег, партийный грех, политическая грязь, партийное проклятие, партийное сердце и др. Например, возьмем словесный образ ортодоксальный снег. «Ортодоксальный» по гречески значит – правотверный; неуклонно придерживающийся определенного убеждения, направления, учения [Большой, 2004, с. 463]. К тому же этот так называемый «ортодоксальный снег» в произведении еще и «прилипает» к «партийному сердцу» (партия кальбе). Слово «кальбе» заимствовано из арабского языка.

Таким образом, только в одном четверостишии употреблены несколько необычных, новых, современных метафорических образов, которые способны взбудоражить читателя. Здесь создавшиеся образы настолько самоценны, что произведение строится на их развитии и на соответствующей интерпретации в прямом смысле. Но уместно отметить и тот факт, что проникновение иноязычных слов (особенно общественно-политических терминов) в художественное произведение наносит ущерб эстетической стороне произведения. Одним словом, художественное произведение иногда напоминает публицистическую статью или передовицу газеты, по форме превращаясь в макаронические стихи. В то время как, согласно классической риторике, иносказательный способ выражения, создание намеков или символов являются отличительной чертой художественного произведения.

Создание слов-образов происходит не только в произведениях на политическую тему. Например, в наше время злободневной проблемой остается процесс купли-продажи, что обуславливает художественное отражение данной проблемы в литературе. Здесь уместно будет обратить внимание на стихотворение Р. Хариса «Коммерсант лирики». Слово «коммерсант» (от французского) означает «лицо, занимающееся частной торговлей, купец». В самом стихотворении удивляет даже название: «Коммерсант лирики». До этого в произведениях татарских поэтов «продавали» что угодно: продукты, одежду, ум, глупость, жизненные ошибки, подкову, даже счастье. Но ни один из поэтов лирику не продавал. В татарской литературе ни один поэт не выразил чувства симпатии к процессу купли-продажи. Обычно продавцы изображаются жадными или обманщиками. Р. Харис, используя неожиданное сочетание слов, создает новый положительный образ торговца лирикой, отличающийся от образов продавцов других современных произведений [Хасанова, 2010, с. 38].

Продавец лирики торгует особенным товаром: он предлагает тени деревьев насквозь пронизанного солнцем редкого леса. Вот тень стройной высокой сосны, – рекламирует свой товар продавец, – у подножия которой на плечо мужчины пролились радостные слезы женщины; вот кривая тень белой березы, у которой одна гордячка, жар в крови погасив и еле пряча слезы, отказала милому в любви; а дальше – тень изящной рябины, что кистями красными кричит. К ней поэт склонял свои седины, и рябиной стих его горчит. Только не видать покупателей. Но продавец несколько не жалеет: самому осталось столько бесценных воспоминаний. Когда будет нужно, он ими воспользуется сам или подарит кому-нибудь. Разве это цены? Пустяки! Не возьмете – я себе оставлю, чтоб потом все превратить в стихи, – говорит поэт [Харис, 2007, с. 55].

Стихотворение Р. Хариса «Коммерсант лирики» напоминает искусно нарисованный лесной пейзаж. Пейзаж Р. Хариса – не мертвые, безлюдные картины. Пользуясь словами М. Горького можно сказать, что в него всегда «вкраплен человек». Этот человек – сам поэт, влюбленный в свой родной край. Следует заметить, что в наше время мало создается таких романтических произведений.

Еще Аристотель называл метафору сокращенным сравнением. В метафоре соединяются одновременно два значения. Одно значение, которое определяется контекстом, и другое значение, которое определяется привычным употреблением слова, то есть значение, присущее данному слову вне контекста. Первое значение, которое

определяется контекстом, называется обычно переносным значением, а то значение, которое свойственно слову как таковому, называется прямым значением. Переносное значение – это предмет высказывания, а прямое значение – образ высказывания [Томашевский, 1959, с. 221].

Рассмотрим это на примере метафоры народного поэта Республики Татарстан Равиля Файзуллина из поэмы «Сайдаш». В произведении использован метафорический образ *конъюнктурный соловей*. Понятие «конъюнктура» – от латинского «соединять», означает «стечение обстоятельств; создавшаяся обстановка; положение вещей, способное влиять на исход какого-либо дела».

С. Сайдашев был великим композитором татарского народа, создавшим известный «Марш Советской Армии» и много других великолепных произведений. Так что сравнение его с соловьем имеет глубокий смысл. Но это сравнение само по себе не новое. В народе принято сравнивать хороших певцов с соловьем. В татарском языке существует целый ряд сравнений, которые заимствуются из обычных, уже существующих в разговорном языке сопоставлений, и они, конечно, воздействуют гораздо слабее. Но поэт Р. Файзуллин это значение использует рядом с понятием, содержащим не совсем положительный смысловой оттенок. Из контекста видно, что у С. Сайдашева было очень много завистников. Они всячески препятствовали его успехам и смотрели на великого композитора, как на *интеллектуальную закуску*. Этой метафорой поэт характеризует одну из конфликтных сторон. Р. Файзуллин раскрывает это обстоятельство таким образом, что, если не станет таланта Сайдашева, его место займет другой «соловей», поющий о том, что угодно правящим структурам. И он будет петь так, как того требуют обстоятельства.

Следует отметить, что у Р. Файзуллина тоже имеются стихи с политической окраской. Одно из таких стихотворений называется «Азбука колонизатора». Понятие «колонизация» (от латинского) означает «поселение». Это слово имеет три значения: 1) заселение свободных пустующих земель на окраинах собственной страны; 2) основание колоний, поселений в зависимой стране; 3) захват какой-либо страны или края, сопровождаемый покорением, эксплуатацией, подчас истреблением местного населения; превращение какой-либо страны или области путем насилия в колонию [Большой, 2004, с. 310]. Из содержания стихотворения видно, что поэт использовал третье значение понятия.

Основной мотив стихотворения таков: сначала колонизатор выселяет коренной народ выселяет с родных земель, затем своим внукам твердит об освобождении этих земель, в конце концов истребляет кладбище представителей коренного населения. В итоге правнуки колонизатора пишут стихи об этой земле, называя ее своей родиной. Таким образом, нетрудно догадаться, что в стихотворении философски осмыслено недалекое историческое прошлое страны, например, история крымских татар.

Поэт Газинур Мурат в поэме «Машина времени» изображает стремительный динамизм эпохи. В наше время все меняется, все куда-то устремляется: машины на красный свет, ученые к получению супергенов и так далее. Г. Мурат остерегается: такое безудержное устремление может привести к инквизиции. В этом произведении поэт поднимает нравственные проблемы. В связи с этим используются такие метафоры, как *мораторий на равнодушие, мораторий на непорядочность, на ложную красоту, мораторий на ненасытное начальство, на умственное пьянство*. Заметим, что слово «мораторий» происходит от латинского «moratorins» – «задерживающий, замедляющий; означает отсрочку принятых обязательств». Стоит отметить, что в этом произведении очень много заимствованных слов, что затрудняет восприятие текста, в том числе его эстетической составляющей.

Одно из стихотворений Г. Мурата названо «Соль мажор». Возникает вопрос: что же связывает лирического героя с профессиональным термином? В произведении герой находится в раздумье, сидит у речки и вспоминает счастливые мгновения, проведенные с любимой. Ему слышится то *прелюдия лягушек*, то *рапсодия соловьев*, то *кантата кузнечиков*, то *соната листьев*, то *ноктюрн души...*, то *траурный марш любви*.

Иногда создается такое впечатление, что поэты, устремляясь в глубь современности, забывают предостережение великого татарского поэта начала XX века Дэрдмента. Он говорил: *Учись, мой брат. Язык усвоить / Чужой – полезно ремесло. / Но на язык язык в два слоя / Мешать – невежество и зло* [Дэрдменд, 2009, с. 104].

Таким образом, можно сделать вывод: татарская поэзия начала XXI века содержит множество произведений общественно-политического содержания, в которых говорится о взаимоотношениях государства и личности. В них поэты применяют новые современные метафорические образы, которые создаются из слов из сочетаний, заимствованных из разных языков. При этом непременно

требованием является одно условие: одним из компонентов должно быть слово из татарского языка, а другим – слово из иностранного языка.

Вместе с рождением произведений о современности, о рыночных отношениях появляется и особенная, свойственная им и лексика. Однако нельзя утверждать, что у татарских поэтов часто встречаются термины, неотделимые от рынка; такие, как бизнес, биржа, брокер, банкрот, маркетинг, менеджмент, инфляция и др. Видимо, такие заимствованные слова не вдохновляют поэтов на создание новых образов, хотя в основу содержания произведения включены понятия, обозначенные вышеназванными терминами.

Поэты, находясь в новых, непривычных условиях рыночной экономики, достигают значительных успехов в творчестве. Приемы иносказания, переноса и другие помогают им в этом. Поэты часто прибегают к иронии, используя эмоционально-экспрессивные средства речи: парадоксально звучащую антитезу антонимичного существительного с прилагательным – оксюмороны и метафоры.

Всегда надо расценивать авторские метафоры поэтов с точки зрения того, насколько они новы. От степени привычности метафоры зависит сила ее воздействия, и то, заставляет ли она задуматься или нет. Известно, что привычные вещи не замечаются. Современные татарские поэты умеют создавать выразительные слова-образы. Их метафорические образы в лирике, особенно в политической лирике последних десятилетий, превращаются в самостоятельные сюжеты.

Эстетически освоить новое жизненное содержание невозможно без обновления всего арсенала поэтики. Именно этим объясняется разнообразие, богатство изобразительно-выразительных средств в творчестве современных поэтов. Свободное использование ими как реальных, так и условных форм, широкое использование метафорически-ассоциативной образности доказывает, что «творческое величие всегда проходит через новые вершины разума, которые находятся, как правило, за пределами привычного восприятия и понимания современников» [Фаткутдинов, 1996, с. 296].

Литература

- Большой словарь иностранных языков. М., 2004.
Великие мысли великих людей : Антология афоризма. М., 2002.
Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2004.
Дэрдменд. Стихотворения. Казань, 2009.
Теория литературы. В 2 т. М., 2004.

- Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. 2002.
Харис Р.М. Испивший молнию: книга стихов и поэм. Казань, 2007.
Татарская поэзия (1980–2000). Казань, 2003.
Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
Фаткутдинов З. Афоризмы и максимы или откровения XX века. Казань, 1996.
Хасанова Ф.Ф. Поэт и время : Монография. Казань, 2010.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Е.В. Демидова

Ключевые слова: внутренний мир художественного произведения, варьирование, перевод, национальный вариант, Василий Шукшин.

Keywords: private world of a work of art, variation, translation, national variant, Vasili Shukshin.

При исследовании бытия текста при художественном переводе возникает вопрос о варьировании текста. В статье вводится категория «внутренний мир текста художественного произведения», или «внутренний мир художественного текста» (ВМХТ), и ставится задача изучения факторов его варьирования при переводе. Мы предполагаем, что существует ряд универсальных факторов, определяющих варьирование текста при переводе, в их числе – фактор национально-языковой вариативности. Как известно, один и тот же язык может иметь различные способы и средства номинации объектов актуального мира из-за социокультурных различий тех регионов, в которых он функционирует. Системы национальных вариантов представляют собой перекрещивающиеся микросистемы, имеющие общее с другими вариантами ядро и дивергентные признаки, составляющие, по нашему мнению, основу национально-языкового варьирования текста при переводе.

Понятие «внутренний мир художественного произведения» введено Д.С. Лихачевым и определяется им как преобразование мира действительности в мире художественного произведения, при этом «отдельные элементы <...> соединяются в этом внутреннем мире в некоей определенной системе», имеющей свои собственные взаимосвязанные закономерности, измерения и смысл [Лихачев, 1968, с. 76]. «Исследо-

ватель внутреннего мира произведения словесного искусства рассматривает форму и содержание произведения в неразрывном единстве»; «Он (внутренний мир. – *Е.Д.*) имеет непосредственное отношение к стилю языка произведения» [Лихачев, 1968, с. 87]. Понятие «мир произведения» рассматривается в широком филологическом контексте (О.Е. Фролова, В.Е. Хализев, А.П. Чудаков и др.). В данной статье для решения поставленной задачи ключевыми являются следующие положения: внутренний мир воссоздается в тексте художественного произведения средствами языка, и значит, может рассматриваться как универсальная смысловая текстовая категория [Фролова, 2007]; ВМХТ – художественная система, включающая в себя компоненты (события, персонажи, вещи) и имеющая свои параметры (пространственно-временные, психологические, социальные, бытовые и так далее); в художественном тексте мы имеем дело с номинациями компонентов ВМХТ. Способность к варьированию, как нам кажется, заложена в коммуникативной сути данного явления, поскольку конфигурация ВМХТ выстраивается у читателя, исследователя или переводчика в процессе работы над текстом.

Проблема национально-языкового варьирования внутреннего мира текстов рассказов В.М. Шукшина [Шукшин, 1979] в его англоязычных переводах (американский [Shukshin, 1996] и британский [Shukshin, 1990] варианты) решается на уровне его компонента – художественных «вещей». Под художественной вещью понимается компонент ВМХТ, обозначающий мелкие и крупные объекты и предметы художественного мира, которые напрямую связаны с сознанием и поведением персонажей. Для того чтобы вещь стала компонентом ВМХТ, она должна получить свое имя и войти в семантическое пространство текста: «в той мере, в какой литературное произведение устремлено к «вещам» и принципам их размещения из внешних для него сфер, оно прежде всего вынуждено пользоваться соответствующими словесными цепями как знаками (*nomina*) этих «вещей» [Виноградов, 1980, с. 254]. Имена вещей в литературном произведении, помимо номинативной, имеют широкий диапазон эстетических функций: культурологическую, характерологическую, сюжетно-композиционную, различительную, образную, функцию выделения персонажа, ассоциативную и так далее. Данный компонент предметного мира значим для В.М. Шукшина и важен для художественного перевода.

При анализе эмпирического материала используется разработанная нами методика факторного исследования варьирования ВМХТ, которая предполагает ряд этапов и промежуточных операций, направ-

ленных на исследование семантического варьирования компонентов ВМХТ. Ниже представлен анализ наиболее репрезентативного материала (имен различных по объему «вещей», выполняющих в художественном мире сразу несколько функций).

В тексте рассказа «Ванька Тепляшин» дается прямое, «географическое» отражение действительности: действие происходит в больнице районного города, куда из деревенской больницы переводят на лечение Ваньку. Следовательно «город» – это номинация компонента «вещь» в художественном мире рассказа. Дальнейшее «вещное» заполнение пространства городской больницы осуществляется в рамках этой крупной единицы. Номинациями «вещей» в городском пространстве являются «больница», «улица» и др.; далее пространство сужается до обозначения комнат – «палата», «кабинетик», «уборная», «подвал»; предметов больничного интерьера – «тумбочка», «скамеечка», «графин», «вешалка»; и еще более мелких предметов – «воротник», «булочка», «сумка». Приведенные номинации компонента являются членами синтагматического «вещественного» ряда, поэтому могут рассматриваться во взаимосвязи и взаимодействии.

«Город» – это художественный символ в творчестве Шукшина, смыслы которого актуализируются при филологическом чтении рассказа на родном языке. В переводном тексте смена номинации при сохранении денотата приводит к актуализации совсем иных смыслов.

– *Поедешь в городскую больницу?* [Шукшин, 1979, с. 193].

Американский вариант	Британский вариант
– <i>How would you like to go to the city hospital?</i> [Shukshin, 1996, с. 185]. Досл.: Хотел бы ты поехать в городскую больницу?	– <i>How would you like to go to the hospital in town</i> [Shukshin, 1990, с. 315] Досл: Хотел бы ты поехать в больницу в городе? (в данном примере речь идет о городской больнице вообще, а не о конкретном объекте)

В горбольнице его устроили хорошо... [Шукшин, 1979, с. 193].

Американский вариант	Британский вариант
<i>He was comfortably set up at the city hospital</i> [Shukshin, 1996, с.	<i>He was well cared for in the city hospital</i> [Shukshin, 1996, с.

185] Досл.: Его удобно разместили в городской больнице...	315] Досл.: О нем хорошо забо- тились в городской больнице...
---	---

Ваньке что-то не очень нравилось в горбольнице... [Шукшин, 1979, с. 194]

Американский вариант	Британский вариант
<i>Somehow Vanka didn't like being in the city hospital</i> [Shukshin, 1996, с. 185] Досл.: Ваньке как-то не нравилось быть в городской больнице...	<i>For some reason, Vanka didn't like the city hospital very much</i> [Shukshin, 1990, с. 315] Досл.: По некоторым причинам Ваньке не очень нравилась городская больница....

Как видно из примеров, оба переводчика употребляет одно и тоже имя «вещи» – **city**, однако его семантика в этих двух национальных вариантах различна. В американской культуре номинация «**city**» используется для обозначения «единой территории с местным управлением и населением в несколько тысяч» (перевод с англ. здесь и далее мой. – Е.Д.) –, то есть для номинации «небольшого городка». В британской культуре **City** – крупный промышленный город (мегаполис), в нем обязательно «имеется собственный кафедральный собор или существует королевское разрешение на данную номинацию» [Бондарчук, Бурая, 2007].

Творчество В.М. Шукшина, внутренний мир его произведений представляет собой целостность, которая задается его функционированием в культуре [Чувакин, 2002]. В приведенном примере имя вещи демонстрирует национально-культурную специфику и требует соотношения своего значения с «кодом» культуры, в рамках которой происходит его интерпретация. Национально-культурные особенности данных лексем могут стать причиной неверной интерпретации содержания компонента предметного мира рассказа представителями американской и британской культур. Национально-языковое варьирование имени «вещи» приводит к варьированию предметного мира переводного текста, поскольку в нем нарушаются принципы реальности и социального устройства. Возможная интерпретация ситуации действительности реципиентом британского перевода: Ваньку из деревенской больницы переводят в больницу крупного мегаполиса. В художественном

мире Шукшина деревенского больного с язвой, согласно административным распоряжениям, определяют в ближайшую районную больницу. Кроме того, происходит смена «облика» самого городского пространства (крупный город в восприятии американца или англичанина отличается от представлений русскоязычного читателя).

Семантическое варьирование имени «город» приводит к варьированию составляющих этой крупной «вещи» (больница, палаты, предметы больничного интерьера).

– *Курит, наверно, в уборной...* [Шукшин, 1979, с. 194]

Американский вариант	Британский вариант
– <i>Probably smoking in the lavatory...</i> [Shukshin, 1996, с. 185]. Досл.: Возможно, курит в общественном туалете...	– <i>Having a smoke in the can, most likely...</i> [Shukshin, 1990, с. 315]. Досл.: Курит в туалете, скорее всего...

Lavatory – лексема книжного стиля, в американском английском – это «комната с унитазом и раковиной, особенно в самолете». Лексема **the can** в значении «туалет» – это американизм, причем ограниченный употреблением в разговорной речи [Macmillan English Dictionary, 2002]. Употребление американизма в британском переводе свидетельствует о взаимодействии этих двух национальных вариантов. Имена **Lavatory** и **The can** по-разному «работают» при интерпретации художественного мира переводных текстов, его бытовой и психологической составляющих. Варьирование бытовой составляющей «вещи» связано с различным представлением общественной больничной уборной (большого/небольшого города) представителями русской, американской и британской культур. При интерпретации психологической составляющей шукшинского художественного мира отметим, что ведущей чертой больничного пространства является его замкнутость, изолированность. Болезнь вырывает Ваньку из привычного простора полей, по которым он «шоферил», находясь в постоянном движении, и загоняет вначале в ограниченное пространство города, где «люди бегают на месте», затем в еще более суженное пространство горбольницы, где даже покурить можно только в туалете – еще меньшей клетушке. Первичное значение имени **The can** – «консервная банка», и вторичное – «тюрьма» [Macmillan English Dictionary, 2002] вписывает данную «вещь» в англоязычный вариант шукшинского внутреннего мира рассказа.

Характеристики действующих в границах больничного пространства лиц зависят от значений этого пространства.

*Из боковой комнаты, из двери выскочил квадратный Евстигнеев в белом халате, с **булочкой** в руке [Шукшин, 1979, с. 197].*

Американский вариант	Британский вариант
<i>Out of the door to a side room popped stocky Yevstigneyev in a white lab coat, with a roll in his hand...[Shukshin, 1996, с. 188].</i> Досл.: Из двери боковой комнаты неожиданно появился коренастый Евстигнеев в белом халате, с маленьким хлебцем в руке...	<i>From a room that was off to one side emerged his fellow orderly, Yevstigneyev, a huge, broad-shouldered fellow in a white lab coat. Yevstigneyev had a <u>half-eaten</u> bun in his hand...[Shukshin, 1990, с. 319].</i> Досл.: Из двери, расположенной сбоку, появился его приятель, вахтер Евстигнеев, огромный, широкоплечий парень в белом халате. У Евстигнеева в руке была наполовину съеденное маленькое сладкое пирожное...

В русской культуре булочка – это, как известно, сдобная выпечка, традиционно круглой формы. **Roll** в англоязычной культуре – «маленький хлеб круглой или длинной формы». **Bun** в британской культуре – это «маленькое круглое пирожное, часто со сладкой липкой поверхностью» [Macmillan English Dictionary, 2002]. В Великобритании существует множество разновидностей этого блюда (например, горячие скрученные сладости – *hot cross buns* подают в Страстную пятницу) [Бондарчук, Бурая, 2007]. Варьирование бытовой составляющей художественного мира рассказа в переводах происходит из-за культурных особенностей «вещи» (форма и начинка хлебобулочного изделия с именами **roll** и **bun** могут различаться).

Эта «вещь», помимо бытовой, выполняет и характерологическую функцию (образ Евстигнеева) в психологическом мире шукшинского рассказа. Красноглазый и Евстигнеев – защитники больничного порядка и противники свободолюбивого Ваньки. Но в «квадратном» Евстигнееве больше человеческого: у него в руках булочка, выпечка с тех бескрайних полей, по которым тоскует Ванька. Психологическая составляющая семантики имени вещи скорее всего будет утрачена в англоязычной интерпретации шукшинского мира рассказа. Британский переводчик даже делает уточнение – «*half-eaten*», подчеркивая чисто

бытовую составляющую вещи (сидел человек, кушал, его оторвали, вот он и выскочил с недоеденным куском). Говоря о национально-культурном варьировании пространства внутреннего мира при переводе отметим, что в больнице крупного мегаполиса вряд ли могла произойти ситуация драки и появления вахтера, жующего булку.

В районной больнице частью интереса является графин на вахтерской тумбочке.

Но все равно, тумбочка вахтерская полетела, и с нее полетел графин и раскололся... [Шукшин, 1979, с. 197].

Американский вариант	Британский вариант
<i>But despite his efforts, the orderly's table went flying anyway and a decanter sitting on top went flying with it and shattered into pieces...</i> [Shukshin, 1996, с. 188]. Досл.: Но, несмотря на все его усилия, вахтерский стол полетел и стеклянный бутыль, стоящий на нем, полетел вместе с ним и разбился на куски...	<i>But hard as he tried, the duty-orderly's desk got knocked over anyway, and a pitcher of water sitting on it was smashed to smithereens...</i> [Shukshin, 1990, с. 320]. Досл.: Но как он ни старался, вахтерский стол упал, и кувшин с водой, стоящий на нем, разбился на осколки...

Pitcher – в британском английском: «емкость из глины с двумя ручками, предназначенная для хранения жидкости»; в американском: «кувшин для подачи жидкости». *Decanter* – «специальный стеклянный бутыль, который наполняется алкогольным напитком (чаще вином) перед подачей на стол» [Macmillan English Dictionary, 2002]. Варьирование семантики данного компонента, как видим, наблюдается в обоих вариантах перевода. Материал сосуда в американском варианте перевода – глина, это скорее «кувшин» в русской интерпретации. В британском варианте сделано уточнение, что сосуд наполнен водой, и это соответствует исходному содержанию вещи. Варьирование семантики имени детали (сосуд с **алкогольным** напитком на вахтерском столике в американском переводе) вызывает изменение бытовой составляющей внутреннего мира рассказа. Как «булочка», имя «графин», помимо бытовой составляющей, выполняет, на наш взгляд, и другую функцию в художественном мире рассказа – символическую или идеологическую. Графин – это атрибут власти и церберского порядка (когда шаг в сто-

рону карался расстрелом). И этот атрибут свободолюбивый Ванька разбивает. Глиняный кувшин, а тем более сосуд с вином вряд ли вызывает подобные символические коннотации в англоязычных вариантах интерпретации художественного мира. Появление на столике вахтера в больнице сосуда с вином абсолютно не соответствует внутренним законам и принципам предметного мира.

Таким образом, в процессе художественного перевода происходит варьирование внутреннего мира исходного текста в текстах вторичных. Действие фактора национально-языкового варьирования ВМХТ заключается в использовании культуроспецифических номинаций его компонентов в текстах перевода. Вследствие этого, как было показано на примерах, искажается понятийное содержание компонентов художественного целого, нарушаются системные эстетические составляющие предметного мира художественного произведения (бытовые, социальные, психологические, символические и др.).

Литература

- Бондарчук Г.Г., Бурая Е.А. Основные различия между британским и американским английским : учебное пособие. М., 2007.
- Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8.
- Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007.
- Чувакин А.А. Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета (1989–99г.) // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.
- Шукшин В.М. Точка зрения: Рассказы, повести. Барнаул, 1979.
- Macmillan English Dictionary. 2002.
- Shukshin V. Short stories. М., 1990.
- Shukshin V. Stories from a Siberian village. De Kalb, Illinois, 1996.

РОЛЬ РЕЧЕВОГО АКТА САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОВОРЯЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Карпушева

Ключевые слова: речевой акт самопрезентации, стратегии и тактики, имидж, структура имиджа, политический лидер, политический дискурс, коммуникативная ситуация, коммуникативная роль.

Key words: self presentation speech act, strategies and tactics, image, image structure, political leader, political discourse, communicative situation, communicative role.

В последнее время понятие имиджа приобрело большую популярность. Все чаще можно встретить сочетания: «имидж человека», «имидж предприятия», «имидж страны». В самом общем смысле имидж – это тот образ, который по тем или иным причинам призван заменить реальный объект или же представлять лицо или некую другую сущность в глазах (восприятии) других людей [Кубрякова, 2008, с. 9]. Обычно причиной того, что некий объект или субъект нуждается в создании определенного имиджа, является потребность в обеспечении его жизнеспособности и успешной активности в социуме.

Предметом данной статьи являются имиджеобразующие коммуникативные стратегии и тактики, а также средства формирования речевого имиджа. Одним из таких средств является речевой акт (далее РА) самопрезентации. Согласно таксономии Дж. Серля РА самопрезентации относится к классу ассертивов или репрезентативов, цель которых заключается в том, чтобы зафиксировать ответственность (в различной степени) за сообщения о некотором положении дел, за истинность выраженного суждения [Серль, 1986, с. 196]. Для РА самопрезентации эта цель – сформировать у слушающего определенное мнение или представление о говорящем, то есть «некоторое положение вещей» – это не что иное, как индивидуальные характерные черты говорящего, которые в данный момент являются наиболее выигрышными для достижения этой цели.

Участники коммуникации разделяют общий коммуникативный контекст, который складывается из многих компонентов, таких, как место и время протекания беседы, причина ее инициации, а также индивидуальные ожидания, представления коммуникантов о ее потенциальном развитии. Естественно, что эти представления собеседников могут не совпадать, однако, если один из коммуникантов хорошо ориентируется в сложившейся коммуникативной ситуации, способен прогнозировать коммуникативные ожидания другого и может выстраивать свое речевое поведение в соответствии с ними, то иллюкутивная цель РА самопрезентации достигается с предельной легкостью, и у слу-

шающего формируется именно то представление о личности говорящего, которого он добивался изначально, иницируя этот акт. Таким образом, стратегия построения речевого имиджа относится к типу прагматических стратегий, так как говорящий действует согласно ситуации общения.

Для создания собственного имиджа говорящий обычно выбирает себе роль или роли и соответствующую ей речевую «маску». Подобный выбор осуществляется на основе прогнозирования аудитории, ее ожиданий и, по сути, является коммуникативной стратегией сапопрезентации. Приемы, избираемые для ее реализации, или коммуникативные ходы представляют собой речевые тактики [Иссерс, 1999, с. 198]. Для описания такого речевого поведения избранным адресантом ролям присваиваются «ярлыки», то есть названия, обозначающие наиболее важные составляющие имиджа говорящего. Как правило, имиджеобразующие роли – это коммуникативные роли, которые используются в данной коммуникативной ситуации для достижения той или иной практической цели: «Весельчак», «Простак» и т.д. [Картелева, 2008, с. 86].

Известно, что сферой наиболее активного и осознанного имиджеобразования является политический дискурс в связи с прямой зависимостью положения и статуса чиновника от общественного мнения. Именно это позволяет наиболее четко отследить закономерности создания речевого имиджа и его структуры. Недавние выборы президента США могут рассматриваться как один из наиболее ярких примеров формирования имиджа в американском политическом дискурсе. Анализ предвыборных выступлений Барака Обамы показывает, что имидж кандидата в президенты состоял из ряда коммуникативных ролей, опосредованных РА самопрезентации, реализация которых вела к акцентированию определенных личностных особенностей и характеристик. Естественно, эти характеристики были выбраны в качестве имиджеобразующих не только на основе тех свойств личности, которые, действительно, являлись доминирующими в характере тогда еще кандидата в президенты Барака Обамы, но и на основе тех личностных лидерских черт, которые приветствуются и одобряются обществом в результате сложившейся национальной традиции и приобретенного исторического опыта.

Доминирующей составляющей имиджа является коммуникативная роль «Патриот», которая предполагает демонстрацию таких качеств личности, как преданность и любовь к своему народу, защита, прежде всего, его интересов, подчинение личных целей государствен-

ным. Самоподача в рамках этой коммуникативной роли избегает «гой» констатации факта типа *I am a patriot!* (*Я патриот!*), в этом случае она лишается убедительности, поэтому чаще характерный РА самопрезентации осуществляется через косвенное вербальное выражение патриотических чувств:

- любви к родине: *Throughout my life, I have always taken my deep and abiding love for this country as a given. It was how I was raised; it is what propelled me into public service; it is why I am running for President.* (Barack Obama, <http://www.usliberals.about.com>).

Средствами выражения этого чувства становятся слова-маркеры: *...my deep and abiding love <...> as a given...* (...глубокая и всеобъемлющая любовь <...>, данная свыше). Употребление параллельных конструкций, составляющих стилистическую градацию, также помогает придать РА эмоциональную окраску патриотизма. Сочетание слова *country* (страна) и указательного местоимения *this* (эта) свидетельствует о том, что говорящий включает предмет высказывания в поле своего непосредственного восприятия, тем самым пытаясь показать то особое значение, которое он имеет для него;

- гордости за достижения своего народа в мировой истории: *Our journey has never been one of short-cuts or settling for less. It has not been the path for the faint-hearted – for those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame. Rather, it has been the risk-takers, the doers, the makers of things – some celebrated but more often men and women obscure in their labour, who have carried us up the long, rugged path towards prosperity and freedom* (Barack Obama, <http://www.usliberals.about.com>). Ролеобразующими здесь становятся контрастирующие оппозиции: *the faint-hearted: the risk-takers* (трусливые : рисковые), *those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame : the doers, the makers of things* (бездельники : трудяги), они показывают восхищение и преклонение говорящего перед своими земляками, а значит передают его патриотический настрой, важный для создания данной коммуникативной роли.

- воспоминаний, связанных с постепенным личностным осознанием своей принадлежности к великой державе: *I remember the cheers and small flags that people waved, and my grandfather explaining how we Americans could do anything we set our minds to do. That's my idea of America* (Barack Obama, <http://www.usliberals.about.com>). Показательным здесь является использование личного местоимения 1-го лица множественного числа и приложения *we Americans* (мы, американцы), говорящий считает себя полноправным членом американского общест-

ва, обладающим типичными чертами американского национального характера. Как известно, Соединенные Штаты Америки имеют несколько вариантов названий, принятых в обществе: *the United States of America, the USA, the United States, the US, America*, последний из приведенных вариантов звучит менее официально, более «по-домашнему» и является изначальным. Соответственно, используя именно это название, Обама демонстрирует теплые чувства по отношению к своей стране, обладающей выдающейся историей, восходящей к открытию континента.

Коммуникативная роль «Хозяин» является неотъемлемой составляющей имиджа кандидата в президенты, так как настоящий политический лидер должен хорошо знать свою страну и то, что необходимо для ее развития. Эта роль распадается на две другие коммуникативные роли, на первый взгляд, по своим названиям противоречащие друг другу, – «Представитель Народа» и «Individualist». Однако эти роли отражают два важнейших умения политического лидера – прислушиваться к мнению других и принимать собственные решения на основе анализа полученной информации: *If the commanders tell me that they need X, Y and Z, in order to accomplish the very narrow mission that I've laid out, than I will take that into consideration* (Barack Obama, <http://www.nytimes.com>).

Для коммуникативной «маски» «Представитель Народа» зачастую свойственна открытая самоподача: *I'm a US senator, representing American people (Я сенатор Соединенных Штатов, представляющий американский народ)* (Barack Obama, <http://www.youtube.com>). При имплицитной самопрезентации РА, как правило, представляет носителя этой роли знатоком общественных интересов, находящимся в курсе всех социальных проблем, ведущим постоянный диалог с гражданами своей страны в целях принятия верных решений по какому-либо важному вопросу: *... a strategy's not going to be formed in a vacuum and we're going to have to listen to the actual troops in the field* (Barack Obama, <http://www.nytimes.com>).

При «исполнении» коммуникативной роли «Individualist» говорящий предстает сильной решительной личностью с твердыми взглядами, высокой степенью уверенности в своих действиях и их благе для нации. Носитель этой «маски» демонстрирует умение противостоять действиям, мнениям, настроениям в своем окружении и обществе, являющимся, с его точки зрения, аполитичными или антинародными. Эта составляющая имиджа американского политика имеет культурное и историческое основание и представляет собой неотъемлемую черту

национального характера. Она связана с индивидуалистическим типом культуры Запада, где особенно ценится способность принимать собственные взвешенные решения. Культурная обусловленность этой роли делает перевод ее ярлыка «Individualist» нецелесообразным, так как найти русскую аналогию, полностью соответствующую семантической структуре английского «individualist!», не представляется возможным, а созвучное русское слово «индивидуалист» обладает яркой негативной коннотацией, в то время как английское “individualist” ее лишено.

Для РА в рамках роли «Individualist» характерны всевозможные маркеры разной степени категоричности, представляющие личное мнение говорящего, например: *I fundamentally disagree...* (я категорически несогласен...), *I'm absolutely sure...* (я абсолютно уверен...), *my first step would be...* (мои первые шаги были бы...), *my job is to...* (моя задача – это...), *I would prefer that we start this process now* (Я бы предпочел начать эту процесс уже сейчас.), *I do think...* (я действительно полагаю...) и так далее. Стоит отметить, что в период предвыборной кампании в имидже американского лидера коммуникативная роль «Представитель Народа» доминирует над ролью «Individualist», в связи с очевидными проблемами, с которыми американскому народу пришлось столкнуться в результате весьма авторитарного правления Джорджа Буша младшего, в имидже которого роль «Individualist» явно превалировала.

С учетом этнической принадлежности Барака Обамы, в иерархию имиджеобразующих ролей входит коммуникативная роль Самодостаточного Лидера. Носитель этой маски лишен каких-либо комплексов по поводу своей внешности или этнической принадлежности, его главным достоянием являются уникальные интеллектуальные способности, позволяющие ему быть выше любых самобичеваний:

– *I was never lacking in . . . In confidence that my particular background would not be a barrier to me running.* (Barack Obama, <http://www.rollingstone.com>).

Показательной в данной роли является коммуникативная тактика, которая изначально, по всей видимости, являлась психологической, эта тактика заключается в превращении своих недостатков в потенциальные достоинства: *I can be a more effective messenger for some of my policy ideas because I've lived in another country, because my father came from a small village in Africa. I think that allows me to communicate these ideas more effectively and I think that the world will take in what I have to say with a more open mind* (Barack Obama, <http://www.youtube.com>).

Немаловажной в структуре имиджа государственного лидера становится коммуникативная роль «Стратег». РА самопрезентации, представляющие эту «маску» содержат определенную модель того, какие шаги нужно или не нужно предпринимать в той или иной проблемной ситуации: *I'm not going to set up our troops to failure and I'm not going to do something half-baked*. Для РА, имплицитно демонстрирующих эту роль, свойственно перечисление мер по осуществлению какого-либо плана: *We have a very narrow list of things that we want to accomplish: protecting embassies, protecting civilians and counter terrorism in contrast to counter insurgency* (Barack Obama, <http://www.nytimes.com>)

Коммуникативной роли «Стратег» сопутствует коммуникативная роль «Реалист», поскольку любой выдвинутый лидером страны проект должен быть, в первую очередь, реалистичным, поэтому часто в речи кандидата в президенты встречаются следующие вводные слова и обороты: *...realistically speaking* (презво рассуждая), *That's **precisely** why...* (вот именно поэтому), *that's **exactly** what...* (это именно то, что...). *I don't get too high, I don't get too low* (я не преувеличиваю, я не преуменьшаю) (Barack Obama, <http://www.nytimes.com>).

Доверие избирателей – ключ к победе на президентских выборах, и завоевать его можно лишь в случае, если электорат уверен в честности кандидата, поэтому коммуникативная роль «Честный Человек» занимает особое место в имиджеобразующей иерархии. Носитель этой «маски» демонстрирует откровенность, ответственность за свои слова: *I'll be **honest** with you* (Я буду честен с вами...), *The **truth** is...* (На самом деле...), *No one's going to **deceive** people...* (никто не собирается обманывать народ) (Barack Obama, <http://www.nytimes.com>) и так далее. РА, служащие реализации этой коммуникативной роли, включают слова-маркеры, относящиеся к категориям Истинное /Ложное. Также для этой роли свойственна тактика противопоставления: говорящий описывает и оценивает действия человека, таким образом демонстрируя правильность своей линии поведения: *She (Senator Clinton) accepts money from PACs and lobbyists. I don't accept that politics has to be driven by those special interests and lobbyists. <...>Not only is it offensive to me personally, but I think it's bad politics for me. That's not who I am. That's not what my supporters are looking for* (Barack Obama, <http://www.cbsnews.com>)

Еще одной важной коммуникативной ролью в имидже современного американского политического лидера является роль «Борец». Она так же, как речевая маска «Individualist», демонстрирует типичную черту американского национального характера – не сдаваться ни при

каких обстоятельствах и, подавив усталость, сомнения и страхи, двигаться вперед к намеченной цели: *I had to think about this long and hard at the beginning of this process and say, 'Are you deluding yourself? Or do you really think that you can do all those things? And I decided, you know, I might just be able to pull it off. And so a year a later, it turns out that, you know, the jury is still out. But we seem to be stirring things up pretty good* (Barack Obama, <http://www.cbsnews.com>).

Итак, во время предвыборной кампании имидж Барака Обамы был очень тщательно продуман и его составляли совершенно четко установленные коммуникативные роли, доминантой которых являлась роль «Патриот». «Исполнение» всех коммуникативных ролей в большинстве случаев осуществлялось имплицитно за счет реализации различных речевых тактик:

- употребление местоимения *We* вместо *I* для демонстрации солидарности, сопричастности или соучастия, единения;
- использование притяжательных местоимений *my*, *our* в сочетании с объектами, которые в действительности говорящему не принадлежат, для демонстрации своего особого расположения к этим объектам: *our kids*, *my country*;
- употребление параллельных конструкций, составляющих стилистическую градацию, для выражения определенных эмоций, чувств, настроения говорящего;
- применение противопоставления, контраста для показа личной позиции говорящего по какому-либо поводу;
- обращение своих недостатков в потенциальные достоинства в глазах других.

Стоит отметить, что предвыборный имидж Барака Обамы был построен по принципу золотой середины. Все качества, которые демонстрировались Обамой как будущим лидером страны, составляют образ сбалансированной, гармоничной, взвешенной личности, находящейся в согласии с собой и окружающими. На наш взгляд, именно успешное создание такого имиджа помогло сегодняшнему президенту Соединенных Штатов Америки одержать победу на выборах 2008, поскольку для многих американцев этот имидж стал олицетворением баланса и даже определенной стабильности, в которых в последнее время их страна нуждалась больше всего.

Литература

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Картелева Л.И. Вербализация концепта Self как способа самопрезентации языковой личности в дискурсе // Вестник МГУ. Сер. 19. 2008. № 2.

Кубрякова Е.С. К определению понятия имиджа // Вопр. когнитивной лингвистики. 2008. № 1(014).

Лебедев-Любимов А.М. Психология рекламы. Питер, 2002.

Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в Зарубежной Лингвистике. М., 1986 № 17.

Источники

<http://usliberals.about.com> (дата обращения: 10.07.09)

<http://www.nytimes.com> (дата обращения 16.07.09)

<http://www.youtube.com> (дата обращения: 19.07.09)

<http://www.cbsnews.com> (дата обращения: 21.07.09)

КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТОНИ БЛЭРА

Р.Т. Садуов

Ключевые слова: когнитивные нарушения, манипуляция, политический дискурс, Тони Блэр.

Keywords: cognitive impairments, manipulation, political discourse, Tony Blair.

Целью настоящей статьи явилось выделение когнитивных нарушений в политическом дискурсе Тони Блэра и классификация их видов. Данный пласт лексики используется как разновидность приемов манипуляции сознанием, которая, при этом, понимается как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997, с. 59]. Теоретической базой для работы послужили исследования выдающихся социологов, историков и лингвистов, занимающихся проблемами языка и общества. Материалом для исследования стали речи и заявления премьер-министра Великобритании Тони Блэра.

«Когнитивные нарушения» – медицинский термин, обозначающий психические расстройства центральной нервной системы. Являясь

одним из наиболее частых проявлений заболеваний головного мозга, когнитивные нарушения выражаются в когнитивной дисфункции: проблемах памяти, внимания, восприятия [Лечение легких и умеренных когнитивных нарушений, URL]. Австрийский философ и социолог Иван Иллич использует данный термин для обозначения бесформенных и пластичных слов, «не имеющих ясно определенного содержания, контекста и границ», и скрывающих за собой «бесмысленные, беспредметные понятия, затуманивающие понимание» [Шанин, URL]. Подобно одноименным нарушениям функции головного мозга, эти слова препятствуют способности человека мыслить, выстраивать логические цепочки и, как результат, познавать окружающую действительность. «Когнитивные нарушения» – очень точный термин для описания результатов воздействия подобных слов, того, как вместо отражения реальности, эти слова нивелируют связь человека с действительностью.

Другим термином, которым пользовался Иллич для обозначения таких слов, является понятие «слова-амебы». Именно это словосочетание было популяризовано и взято на вооружение многими исследователями, например, С.Г. Кара-Мурзой. Последний пишет о создании нового языка буржуазного общества, противопоставляя его языку «туземному», под которым подразумевается тот язык, «который естественно вырос за века и корнями уходит в толщу культуры данного народа – в отличие от языка, созданного индустриальным обществом и воспринятого идеологией». Туземный язык, «которому ребенок обучался в семье, на улице, на базаре, стал планомерно заменяться «правильным», которому стали обучать платные профессионалы – языком газеты, радио, а теперь телевидение» [Кара-Мурза, URL]. Туземный язык рассматривается им как типичный язык коммуникации между людьми, а «правильный» язык – как односторонний поток информации, направленный на убеждение.

Одним из основных инструментов такого языка, как считает Кара-Мурза, являются те самые слова-амебы, «прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни слова» [Кара-Мурза, URL]. Примерами слов-амеб исследователь считает понятия «демократия», «прогресс», «терроризм», «гуманизм» и многие другие. Их появление он сравнивает с «одной из форм колонизации – собственных народов буржуазным обществом», потому что «слова-амебы сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя, который приобретает размытую универсальность, обладая в то же время очень малым, а то и нулевым содержанием» [Кара-Мурза]. Универсальность этих слов заключается

и в том, что однажды появившись, они очень быстро приобретают интернациональный характер, проникая в языки разных народов.

С помощью слов-амеб индустриальное общество создает свой особый язык, который помещает общество в определенную, характерную среду, из которой сложно выбраться. Достаточно вспомнить характеристику, которую Вильгельм фон Гумбольдт дал языку в целом: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1984, с. 80]. Язык отчасти формирует мировоззрение человека, через него мы воспринимаем мир. Именно поэтому, чтобы успешнее воздействовать на индивида, необходимо изменить сам его язык. Складывается парадоксальная ситуация, когда не власть говорит языком общества, а общество начинает говорить языком власти. И вместе с последним общество воспринимает те идеи, которые при помощи нового языка ему навязываются. В рамках родного языка, первого круга, создается, своего рода, вторичный круг, связывающий человека и формирующий его вторичное мировоззрение. Именно в этом заключается основное когнитивное нарушение: человек познает действительность не через язык, а через опосредованную, вторичную систему знаков, созданную для него профессионалами или «экспертами», по терминологии Иллича.

Отсюда, **когнитивные нарушения** – это абстрактно-смысловой пласт лексики языка, имеющий широкий спектр применения в речи и используемый как средство манипулирования для достижения политических амбиций.

Наблюдение и анализ данного класса лексики позволяют предположить, что существует возможность разделить когнитивные нарушения на **слова-амебы** как таковые и **амебы-усилители**. Термин «амебы-усилители» был предложен в рамках данного исследования, чтобы отразить ранее не выделяемый класс слов, порождающих когнитивные нарушения. Если термин «слова-амебы» охватывает такие понятия, как «демократия», «свобода», «терроризм», то понятия «глобальный», «испытание», «возможность» в данную категорию не входят. При этом перечисленные понятия могут использоваться наряду со «словами-амебами» как самостоятельные термины, либо как термины, определяющие «слова-амебы»:

*The roots of **global** terrorism and extremism are indeed deep* [Blair 2006a].

Представляется, что данные понятия также обладают манипулятивным потенциалом и схожей со «словами-амебами» функцией, и

могут рассматриваться как часть «когнитивных нарушений». Тем не менее, данные слова имеют и ряд отличительных свойств, что не позволяет включить их в ряд «слов-амеб». Поэтому термин «слова-амебы» был намеренно переведен из синонимичного «когнитивным нарушениям» в понятие видовое, чтобы отделить два класса слов – «слова-амебы» и «амебы-усилители» – которые, как видится, входят в разряд когнитивных нарушений.

Поскольку слова-амебы «демократия», «свобода», «терроризм» и др. являются традиционными примерами когнитивных нарушений [Кара-Мурза, URL], особый интерес для рассмотрения представляет ранее не выделяемый класс «амеб-усилителей». Последние являются группой слов в рамках когнитивных нарушений. Данные лексемы перешли из «туземного» языка в язык власти. В тексте они исполняют роль усилителей значения, и, пронизывая полотно связного текста, создают определенную атмосферу речей. В то же время, эти слова полностью или, по крайней мере, частично теряют свое значение и обретают «амебоподобное» состояние.

Так, прилагательное «global» (мировой), часто используемое в речах Блэра, помогает создать иллюзию масштабности происходящего:

We need to construct a global alliance for these global values; and act through it [Blair, 2006b].

В самом деле, «global» встречается практически во всех выступлениях политика и является определением ко всем значимым понятиям, большинство из которых, при этом, являются «словами-амебами»:

*The roots of **global** terrorism and extremism are indeed deep* [Blair, 2006a].

«Challenge» (испытание) – еще одно понятие, попадающее в класс амеб-усилителей:

*Such people are broad-minded: they thrive on curiosity about the next idea; they welcome the **challenge** of an open world* [Blair, 2007f].

*Despite the multiple **challenges** we face in the world today, I am optimistic* [Blair, 2007c].

Английское «challenge» чаще всего используется в первом своем значении, в значении «испытание» [LDCE]. Тем не менее, о каких конкретно испытаниях идет речь не уточняется, да и само слово употребляется так часто и так широко, что уловить его конкретное наполнение фактически невозможно:

*The **challenge** today is to make the employee powerful, not in conflict with the employer but in terms of their marketability in the modern workforce* [Blair, 2007c].

*The threat we face is not conventional. It is a **challenge** of a different nature from anything the world has faced before [Blair, 2004].*

Точно так же непонятно, о каких конкретно возможностях (opportunities) идет речь в следующем примере, где «opportunity» лишено фактического смысла:

*The terrorists know that if Iraq and Afghanistan survive their assault, come through their travails, seize **the opportunity** the future offers, then those countries will stand not just as nations liberated from oppression, but as a lesson to humankind everywhere and a profound antidote to the poison of religious extremism [Blair, 2004].*

В своих речах Тони Блэр пытается показать динамику, движение вперед и использует для этого соответствующую лексику. Так, «change» подразумевает какие-то перемены, однако, снова не всегда ясно, какие именно. Предполагается, правда, что эти перемены всегда направлены на улучшение данных обстоятельств:

*I don't think Northern Ireland would have been **changed** unless Britain had **changed**, or the Olympics won if we were still the Britain of 1997 [Blair, 2007i].*

*Now these **changes** are better known to many of you than to me, and they are obvious [Blair, 2007h].*

Основное отличие «амеб-усилителей» от «слов-амеб» как таковых состоит в том, что последние не имеют денотата [Кара-Мурза, URL], то есть «предмета, обозначаемого собственным именем некоторого языка, или класса предметов, обозначаемых общим (нарицательным) именем» [Словари и энциклопедии на Академике, URL].

«Амебы-усилители» – это куда более подвижный класс слов, поскольку в качестве «амеб» его представители используются только в определенных контекстах, когда употребляются с соответствующей целью. В то время как в «туземном» языке они имеют свой денотат, то есть вполне конкретное значение. Рассмотрим соответствующие примеры «туземного» употребления амеб-усилителей:

*So, I taught him to **change** the fuse [Gwynedd County Council Corpus, URL].*

*The effects of these depletions on the **global** ozone budget and the possibility of similar massive ozone reductions occurring over the Arctic are of prime interest [Nature London: Macmillan Magazines Ltd: 1993, URL].*

Приведенные случаи словоупотребления «change» и «global» показывают, насколько конкретное значение могут иметь эти слова в языке. В первом примере имеет место не какая-то неясная перемена к лучшему, как в речах Блэра, а вполне осязаемая замена чего-либо

(change the fuse). В случае с «global» речь идет об уменьшении озонового слоя по всему земному шару, что так же является весьма типичным значением этого слова, в отличие от не всегда внятных «мировых» угроз, например, терроризма у Блэра:

*The roots of **global terrorism** and extremism are indeed deep* [Blair 2006a].

Еще одним отличием двух разновидностей когнитивных нарушений является тот факт, что пластичность слов-амеб и их смысловая безграничность порождают множественность толкований таких понятий. Так, традиционно приводимое в качестве примера когнитивных нарушений понятие «democrasy» в политологической науке имеет целый ряд толкований (мажоритарная, партисипаторная, плюралистическая, элитарная и другие теории). В отличие от слов-амеб, амебы-усилители привлекают к себе гораздо меньше внимания. Их определения сравнительно просты и не служат предметом жарких споров и дискуссий. Как видно было из примеров выше, значение амеб-усилителей уловить сложно, но никто не собирается спорить по поводу того, что конкретно подразумевает под собой, например, «challenge» или «orrogunity».

В целом, несмотря на все свои отличия друг от друга, слова-амебы как таковые и амебы-усилители очень схожи по природе (и те, и другие абстрактны по отношению к действительности, обладают широким, «размытым» значением) и по функциям: обе разновидности направлены на создание альтернативной действительности, используются как средства манипуляции.

В итоге, взаимное соотношение обоих типов когнитивных нарушений представляется возможным представить в виде таблицы:

Когнитивные нарушения	
«Слова-амебы»	«Амебы-усилители»
В высшей степени абстрактны, хотя могут отражать часть действительности.	Могут быть конкретными и абстрактными в зависимости от контекста.
Используются в «правильном» языке, созданном экспертами, и часто переходят в «туземный» язык, подменяя конкретику, свойственную последнему, абстрактным наполнением.	Изначально используются в «туземном» языке для обозначения конкретных понятий. Часто переходят в «правильный» язык, созданный экспертами, теряя свое конкретное наполнение.
Обладают сложной семантической	Обладают сравнительно простой

структурой. Имеют множественность толкований.	семантической структурой.
Одинаково используются как средство манипуляции в едином контексте.	

Таким образом, когнитивные нарушения – это средство манипулирования, основанное на изменении качества самого языка слушающей аудитории, когда порождаемые в политических речах аморфные понятия легко входят в обиход и умаляют богатство языка. Будучи мощным средством воздействия на общественное сознание, все более трудно выделяемые в языке и все более сливающиеся с языком когнитивные нарушения могут быть в большом числе найдены в дискурсе Блэра. Представляется, что во многом благодаря использованию данного средства манипулирования, Блэру удастся завладеть аудиторией и убедить ее в правоте своих доводов.

В настоящей статье представлена классификация видов когнитивных нарушений, предполагающая выделение подклассов «слова-амебы» и «амебы-усилители». Представляется, что данные результаты являются очередным шагом в изучении способов манипуляции сознанием и могут использоваться для дальнейших разработок в области политических технологий, связей с общественностью, спичрайтинга; способствовать пониманию механизмов манипулятивного воздействия на сознание.

Литература

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/67>.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 1997.
- Иллич И. Пропорциональность и современный мир (Фрагменты из работ разных лет) // Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eusi.ru/lib/illic_osvobogdenie_ot_skol/prop.shtml.
- Кара-Мурза С.Г. Велик русский язык, а отступать некуда. [Электронный ресурс]. URL: <http://magnum-dag.ucoz.ru/publ/5-1-0-29>.
- Лечение легких и умеренных когнитивных нарушений // Русский медицинский журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://rmj.ru/articles_4546.htm.
- Шанин Т. Иван Иллич – человек на все времена // Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. [Электронный ресурс]. URL: http://eusi.ru/lib/illic_osvobogdenie_ot_skol/index.shtml.
- Blair T. Prime Minister warns of continuing global terror threat. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://number10.gov.uk/Page5461>.
- Blair T. «Clash about civilizations» speech. 2006a. [Электронный ресурс]. URL: <http://number10.gov.uk/Page9224>.

- Blair T. Global alliance for global values speech. 2006b. [Электронный ресурс]. URL: <http://number-10.gov.uk/output/Page9245.asp>.
- Blair T. Speech at Davos. 2007c. [Электронный ресурс]. URL: <http://number10.gov.uk/output/Page10858.asp>.
- Blair T. Cultural speech at Tate Modern. 2007f. [Электронный ресурс]. URL: <http://number10.gov.uk/output/Page11166.asp>.
- Blair T. Our Nation's Future - Public Life. 2007h. [Электронный ресурс]. URL: <http://number10.gov.uk/Page11923>.
- Blair T. Resignation speech. 2007i. [Электронный ресурс]. URL: <http://uksbd.co.uk>.
- Gwynedd County Council Corpus. // British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <http://natcorp.ox.ac.uk>.
- London : Macmillan Magazines Ltd, 1993 // British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <http://natcorp.ox.ac.uk>.

СИСТЕМОЦЕНТРИСТСКАЯ И АНТРОПОЦЕНТРИСТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ

Н.В. Цепелева

Ключевые слова: семантическое поле, ассоциативно-смысловое поле, метаязыковое поле, синонимы.

Key words: semantic field, associative-semantic field, metalinguistic field, synonyms.

В современной лингвистике широкое распространение получил полевой метод изучения языка. В последнее время появилось большое количество исследований, посвященных изучению лексической системы, в которых лексико-семантическое поле, с одной стороны, рассматривается в качестве языкового феномена, и, с другой стороны, в качестве исследовательского метода. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы представить фрагмент описания лексики с помощью сопоставительного анализа семантического (СП), ассоциативно-смыслового (АСП) и метаязыкового полей (МП). Решение поставленной задачи осуществляется на основе рассмотрения каждого из обозначенных понятий в двух аспектах – онтологическом и гносеологическом.

Понятие СП было в свое время введено в лингвистический обиход в связи с задачей системной организации лексики [Падучева, 2001, с. 23]. Определение СП в языкознании разрабатывали многие лингвисты.

ты (И.М. Кобозева, М.А. Кронгауз, А.А. Уфимцева, В.Г. Щур и др.). В своем исследовании мы придерживаемся определения семантического поля, данного И.М. Кобозевой: СП – объединенная общностью содержания совокупность языковых единиц, отражающая понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кобозева, 2000].

Построение СП осуществляется на основе данных толковых и синонимических словарей. Обоснование системной модели лексем ведется с учетом экспликации предмета их дефиниции, а также формирования списка близких по значению слов. Содержание полученных СП некоторого состава слов сопоставляется с содержанием АСП и МП, образуемых на основе того же состава слов.

Понятия АСП и МП связаны с антропоцентристским направлением в лингвистике, регламентирующим иной подход к моделированию языковой системы. Если представители системной лингвистики оперируют языковыми фактами, взятыми в отвлечении от носителей языка, то для представителей антропоцентристского направления главным становится исследование показаний языкового сознания носителей языка. Поэтому построение АСП и МП, по сравнению с СП, является принципиально иным способом моделирования языко-речевой материи, опирающимся на ее психологическую составляющую. Вместе с тем, сопоставление фрагментов лексико-семантической системы, моделируемых на различных основаниях в рамках системоцентристского и антропоцентристского подходов, позволит создать более целостную картину языкового представления изучаемого фрагмента, а также приблизиться к решению проблемы определения семантического / ассоциативного расстояния между синонимами с диффузной семантикой, которые в данной статье являются конкретным объектом семантического анализа.

Исследование предполагает поэтапный анализ полей лексем в следующей последовательности: СП – АСП – МП. В заключительной части статьи приводятся сопоставительные данные по анализу трех различных полей лексем и на их основании делается вывод о возможности создания интегральной модели синонимической сети. Под синонимической сетью в данном случае мы, вслед за А.А. Шумиловой, понимаем группу синонимов, имеющую общие и пересекающиеся семы с членами других синонимических рядов [Шумилова, 2009]. Материалом для анализа послужила группа синонимов с диффузной семантикой «ловкач – проныра – пройдоха».

Обратимся к первому этапу исследования – построению и анализу СП лексем. Для этого на основании данных толковых словарей построим таблицу дефиниций трех лексем (см. таблицу 1).

Таблица 1. Толкование лексем «ловкач – проныра – пройдоха»

	Ловкач (разг.)	Проныра (разг.)	Пройдоха (разг.)
1. С.И. Ожегов (СО)	Ловкий (во 2 знач.), пронырливый человек.	Пронырливый человек.	Пронырливый, жуликоватый человек.
2. В.И. Даль (СД)	Ловкий, бойкий, расторопный, годный на все, мошеник. Ухватливый, ослышав в движении, умеющий взяться за дело, изворотливый, оборотливый, проворный;	Быть пронырливым, промышлять пронырством, быть пронырой, пролазничать, заниматься происками, затряпым и самымным искуством, быть проломом, пропихом, пройдохой, строить козни, каверлы.	-
3. Д.И. Ушаков (СУ)	Фам. ловкий, предприимчивый человек, умеющий хорошо устроить свои дела.	Фам., пренебр. Пронырливый человек, пройдоха, пролаза.	Простореч. негодобрит. Пронырливый, затряп, жуликоватый человек.
4. Т.Ф. Ефремова (СЕ)	2. Умеющий находить выход из трудного положения, изворотливый человек.	Тот, кто ловок, пронырлив, пройдоха.	Смех. Тот, кто пронырлив, плутоват, проныра.
5. МАС	Ловкий, изворотливый человек.	Пронырливый человек, ловкач.	-

Из таблицы 1 видно, что отобранные для анализа лексемы во всех словарях представлены как однозначные. Исключение составляет СД, СЕ (расшифровка сокращений содержится в таблице 1), которые включают следующие лексико-семантические варианты по отношению к лексеме «ловкач»: СД – о вещи: сручный, удобный в деле; СЕ – искусный в движениях, обладающий хорошей сноровкой человек. Анализируемые лексемы являются разговорными. Обращают на себя внимание данные СУ, в котором лексемам приписана стилистическая помета «фамильярное». Кроме того, указано, что лексема «проныра» имеет пренебрежительную окраску, а «пройдоха» – неодобрительную.

Анализ материалов толковых словарей показал, что свойство «пронырливости» употребляемо как по отношению к «проныре», так и по отношению «к пройдохе» (СО, СУ, СЕ, МАС). По данным СО, пронырливость свойственна также *ловкому человеку*. Обозначение человека «ловкачом» предполагает наличие в характере *ловкости* (СО, СД, СУ, МАС), *изворотливости* (СД, СЕ, МАС). Характерной чертой «пройдохи» является *жуликоватость* (СО, СУ). Наблюдается семантическое сближение лексем на основе пересечения двух главных свойств. По свойству «ловкости» происходит сближение лексем «ловкач – проныра», по свойству «пронырливости» наиболее близки лексемы «проныра» – «пройдоха», хотя в определенной мере данное свойство характерно для трех анализируемых лексем. Оставшиеся примеры (см. СД, СУ, СЕ) подтверждают сигнификативные особенности каждой лексемы (см. таблицу 1, п. 2, 3, 4).

В итоге схематично на основании толкования лексем отношения между ними можно выстроить следующим образом: *ловкач (?) проныра* = *пройдоха* (по материалам толковых словарей); *проныра* = *ловкач* = *пройдоха* (по материалам словарей синонимов). Подтвердятся ли полученные наблюдения в АСП и МП, покажут результаты второго этапа исследования, посвященного АСП лексем.

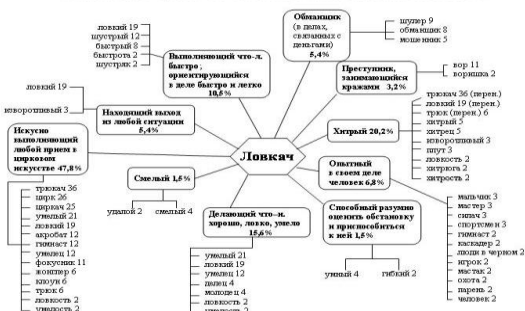
Исследование АСП напрямую связано с антропоцентристским направлением в лингвистике. АСП представляет собой совокупность значимого пласта ассоциаций, отражающих сознание человека, позволяющих выстроить ассоциативную модель языка. Наше АСП было получено в результате анализа данных, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента (САЭ).

В САЭ участвовало более 400 человек различного возраста и уровня образования. Стимульным материалом для эксперимента послужили 150 синонимов с диффузной (семантически размытой – прим. автора) семантикой. САЭ проводился в 3 этапа: испытуемым с продолжительностью в 2-3 дня поочередно предъявлялись 3 группы стимулов (по 50 слов), на которые его участники писали ассоциацию, т.е. слово, пришедшее в голову первым. САЭ проводился в лабораторных условиях и позволил получить более 60000 реакций. Методика обработки полученных ассоциативных полей (АП) включает количественно-качественный анализ каждой из ассоциаций. На первом этапе осуществляется выделение смысловых зон, или лексико-семантических групп, по которым ассоциации распределяются в АП. Для этого ассоциации, имеющие в значении общий семантический компонент, объединяются в одну лексико-семантическую группу (ЛСГ). Образованная ЛСГ получает условное обозначение в соответствии с выделенным обобщенным семантическим компонентом. Стоит отметить, что ввиду полисемантности некоторых из ассоциаций, они одновременно включались в разные ЛСГ. В дальнейшем посредством статистического метода выявляются корреляции между ЛСГ лексем «ловкач – проныра – пройдоха», определяются ассоциативные связи синонимов. Данный этап исследования проводится путем анализа количественных показателей каждой из ЛСГ. Полученные результаты сопоставляются между ЛСГ 3-х анализируемых слов. Выделенные смысловые зоны, или ЛСГ, отражены в схемах 2, 3, 4 (см. ниже). Отметим, что АСП любой лексемы условно поделено на несколько зон. Ядерную зону составляет ЛСГ с наибольшим процентным индексом. Зону ближней периферии образует ЛСГ с количественным показателем от 10-40%. Зона дальней периферии включает ЛСГ от 1 до 10%.

Что касается ЛСГ лексемы «Ловкач», то в представленном АСП наиболее ярко выделяется ЛСГ «Искусно выполняющий любой цирковой прием в цирковом искусстве» (47,8% от общего количества ассоциаций). В зону ближней периферии вошли ЛСГ «Хитрый»

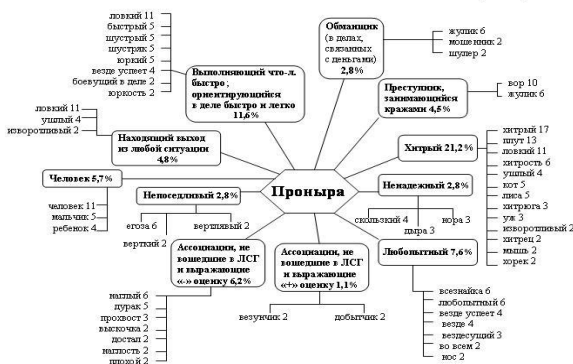
(20,2%), «Делающий что-н. хорошо, ловко, умело» (15,6%), «Выполняющий что-л. быстро; ориентирующийся в деле быстро и легко» (10,5%). Зону дальней периферии образовали остальные ЛСГ (см. схему 2).

Схема 2. Ассоциативно-смысловое поле лексемы «Ловкач»

В АСП лексемы «Проньера» в ядерную зону не попала ни одна ЛСГ (см. схему 3). Зону ближней периферии составили ЛСГ «Хитрый» (21,2%), «Выполняющий что-л. быстро; ориентирующийся в деле быстро и легко» (11,6%).

Схема 3. Ассоциативно-смысловое поле лексемы «Проньера»

В АСП лексемы «Пройдоха» наблюдается сходная картина: отсутствие ярко выраженной ядерной зоны дополняется наличием разви-

той периферии (см. схему 4). Ближняя периферия включает ЛСГ «Обманщик» (20,7%), «Хитрый» (19%).

Схема 4. Ассоциативно-смысловое поле лексемы «Пройдоха»

Соотнесем выделенные в АСП зоны ядерной, ближней и дальней периферий ЛСГ трех лексем. На уровне ближней периферии ассоциативно сближаются лексемы «ловкач» и «проныра». Зоной сближения является ЛСГ «находящий выход из любой ситуации» (5,4% и 4,8% соответственно), «выполняющий что-л. быстро; ориентирующийся в деле быстро и легко» (10,5% и 11,6%). АСП трех лексем включают общую ЛСГ «Хитрый» (20,2%, 21,2%, 19% соответственно). С учетом сравнения процентного индекса совпадающих ЛСГ в АСП трех лексем и выбором ЛСГ с наибольшим индексом¹, дефиниции каждой из анализируемых лексем выглядят следующим образом.

«Ловкач»:

1. Человек, искусно выполняющий любой прием в цирковом искусстве.

1. Человек, искусно выполняющий любой прием в цирковом искусстве (47,8%).

2. Делает что-л. хорошо, ловко, умело (15,6%).

3. Выполняет, ориентируется в деле быстро и легко (10,5%).

4. Опытный в своем деле (6,8%).

¹ Из трех одинаковых ЛСГ в дефиницию включается ЛСГ с наибольшим процентным индексом. Если разница процентного соотношения между ЛСГ составляет 1,3 и менее единиц, то в дефиницию лексемы включается каждая из ЛСГ.

5. Способен разумно оценить обстановку и приспособиться к ней (1,5%).

6. Смелый (1,5%).

II. Хитрый (перен.).

1. Хитрый (перен.) (20,2%).

2. Найдет выход из любой ситуации (5,4%).

«Проныра»:

1. Хитрый (21,2%).

2. Выполняет, ориентируется в деле быстро и легко (11,6%).

3. Любопытный (7,6%).

4. Вызывает отрицательную оценку (6,2%).

5. Человек разных возрастов (от ребенка до взрослого) (5,7%).

6. Найдет выход из любой ситуации (4,8%).

7. Ненадежный (2,8%).

«Пройдоха»:

I. Обманщик (в делах, связанных с деньгами).

1. Обманщик (в делах с деньгами) (20,7%).

2. Человек разных возрастов (от ребенка до взрослого) (8,8%).

3. Преступник, занимающийся кражами (6,9%).

4. Разболтанный (5,2%).

5. Негодяй, неряшливый, вызывает отрицательную оценку (по 3% на каждое определение).

6. Малосообразительный (2,8%).

7. Непоседливый (1,1%).

II. Хитрый (19%).

В итоге на основании АСП лексем (ядерной и периферийной зон ЛСГ) отношения между ними отражают следующие схемы. По свойству «хитрости» *ловкач* < *проныра* > *пройдоха* (ср. согласно данным словарей синонимов самым хитрым является *пройдоха*!), по свойству «быстрого и легкого выполнения, а также ориентировки в делах» *ловкач* < *проныра* > *пройдоха*.

Обратимся к третьему этапу исследования – анализу метаязыковой модели языка. Метаязыковое рефлексирование, отличающееся спонтанностью, интуитивностью, образностью, поэтичностью, представляет собой один из видов закрепления в языке той картины мира, которая содержится в обыденном сознании людей [Глотова, 2003, с. 28]. Методика исследования метаязыкового компонента включает анализ результатов метаязыкового эксперимента (МЭ), процедура проведения которого состояла в следующем. Участникам МЭ была предложена анкета с 8 группами слов (по 3 слова в каждой группе), исполь-

зованных ранее для проведения САЭ. Формулировка задания звучала следующим образом: «Напишите, в чем, по-вашему, сходство и различие между следующими группами слов?». Средний возраст испытуемых составил 20 лет (студенты филологического факультета). Всего в МЭ приняло участие 76 человек. Полученные текстовые дефиниции подверглись обработке. Методом сплошной выборки из каждой дефиниции были отобраны ключевые слова, которые образовали аналогичную в САЭ ЛСГ лексем. Результаты МЭ представлены в схемах 5, 6, 7 (см. ниже). Обратимся к анализу метаязыковых полей (МП) трех лексем.

Данные МП лексемы «Ловкач» (см. схему 5) показывают, что в обыденном сознании человека «ловкачом» является человек, который посредством хитрости в любом деле ориентируется быстро и легко. При этом ему сопутствует удача и успех. Стоит отметить, что данное слово вызывает положительные эмоции и является общеупотребительным, разговорным.

Схема 5. Метаязыковое поле лексемы «Ловкач»

МП лексемы «Проныра» отражает несколько иную картину (см. схему 6). «Пронырой» является человек пробивной, хитрый, любопытный, ловкий, гибкий. Однако, в отличие от «ловкача», «проныра» вызывает отрицательные эмоции. Данное слово, по мнению испытуемых, относится к разговорной сфере употребления.

Схема 6. Метаязыковое поле лексемы «Проныра»

В наивной картине мира реципиентов «Пройдоха» – это, с одной стороны, бездельник, невезучий, неловкий человек, а с другой стороны, хитрый человек, проходимец (см. схему 7).

Схема 7. Метаязыковое поле лексемы «Пройдоха»

Данная лексема имеет наиболее ярко выраженную отрицательную окраску и также является разговорной.

В итоге на основании МП лексем отношения между ними схематично можно выстроить следующим образом. По свойству «хитрости» *ловкач* < *проныра* > *пройдоха*. Данные схемы МП относительно свойства «хитрости» совпали, как видно, с данными схемы АСП. Стоит отметить, что согласно данным словарей синонимов самым хитрым является все-таки *пройдоха*. По свойству «ловкости» *ловкач* > *проныра*

≠ *пройдоха*, по выражению негативной окраски *ловкач* ≠ *проныра* < *пройдоха*.

В результате проведенного анализа обнаружены корреляции между системной, ассоциативной и метаязыковой моделью трех лексем (СМ, АМ, ММ). Говоря о полевых моделях лексемы «ловкач», стоит отметить, что сходство между ними состоит в том, что все они описывают человека, *быстро и легко ориентирующегося в любом деле*. В СМ и АМ перед нами *бойкий и расторопный человек*. Кроме того, в СМ «ловкач» предстает, с одной стороны, *предприимчивым человеком*, а с другой – *мошенником*. АМ дополняет СМ и ММ и вносит новые смысловые зоны в дефиницию данной лексемы. Наиболее ярко она представлена в ЛСГ «человек, искусно выполняющий любой прием в цирковом искусстве». Присущее «ловкачу» свойство «хитрости» следует отметить особо. Оно представлено как в АМ, так и ММ. Однако подчеркнем, что данное свойство для «ловкача» является вторичным. «Ловкач» – не обязательно хитрый человек. Свойство «хитрости», по результатам экспериментов, он может использовать для более быстрого достижения своих целей. ММ дополняет СМ и АМ анализируемой лексемы свойством «удачливости».

Что касается лексемы «Проныра», то во всех трех моделях отмечено свойство «хитрости» *проныры*. АМ и ММ объединяют общие свойства «ловкости» и «любопытности», присущие пронырливому человеку. СМ фиксирует в «проныре» человека с *коварными умыслами*. В АМ «пронырливый» значит *легко ориентирующийся в любом деле, ненадежный человек, который найдет выход из любой ситуации*. ММ дополняет предыдущие модели, характеризуя «проныру» как человека *гибкого и пробивного*.

Анализ моделей третьей лексемы – «Пройдоха» – позволил выделить общее свойство «хитрости», присущее такому человеку. СМ дополнила характеристику «пройдохи» свойством «плутватости», АМ, соответственно, свойством «лживости». «Пройдоха» в АМ – *преступник, негодяй, разболтанный и неряшливый человек*. «Пройдоха» в ММ – *бездельник, проходимец, невезучий, неловкий человек*.

Проведенное исследование открывает реальные перспективы для создания целостной языковой картины мира на основе системоцентристской и антропоцентристской моделей языка при изучении синонимической сети, а также выводит проблему определения семантического/ассоциативного расстояния между словами-синонимами на новый уровень решения, неразрывно связанный с качественно-количественными исследованиями.

Литература

- Глотова Н.Б. Семантизация мотивированных слов носителями языка : дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.
- Падучева Е.В. К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
- Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка) : дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2009.
- Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М. ; Л., 1974.

Словари

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.
- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9 000 синонимических рядов. М., 1986.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: [http:// vidahl.agava.ru/](http://vidahl.agava.ru/).
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: [http:// efremova.info/word/](http://efremova.info/word/).
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2004.
- Словарь синонимов русского языка. М., 2007.
- Словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1999.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: [http:// slovari.yandex.ru/dict/ushakov/](http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/).

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Конференция «Теория и практика обучения иностранному языку в ситуации культурной полифонии» кафедры иностранных языков для специального обучения филологического факультета

24 марта 2010 года кафедра иностранных языков для специального обучения филологического факультета АлтГУ провела 3-ю Всероссийскую научно-практическую конференцию «Теория и практика обучения иностранному языку в ситуации культурной полифонии». В работе конференции приняли участие специалисты в области изучения и преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации из Барнаула (Алтайский государственный университет, Алтайский государственный технический университет, Алтайская государственная педагогическая академия, ЛИИН), Бийска, Ишима, Казани, Лесосибирска и Саратова. В качестве гостей на конференции присутствовали преподаватели языкового центра «Виктория» и Каменского филиала АлтГУ. В обсуждении проблем преподавания иностранных языков приняли активное участие не только преподаватели высшей школы, но и учителя гимназий, лицеев, преподающие иностранные языки в школах Алтайского края. На пленарном заседании были заслушаны доклады к.ф.н., доц. В.Н. Карпухиной «Аксиологический аспект автоперевода художественного текста», к.ф.н., доц. С.А. Осокиной «Роль тезаурусных конструкций в формировании пространственной картины мира», к.ф.н., доц. Е.А. Савочкиной «Дискурсивные практики агрессивного религиозного дискурса (на материале электронных ресурсов «Сторожевая башня»)».

Работа конференции проходила по трем направлениям. На секции 1 «Методические аспекты преподавания иностранного языка» (руководитель секции – ст.преп. С.А. Зиновьева) были рассмотрены проблемы использования аутентичных материалов (в том числе видеоматериалов) и ролевой игры в процессе обучения иностранному языку, возможности формирования компенсаторных умений в письменной речи на иностранном языке у студентов неязыкового вуза, а также некоторые аспекты самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка.

На секции 2 «Лингвистические основы преподавания иностранного языка» (руководитель секции – к.ф.н., доц. В.Н. Карпухина) активно обсуждались проблемы исследования факторного варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе, перевода как эффективной технологии форми-

рования языковых компетенций у школьников младших классов, проблемы лексической и грамматической семантики в современном немецком и английском языках.

Участники секции 3 «Полилог культур и цивилизаций» (руководитель секции – к.ф.н., доц. А.А. Рубченко) с интересом обсудили проблемы поликультурности как фактора организации образовательного пространства, проблемы разнообразных стереотипов межкультурной коммуникации, лингвокультурологические особенности англоязычных концептов и возможности развития межкультурной компетенции студентов, изучающих английский язык как второй иностранный.

В заключение работы научно-практической конференции была отмечена успешная и плодотворная работа секций по всем направлениям в рамках рассмотренной проблематики. Планируется издание сборника статей по материалам конференции.

В.Н. Карпухина

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.Н. Басовская. Меч обоюдоострый : идея «чистоты языка» в советской и антисоветской пропаганде (по материалам советской периодики и парижского журнала «Русская речь» 1958–1963 гг.).

E.N. Basovskaya.

М.А. Телятник. Фельетон Леонида Андреева о спектакле по пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак» в Русском драматическом театре (театре Корша). Фельетон Л. Н. Андреева о спектакле по пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак» впервые был опубликован в «Курьере» (1900, 17 сентября) в цикле «Москва. Мелочи жизни». Однако андреевская интерпретация образа Сирано заметно отличается от горьковской. Сирано де Бержерак для Андреева – отнюдь не историческое лицо; он, скорее, яркое выражение типа романтического героя-одиночки, вступающего в борьбу с условностями и предрассудками общества и всегда обреченного на гибель. Мужество, верность долгу, благородство – вот что становится для Андреева символом этого героя Ростана.

M.A. Telyatnik. L. N. Andreev's Pamphlet on Rostand's play «Cyrano de Bergerac» staged by the Russian Drama Theatre (the Korsh Theatre). L.N. Andreev's pamphlet on Rostand's «Cyrano de Bergerac» staging was first published in «The Courier» on the 17 September 1900 in the column «Moscow. Trifles of Life». However, L.N. Andreev's interpretation of Cyrano's image markedly differs from that of M. Gorky's. For Andreev, Cyrano de Bergerac is far from being a historical personality, he is rather a striking personification of a romantic hero fighting alone with the conventionalities and prejudices of the society, who is always doomed to death. Courage, faith, duty and generosity become for L.N. Andreev the characteristic features of Rostand's hero.

П.А. Ковалев. Концептуалистская версия поэтического текста Дмитрия Пригова. Статья посвящена анализу структурных особенностей поэтического текста Дмитрия Пригова. Используемая поэтом эстетика концептуализма изменяет представления о форме и содержании стихотворного произведения.

P.A. Kovalev. Article is devoted the analysis of structural features of the poetic text of Dmitri Prigov. The aesthetics used by the poet conceptualism changes representations about a form and content of poetic product.

И.Б. Казакова. Предел познания в философской лирике У.Вордсворта. Статья посвящена сопоставлению воззрений английского романтика У.Вордсворта с философской системой неоплатонизма. Особое внимание уделяется анализу неоплатонических элементов в стихотворении Вордсворта «Тинтернское аббатство».

I.B. Kazakova. Limit of Cognition in the Wordsworth's Philosophic Poetry. The article is devoted to the comparison of English romanticist W. Wordsworth's views with Neoplatonic philosophy. Special consideration is given the analyses of Neoplatonic elements in the Wordsworth's poem «Tintern Abbey».

Л.В. Чалова. Предпосылки возникновения и развития детской литературы в Великобритании. В статье рассматриваются исторические и социальные процессы, способствующие появлению литературы для детей и популярные ее жанры на фоне краткой истории Великобритании.

L.V. Chalova. Prerequisite of Origination and Development of Literature for Children in Great Britain. The historical and social prerequisites for origination of literature for children and its popular genres on the background of Great Britain History are viewed in this article.

Н.М. Киндикова. Судьба репрессированных писателей Алтая : новое прочтение и осмысление.

N.M. Kindikova.

Н.В. Панченко. Элокутивная стратегия композиционного построения текста (на материале современной русской прозы). Элокутивная стратегия композиционного построения текста может быть реализована в рамках тропического, фигуративного и композиционно-речевого направлений. Результатом дискурсивной актуализации в соответствии с данной стратегией становятся композиционные варианты, трансформирующие текстовый материал в пределах замкнутой текстовой конструкции.

N.V. Panchenko. Elocutive Strategy of Compositional Text Structure (in modern Russian prose). Elocutive strategy of compositional text structure can be realized within the framework of tropeic, figurative and compositional speech trends. Compositional variants that transform text material in exclusive text structure are the results of discourse actualization according to the following strategy.

Н.В. Орлова. Об «искусственности» языка школьных сочинений. В статье обсуждаются факторы, обуславливающие восприятие письменной речи школьников как искусственного языка. Проблема рассматривается в онтогенетическом и социокультурном аспектах. Автор показывает, что главной причиной дефектов стиля школьных сочинений является опережающее развитие коммуникативно-риторических компетенций по отношению к когнитивным.

N.V. Orlova. On the Affectation of the Composition Language. The article deals with the factors over which the pupil's written speech is perceived as an artifi-

cial language. The ontogenetic and sociocultural aspects of the issue are being considered. It is shown the main reason of pupil's composition style defects which is apprehended as an anticipatory development of communicative and rhetorical competences toward cognitive competences.

Е.С. Мучкина. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов. В статье описываются этнические стереотипы, их свойства и механизмы формирования. Рассматривается деление этностереотипов на авто- и гетеростереотипы и проблема их репрезентации в языке. Особое внимание уделяется этнонимам как единицам, фиксирующим в языке стереотипные представления о своих и чужих этнических группах.

E.S. Muchkina. Ethnic Stereotypes and their Reflection in the Meaning of Ethnonyms. The article deals with ethnic stereotypes, their functions, characteristics, peculiarities of formation and their division into heterostereotypes and autostereotypes. The paper pays special attention to ethnonyms as lingual units that reflect stereotypic notions about ethnic groups.

В.Д. Максимов. Количественные отношения в акустической картине мира. Авторы художественных произведений, описывая звуковые процессы, стараются избегать цифр и имен числительных. Но количественное содержание находит свое отображение в тексте через отбор фононимов и специальных контекстуальных средств выражения квантитативности.

V.D. Maximov. The Quantitative Relations in the Acoustic Picture of the World. Fiction authors avoid numerals and figures: they prefer verbal units to digital signs. Nevertheless the quantity factor threads its way into the structure and meaning of phononyms and utterances with the meaning of acoustic perception. This article demonstrates the ways of cooperation between phononyms and contextual means in the manifestation of quantitative content.

Е.О. Менджеричкая. Роль непредикативных конструкций в синтаксической организации дискурса. В статье анализируется роль парцелированных непредикативных конструкций как универсального явления в художественной литературе и публицистике на английском и русском языках с точки зрения когнитивного синтаксиса. При этом и художественная литература, и публицистика рассматриваются как типы дискурса, и предлагается авторское определение дискурса.

E.O. Mendzheritskaya. Non-Predicative Constructions and their Role in Discourse Syntactic Organization. The present paper considers the role of non-predicative parcellated constructions as a universal means in fiction and journalism in English and Russian in terms of cognitive syntax. In this case both fiction and journalism are treated as the types of discourse and the author introduces her own definition of discourse.

Н.В. Пятаева. К проблеме выделения и квалификации генетической парадигмы как единицы системного динамического исследования лексики русского языка.

N.V. Pyataeva. To the Problem of Identification and Qualification of a Genetic Paradigm as a Unit of Systemic Dynamic Research of the Lexicon of Russian. In article the problems of diachronic description of lexico-semantic system of Russian from Common Slavonic's up to the modern state on the basis of research of genetically close lexicon united in derivational, root and etymological families are considered. The author proves the opportunity and necessity of distinguishing of a new complex lexical unit – a genetic paradigm in the structure of which etymological family of words on the basis of a genetic generality and semantic relations of their components are united.

Э.Б. Тахмезова. Гоголь в зеркале речевой культуры первой половины XIX века.

Современные речевые проблемы, заботливое отношение Н.В. Гоголя к русскому языку требуют всеобщего внимания, поскольку связаны с общей культурой человека. В данной статье дается попытка проанализировать использование разнообразных жаргонизмов в произведениях Н.В. Гоголя.

E.B. Takmesova. N.V. Qoqol in a Mirror of Speech Culture of First Half XIX of Century. The modern speech problems, careful attitude (relation) N.V. Qoqol to Russian require(demand) general attention, as are connected to general(common) culture of the man. In given clause the attempt is given to analyse use various slangs in products N.V. Qoqol.

Е.А. Дубеник. Литературные ассоциации в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»: типология приемов создания (цитаты, реминисценции, аллюзии). В статье представлены результаты изучения приемов создания ассоциативности в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». В ходе исследования выявлены и проанализированы цитаты, реминисценции, аллюзии встречающиеся в тексте романа, созданы классификации. Исследование позволяет сделать вывод о своеобразии поэтики романа «Бесы»: языковая стихия которого представляет собой единство публицистического, художественного и притчевого (библейского) стилей; жанр романа обладает чертами памфлета и притчи; сюжет строится в трех плоскостях: временное, событийное, вечное; в тексте произведения органично взаимодействуют три рода литературы: эпос, лирика, драма; в нем гармонично сосуществуют черты различных литературных эпох: средневековья, классицизма, романтизма, реализма. Все перечисленные особенности поэтики центрального романа Великого Пятикнижия свидетельствуют о возрождении закона обратной перспективы, характерного для искусства Древней Руси, позволяющего изображать детали соразмерно их значимости, лишая полотно или текст единой точки восприятия, эмансипирую его на всех уровнях. Реализация данного закона становится возможной во многом и благодаря синтезу в романе различных литературных традиций.

E.A. Dubenik. The literary associations in the novel «Besy». This article represents the role of literary associations in the novel “Besy” written by F.M. Dostoyevsky. The peculiarity of the writer’s style is the richness of the associative rows recreated by a reader’s consciousness while getting acquainted with the system of the images and the plot of the novel. The article demonstrates the classification of the techniques of creating the associations with examples and their analysis. The author makes a conclusion about the features of the poetics of the novel.

A.K. Тарабакина. Особенности языковой имплементации мотива (на материале прозы Дж. Фаулза). В статье анализируются особенности языковой имплементации мотива на примере мотива уединенного места в прозе британского писателя Дж. Фаулза (1926–2005). Особое внимание уделяется ауто-поэтическим языковым техникам (аллитерации, анаграммы, криптотипы), которые обеспечивают связность на уровне формы и сохранение цельности на уровне содержания мотива в диахронии.

A.K. Tarabakina. Peculiarities of motif’s language implementation in the prose of John Fowles. The article analyses the peculiarities of motif’s language implementation on the basis of the ‘secluded place’ motif in the prose of British novelist John Fowles (1926–2005). Special emphasis is given to autopoetic language techniques (alliterations, anagrams, cryptotypes), which ensure formal cohesion and content integrity of the motif in diachronic perspective.

Ф.Ф. Хасанова. Загадка слов в современной татарской поэзии. В статье анализируются неожиданные смысловые общественно-политические оттенки метафорических образов, которые придают новое измерение слову.

В последнее время поэты, изображая сегодняшнюю действительность, прибегают к различным загадочным понятиям. Иногда такие придуманные современными поэтами словосочетания можно сравнить с трудной загадкой или с математической задачей с двумя неизвестными. Данный процесс образования новых понятий постоянно подводит читателя и исследователей языка художественного произведения к философской мысли Горация: “Слова в истинной поэзии должны удивляться своему соседству”.

F.F. Khasanova. Word Riddles in Modern Tatar Poetry. Modern poets expressing present day realities resort to different enigmatic notions. Some times such word combinations created by modern poets can be compared with mathematical equation with two unknown quantities or difficult riddle. The process of forming new notions leads readers and researchers of works of art to Horatio’s philosophical thought «Words in true poetry must wonder their neighbours». This article deals with the unexpected semantic shades of words which give a word a new meaning.

Е.В. Демидова. Национально-языковое варьирование внутреннего мира текста художественного произведения при переводе. Изучается проблема варьирования внутреннего мира текста художественного произведения при

переводе. Варьируемость предметного мира обусловлена действием активных факторов. Национально-языковое варьирование компонентов художественного мира В.М. Шукшина показано на материале рассказа «Ванька Теляшин» и его переводов на разные варианты английского языка.

E.V. Demidova. The National-Language Variation of the Text's Private World of a Work of Art in Translating. Variation problem of text's private world of a work of art in translating is studied. Variation of the objective world is caused by action of active factors. The national-language variation of components of Shukshin's art world is shown on a material of the story «Vanka Telyashin» and its translations into different variants of English.

A.B. Карпушева. Роль речевого акта самопрезентации в формировании имиджа говорящего в политическом дискурсе. В данной статье проводится анализ речевого акта самопрезентации с точки зрения его особенностей, проявляющихся в политическом дискурсе, а также его роли в формировании имиджа личности. Целью исследования становится выявление речевых стратегий и тактик самопрезентации, которые участвуют в создании имиджа политического лидера.

A.V. Karpusheva. The role of self presentation speech act in image formation of the speaker in political discourse. The article is focused on self presentation speech act, its specifics realized in political discourse and its function of image formation. The research aims at revealing the communicative strategies and tactics and the language means that contribute to the image formation and of the political leader.

P.T. Садуов. Когнитивные нарушения как средство манипулирования сознанием в политическом дискурсе Тони Блэра. Целью представленной статьи является выделение класса когнитивных нарушений в политическом дискурсе Тони Блэра; а также их дальнейшее классифицирование, что предполагает разграничение двух подгрупп: «слова-амебы» и «амебы-усилители». Последние являются термином для обозначения ранее не выделяемого пласта лексики, который, наряду со «словами-амебами», является разновидностью когнитивных нарушений. Статья содержит сравнительную таблицу рассматриваемых лексических групп и примеры их употребления в политическом дискурсе Тони Блэра.

R.T. Saduof. Cognitive impairments as a means of consciousness manipulation in tony blair's political discourse. The aim of the present article is to single out the class of cognitive impairments in the discourse of Tony Blair and to further classify them into «amoeba-words proper» and «intensifying amoeba-words». The latter term denotes a previously nonexistent class of words that generate cognitive impairments on the model of «amoeba-words proper». The article includes a comparison table of the two groups under consideration and examples of their use in the political discourse of Tony Blair.

Н.В. Цепелева. Системоцентристская и антропоцентристская модель представления синонимических отношений в лексике. В статье представлена попытка создания целостной языковой картины мира, основу которой составляют данные двух различных языковых моделей – системоцентристской и антропоцентристской. Путем сопоставительного анализа семантического, ассоциативно-смыслового и метаязыкового полей синонимической сети «ловкач – проныра – пройдоха» проводится исследование семантических сходств и отличий между образованными в рамках полей лексико-семантическими группами.

N.V. Tsepeleva. Linguistic representation models of synonymic relations in vocabulary. In this article we make an attempt to create an integral linguistic picture of the world based on the facts of two different linguistic models – system-central and anthropocentral. By means of the comparative analysis of semantic, associative-semantic and metalinguistic fields of the synonymous network «trickster – wriggler – sharker» we find out the similarities and differences between the lexico-semantic groups formed within these fields.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2010 ГОД

НАШИ АВТОРЫ

**БАСОВСКАЯ,
Елена Наумовна**

– кандидат филологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва).
E-mail: Jeni_ba@mail.ru

**ДЕМИДОВА,
Елена Викторовна**

– аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: demidel@mail.ru

**ДУБЕНИК,
Елена Алексеевна**

– аспирант Московского педагогического
Государственного университета.
E-mail: led_19@mail.ru

**КАЗАКОВА,
Ирина Борисовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Поволжской государственной социально-
гуманитарной академии (Самара).
E-mail: kib_sam@mail.ru

**КАРПУШЕВА,
Анна Васильевна**

– аспирант Алтайской государственной
Педагогической академии (Барнаул).
E-mail: anna.karpusheva@gmail.com

- КАРПУХИНА,**
Виктория Николаевна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: karpuhina@filo.asu.ru
- КИНДИКОВА,**
Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: root@gasu.gornyy.ru
- КОВАЛЕВ,**
Петр Александрович – кандидат филологических наук, доцент
Орловского государственного университета.
E-mail: mail-kavalller@mail.ru
- МАКСИМОВ,**
Виктор Дмитриевич – кандидат филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: mksmv@yandex.ru
- МЕНДЖЕРИЦКАЯ,**
Елена Олеговна – кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: discourse@mail.ru
- МУЧКИНА,**
Екатерина Сергеевна – ассистент Красноярского государственного
педагогического университета.
E-mail: mes_kras@mail.ru
- ОРЛОВА,**
Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: nvorl@rambler.ru
- ПАНЧЕНКО,**
Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru

- ПЯТАЕВА,**
Наталья Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент
Стерлитамакской государственной
педагогической академии Зайнаб Биитовой.
E-mail: Pjataeva@yandex.ru
- САДУОВ,**
Руслан Талгатович – аспирант Башкирского государственного
университета (Уфа).
E-mail: rsf@bk.ru
- ТАРАБАКИНА,**
Анна Константиновна – аспирант Новосибирского государственного
технического университета.
E-mail: ak.tarabakina@mail.ru
- ТАХМЕЗОВА,**
Эмилия Башировна – кандидат филологических наук, доцент
Дагестанского государственного университета
(Дербент).
E-mail: emiliya76@rambler.ru
- ТЕЛЯТНИК,**
Марина Александровна – старший преподаватель Санкт-Петербургского
Государственного университета культуры
и искусств.
E-mail: garaska@rambler.ru
- ХАСАНОВА,**
Фарида Фирдавесевна – кандидат филологических наук, доцент
Татарского государственного гуманитарно-
педагогического университета (Казань).
E-mail:
- ЦЕПЕЛЕВА,**
Наталья Викторовна – аспирант Алтайской государственной
Педагогической академии образования
Им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: natali8885@mail.ru
- ЧАЛОВА,**
Лариса Владимировна – кандидат психологических наук, доцент
Северодвинского филиала Поморского
Государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: laro4@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 26.02.2010. Подписано в печать 28.02.2010. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.